ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ,

издаваемый

Михайломъ Каченовскимъ.

ЧАСТЬ XXVI.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи,

1806 года.

Съ одобренія Цензурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

МАРТЪ, 1806.

№ 5.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Любовь и Дружба.

„Нѣтъ ли ко мнѣ писемъ?“ — спросила Эмеранса у придверника, возвратясь ввечеру домой. — Есть, сударыня; вотъ онѣ. — „Подай.“ — Эмеранса протягиваетъ руку въ каретныя дверцы, и беретъ связку писемъ. Подъ темнымъ сводомъ не льзя было читать; но ощупавъ рукою, и нашедъ три большія письма, свернутыя на четыре угла съ толстыми печатьми, она тотчасъ догадалась, что въ нихъ не чему быть доброму. Осязаніе женщины въ подобныхъ случаяхъ не уступаетъ осязанію слѣпца; съ помощію сего тонкаго чувства она узнаетъ, отъ кого прислано письмо — отъ провинціяльнаго ли жителя, отъ родственницы, или отъ любовника. . . . Эме-

ранса смущается, ощупавъ пальцами маленькое письмо, искусно сложенное, написанное на бумагѣ тонкой и гладкой. Нужно ли сказывать, что оно прежде всѣхъ было прочитано? Въ самомъ дѣлѣ, Эмеранса вошедши въ комнату, тотчасъ осмотрѣла письмо, и небрежно разпечатывая сказала: „А! это отъ Бомеля; я объ немъ совсѣмъ не думала. . .“ — Въ письмѣ содержались слѣдующія строки:

„Какъ, любезная сестрица! въ цѣлые „полгода написать только одно письмецо на „полстраничкѣ! . . . Хотя я и получаю отъ „тебя извѣстія черезъ твоего мужа; однакожь тебѣ не льзя не знать, что этого „для меня не довольно. Какія новости узнаешь изъ писемъ двадцати-четырех-лѣтней женщины къ сороколѣтнему влюбленному супругу! . . . . По счастію, у меня „есть еще съ другими переписки. . . Меня „увѣдомляютъ, что у васъ *новаго нѣтъ ничего* (это хорошо!); но что *старанія и „неотступныя искательства* продолжаются „по прежнему. Это худо! *Упорствовать* „восемь мѣсяцовъ! . . . Берегись, Эмеранса! „такое упорство сдѣлается подозрительнымъ. „Ты знаешь, что люди не вѣрятъ постоянству *несчастныхъ* любовниковъ. Честной, „доброй Алерси не ревнивъ; но я ревнивъ „до крайности; меня не обманешь. Живучи

„твоимъ счастїемъ, могу ли видѣть равно-
„душно Эмерансу въ толпѣ женщинъ обык-
„новенныхъ? Что будетъ со мною, если не
„найду въ тебѣ того внутренняго спокой-
„ствїя, той любезности, которыя соста-
„вляли прелесть и утѣшенїе моей жизни?
„Что будетъ со мною, если увижу несчаст-
„нымъ почтеннаго человѣка, которой уже
„восемь лѣтъ изъявляетъ мнѣ любовь роди-
„тельскую только потому, что почитаетъ
„меня братомъ Эмерансы? Такъ! онъ бу-
„детъ несчастенъ, если перестанутъ назы-
„вать тебя образцомъ женщинъ твоего воз-
„раста, и если ты войдешь въ связь, кото-
„рая лишитъ тебя добраго имени и всѣхъ
„милыхъ качествъ, украшавшихъ твою осо-
„бу. Отдавшись любовнику, можешь ли со-
„хранить ту веселость, то однообразїе въ
„нравѣ, то чистосердечїе, которыя дѣла-
„ютъ безцѣннымъ ваше общество? Ты умѣ-
„ла украсить самыя добродѣтели, такъ что
„онѣ кажутся въ тебѣ прелестями. Поду-
„май, какъ легко теряетъ ихъ честная
„женщина, вдаваясь въ заблужденїя! раска-
„янїе и угрызенїя омрачаютъ душу ея и
„портятъ характеръ! . . . Не соглашаясь
„сами съ собою, становимся своенравными;
„упрекая себя въ важной погрѣшности, и
„безпрестанно стараясь скрывать ее, стано-
„вимся притворными и задумчивыми. . .
„Эмерансѣ *лгать*! . . . Эмерансѣ сдѣлаться

„лукавою женщиною! АхЪ! если когда нибудь „послѣдуетЪ такое превращенїе, да будетЪ „проклятЪ виновникЪ онаго! . . .

„Не спорю, что *онЪ* любезенЪ, добродѣ„теленЪ; но сїе-то самое и заставляетЪ „меня ненавидѣть его; сталЪ ли бы я опа„саться какого-нибудь негодяя? . . . ОнЪ „не таковЪ; онЪ уменЪ, прелестенЪ . . . „но, Эмеранса, онЪ придворной! . . . чело„вѣкЪ, по образу жизни своей навсегда отЪ „тебя удаленный; человѣкЪ, котораго вы„годы сЪ твоими никогда не будутЪ сход„ны; онЪ не можетЪ говорить ни о чемЪ „другомЪ, кромѣ какЪ о такихЪ предметахЪ, „которые тебѣ неизвѣстны, и о которыхЪ „ты не имѣешь понятїя . . . а любовь тре„буетЪ во всемЪ согласїя, требуетЪ во всемЪ „равенства. . . Разсуди о семЪ прилѣжно; „имѣю важную причину указывать тебѣ на „любовь сЪ дурной стороны ея. Мой при„мѣрЪ долженЪ былЪ научить тебя, что „страсть сильная — хотя была бы она дозво„ленная — есть неизсякаемый источникЪ „безпокойствЪ и мученїй; ты знаешь, какїя „горькїя слезы и теперь еще проливаю на „могилѣ несчастной женщины, о которой я „долженЪ былЪ жалѣть, но которой лю„бить мнѣ долѣе не надлежало! . . . . „Теперь утѣшаюсь только ощущенїемЪ, что „сердце мое для любви состарѣлось, и

„что по крайней мѣрѣ съ тридцати двухъ „лѣтъ уже не испытаю на себѣ подобныхъ „мученій. Когда увидимся, милой другъ мой, „ты разскажешь мнѣ все; не ты ли долгое „время была моею повѣренною? сколько разъ, „слушая горестныя тайны мои, ты говари- „вала: *о! какъ я ненавижу любовь, виновницу „столь многихъ мученій!* Ты была права, „любезная Эмеранса; останься навсегда при „сихъ мысляхъ. Въ теченіе десяти лѣтъ „сколько разъ будешь имѣть причины благо- „дарить себя! . . . Прости; черезъ шесть „недѣль къ тебѣ приѣду; если же хочешь „видѣть меня скорѣе — увѣдомь. Не весь ли „принадлежу тебѣ съ тѣхъ поръ, какъ по- „лучилъ себѣ свободу столь несчастнымъ „образомъ? . . .“

Эмеранса, прочитавши письмо, вздохнула, задумалась, предалась умиленію; по томъ написала отвѣтъ слѣдующаго содержанія:

„Торжественное письмо ваше, любезной „другъ, слишкомъ ужасно! и къ чему та- „кія важныя размышленія, къ чему всѣ сіи „безпокойства? . . . *Онъ* никогда не откры- „вался мнѣ въ любви своей. . . . Вы тотчасъ „скажете, что теперь уже не дѣлаютъ „*формальныхъ* объявленій. Знаю, что можно „и безъ нихъ обойтись; однако жь и то „правда, что на бумагѣ не переставали объя-

„еняться. Я получила множество глупыхъ „записокъ сего рода; но отъ *него* — ни „одной; даже не знаю почерка руки его. Не „рѣдкость ли это? Можно ли быть жесто„кою къ такому человѣку, которой ничего „не проситъ, ничего не объявляетъ? . . . „Не могу оскорблять его; увѣряю васъ, что „хотѣла бы имѣть какой-нибудь предлогъ „къ тому, хотѣла бы, чтобъ онъ изъяснил„ся мнѣ, написалъ что-нибудь. Васъ уди„вляетъ постоянное *искательство*; но оно „можетъ двадцать лѣтъ продолжаться, и „я все не буду имѣть права ему противить„ся. Не хотите ли, чтобы я стала ссорить„ся съ нимъ за любовь, о которой никто не „думаетъ, и которой можетъ быть онъ со„всѣмъ не чувствуетъ? . . . Конечно, мнѣ „хотѣлось бы узнать, на что я должна „рѣшиться; сердиться же безъ причины было „бы смѣшно до крайности! . . . Все это вы„водитъ меня изъ терпѣнія.

„Вижу въ письмѣ вашемъ прежнюю „дружбу, но не нахожу въ немъ всего вашего „почтенія, и — кажется, имѣю право на то „жаловаться. Развѣ не знаете, что я не „могу ни обманывать, ни доводить себя до „униженія? Я счастлива, хочу всегда быть „такою, и знаю и чувствую, что счастіе „неразлучно съ невинностію. Браните меня, „но не дѣлайте оскорбительныхъ поученій

„съ видомъ боязни и сомнѣнія; не думайте, „чтобы Эмеранса когда-нибудь стала пре„зрѣнною.

„Ахъ! лучше умру, нежели сдѣлаюсь „безчестною, или заставлю безпокоиться по„чтеннаго и любезнаго человѣка, виновника „моего благополучія! онъ усовершенствовалъ „во мнѣ тѣ качества, которыя обращаютъ „на себя ваше вниманіе. Кто, живучи съ „нимъ, не полюбитъ добродѣтели? какихъ „благодѣяній мы отъ него не получили? не „онъ ли былъ истиннымъ нашимъ настав„никомъ? не смотря на молодость нашу, „какую довѣренность онъ имѣлъ къ намъ во „все время!.... И однако жь вы знаете, „что, изъ уваженія къ нему, я боюсь его... „Иногда раждаются во мнѣ *женскія мысли*, „которыхъ никогда бы ему не объявила — „столько-то дорого цѣню его мнѣніе! Я „кажусь ему достойною женщиною; сіе „обстоятельство радуетъ меня, и заста„вляетъ въ самомъ дѣлѣ стараться о при„обрѣтеніи тѣхъ качествъ, которыя нѣж„ность его во мнѣ предполагаетъ. При малѣй„шей перемѣнѣ, онъ, подобно вамъ, тотчасъ „узнаетъ, что дѣлается въ моемъ сердцѣ.

„Простите! пріѣзжайте какъ можно „скорѣе. Хотя ни теперь не имѣю, ни впредь „имѣть не буду никакой тайны, которую

„могла бы открыть вамъ; однако жь мнѣ „нетерпѣливо хочется васъ видѣть, и съ „вами разговаривать.“

Этотъ человѣкъ, которой выводилъ изъ терпѣнія своею скрытностїю, назывался Графъ Эдуардъ Бланжи. Онъ былъ прїятенъ, любезенъ въ обхожденїи, и имѣлъ красивую наружность; былъ напитанъ правилами, принятыми въ хорошихъ обществахъ, — тѣми правилами, которыя не во всемъ согласны со строгою моралью, но которыя научаютъ изящному вкусу, умѣнью обращаться съ людьми и казаться ловкимъ въ обществахъ. Онъ былъ влюбленъ въ Эмерансу; не смотря на то, сохранилъ все равнодушїе, потребное для своего плана и для наблюденїя поступковъ Эмерансы. Сїя женщина пользовалась общимъ уваженїемъ, и нѣжно любила своего мужа; слѣдственно въ такомъ случаѣ надлежало быть весьма осторожнымъ, объявляя любовь свою. Графъ часто ужиналъ съ нею у сестры Г-на Алерси; нанялъ въ театрѣ Французской Комедїи ложу подлѣ ложи Эмерансиной; замѣчалъ иногда смущенїе, иногда признаки досады, иногда притворную безпечность, принужденную важность; ловилъ взоры блуждающїе, безпокойные и любопытные; видѣлъ не одинъ уже разъ, что Эмеранса краснѣлась, и . . . ожидалъ благопрїятнаго случая.

Упрекаютъ женщинъ средняго состоянія, что онѣ охотнѣе идутъ въ сѣти придворныхъ, нежели людей другаго званія. Сіе обстоятельство приписываютъ ребяческому тщеславію; но въ самомъ дѣлѣ оно часто бываетъ слѣдствіемъ тонкой разборчивости, свойственной женщинамъ. Жена казначея можетъ вести себя такъ же благородно, обходиться такъ же пріятно, какъ и придворная дама; прелести женщины равно милы во всѣхъ состояніяхъ; но при Дворѣ конечно болѣе такихъ людей, которые способомъ изъясняться, тономъ и поведеніемъ приобрѣли Французамъ славу вѣжливости и любезности.

Эмеранса въ самомъ дѣлѣ замѣтила Графа Эдуарда; а молодая женщина очень рѣдко съ безопасностію для себя можетъ *замѣчать* любезнаго мущину. Будучи огорчена молвою, начинающею разпространяться, полагая навѣрное, что Графъ влюбленъ въ нее, и рѣшась лишить его всей надежды, лишь только онъ дерзнетъ изъясниться, Эмеранса сперва равнодушно ожидала любовнаго предложенія; по томъ съ удивленіемъ видя, что ей ничего не говорятъ, почувствовала безпокойство, похожее на досаду. Каждая записка, ей приносимая, производила въ ней какое-то движеніе. Эмеранса сдѣлалась менѣе постоянною въ нравѣ, сдѣлалась болѣе

принужденною. Живучи одна, въ двадцать четыре года, будучи ни отъ кого независима, не имѣя подлѣ себя ни добродѣтельнаго мужа, ни вѣрнаго друга, передъ которыми могла бы открыть сердце свое, она находилась въ самомъ опасномъ состояніи, тѣмъ болѣе, что не чувствовала своей опасности. Эмеранса обѣщалась сама себѣ не ѣздить на публичные балы въ отсутствіе мужа; но въ то время одинъ изъ Принцовъ давалъ блестящій праздникъ, куда Эмеранса могла ѣхать съ билетомъ зрительницы (*). Бывъ приглашена на сей праздникъ съ сестрою своего мужа, она приѣхала въ полночь во Дворецъ, и посажена позади скамеекъ, на подмосткахъ во впадинѣ подъ окошкомъ. Передъ подмостками на лавкѣ сидѣли двѣ прекрасныя дамы въ нарядномъ платьѣ. Немедленно окружила ихъ толпа молодыхъ придворныхъ кавалеровъ, въ числѣ которыхъ находился и Графъ Бланжи. Стоя передъ дамами, онъ тотчасъ увидѣлъ Эмерансу и ея родственницу; отдалъ имъ почтительной поклонъ, и продолжалъ разговаривать съ молодыми дамами, которыя оборотились назадъ, желая видѣть, кому Графъ кланялся.

(*) Зрительницы не имѣли участія ни въ бесѣдѣ, ни въ танцахъ, ни за ужиномъ, и не сидѣли на лавкахъ, назначенныхъ для особъ придворныхъ.

Не нужно сказывать, что смотрѣть черезъ плечо неучтиво, а особливо когда молодая женщина смотритъ на другую. Эмеранса огорчилась даже и тѣмъ, что Эдуардъ не бросился со всею поспѣшностїю за скамейки, чтобы завести разговоръ съ ея родственницею, у которой онъ весьма часто ужиналъ. Взоры двухъ госпожъ и выраженїя лицъ ихъ не понравились Эмерансѣ; она закраснѣлась, почувствовала въ себѣ перемѣну, и пришла отъ того еще въ большее замѣшательство. Въ эту несносную минуту она думала, что кажется всѣмъ смѣшною; и какїя мечты не терзали ея воображенїя! . . . А къ большему мученїю она увидѣла, что Графу о чемъ-то говорятъ на ухо, и не сомнѣвалась, что спрашиваютъ объ ея имени; она еще замѣтила нѣсколько коварныхъ улыбокъ. Эдуардъ во все время казался важнымъ и повидимому совсѣмъ не имѣлъ умысла шутить; не смотря на то, Эмеранса терзалась столь сильнымъ негодованїемъ, чувствовала такую жестокую досаду, столько занята была увѣренностїю въ униженїи сидѣть на проклятыхъ подмосткахъ, назади женщинъ одинакаго съ него возраста, но не равной красоты, — женщинъ, которыя имѣли изключительное право танцовать на балѣ, — наконецъ Эдуардова холодность къ ея родственницѣ показалась ей столь несносною,

что всѣ сіи причины вмѣстѣ произвели въ ней совершеннѣйшую и счастливѣйшую перемѣну. Графъ танцовалъ съ одною изъ упомянутыхъ молодыхъ госпожъ придворныхъ; послѣ контрданса женщины уже не подходили къ скамейкѣ; между тѣмъ Графъ одинъ приближился къ подмосткамъ, обошелъ кругомъ скамейку, и началъ разговаривать съ Эмерансою и ея родственницею. Эмеранса, будучи умна и горда, постаралась скрыть свою досаду. Никто не проникнетъ въ сердце женщины, когда самолюбіе заставляетъ ее притворяться. Эмеранса отвѣчала съ видомъ веселымъ и съ обыкновенною вѣжливостію; хвалила праздникъ; увѣряла, что балъ показался ей блестящимъ, и что всѣ женщины ослѣпляютъ своими прелестями; прибавила даже, что во всемъ находитъ особливое для себя удовольствіе. Эдуардъ, какъ мущина, былъ весьма проницателенъ; однакожъ совсѣмъ не примѣтилъ негодованія въ Эмерансѣ. Возвратясь домой, она снова прочла письмо Бомелево: какъ справедливымъ показалось ей написанное въ немъ о придворныхъ! . . . . . Подъ предлогомъ простуды, она почти двѣ недѣли не выѣзжала изъ дому. По прошествіи сего времени случилось ей ужинать у сестры своего мужа; Графъ Эдуардъ былъ тамъ же. Никогда еще Эмеранса не казалась столько веселою, какъ въ сей вечеръ;

женщина обыкновенно бываетъ гораздо живѣе, когда оскорбленная гордость ея помышляетъ объ отмщенїи... Она обратила на себя вниманїе всѣхъ присутствующихъ; захотѣла отличиться — и отличилась. Эдуардъ, влюбленный болѣе нежели прежде, сѣлъ за столомъ подлѣ Эмерансы. При множествѣ гостей можно было тихонько разговаривать; въ томъ состоитъ выгода большихъ столовъ, что общїй шумъ безпрепятственно дозволяетъ изъясняться въ любви, — какъ обыкновенно и дѣлается въ свѣтѣ. Эмеранса до сихъ поръ всегда старалась избѣгать случая сидѣть вмѣстѣ съ Графомъ; но въ этотъ вечеръ не почла нужнымъ окружить себя женщинами. Лучь радости блеснулъ въ глазахъ ея, когда Графъ къ ней приближился; Эдуардъ обманулся, почелъ минуту благопрїятною, и захотѣлъ воспользоваться ею. Онъ началъ говорить; его слушали; дошло до изъясненїя. Эмеранса съ рѣшительною холодностїю, съ совершеннымъ спокойствїемъ сказавъ двѣ или три фразы, лишила его всей надежды, и ясно дала знать, что онъ никогда не былъ предметомъ ея вниманїя. Отвѣтъ сей, подобно громовому удару, поразилъ Эдуарда; онъ смутился, остолбенѣлъ, не могъ произнести ни одного слова. Молчанїе продолжалось цѣлую минуту. Эмеранса, опять начавъ говорить, прибавила: „Будьте, сударь, увѣрены, что рѣшась имѣть

любовника; я никогда не выбрала бы придворнаго." Вставши изъ за стола пошли въ залу; Эмеранса явилась съ торжествующимъ видомъ; ей казалось, что одержала побѣду надъ всѣмъ дворянскимъ сословіемъ, и отмстила за всѣхъ женщинъ, которымъ изъ человѣколюбія дозволяютъ присутствовать на придворныхъ балахъ только простыми зрительницами.

Лабрюйеръ сказалъ: „никогда кровь наша столько не освѣжается, какъ въ то время, когда умѣемъ остеречь себя отъ дурачества." Эмеранса испытала это на себѣ: она почувствовала, что освободилась отъ несноснаго безпокойства, обратно получила прежній свой характеръ, сдѣлалась постоянною во нравѣ и спокойною; благодарила гордость свою, можетъ быть не зная, чѣмъ ей была обязана; ибо Эмеранса не предполагала возможности такого заблужденія, о которомъ одна мысль приводитъ въ ужасъ; однакожь она признавалась сама себѣ, что добрая слава ея и спокойствіе были въ нѣкоторой опасности, и восхищалась тѣмъ, что получила обратно разсудокъ и прежнее спокойствіе. Графъ Эдуардъ Бланжи пересталъ искать ее, но никакъ не могъ повстрѣчаться съ нею безъ внутренняго движенія. Любовь, вдохновенная добродѣтельною женщиною, печатлѣетъ глубокіе слѣды на сердцѣ, оста-

вляя послѣ себя такія напоминанія, которыя никогда не смѣшиваются съ другими.

Бомель и Г. Алерси возвратились. Эмеранса ощутила живѣйшую радость, увидѣвшись съ ними: она приобрѣла новыя права на ихъ почтеніе. Зима прошла; лѣто 1789 года было свидѣтелемъ ужасныхъ приключеній! по счастію, благоразумный Бомель, предвидя пагубныя слѣдствія революціи, продалъ свои помѣстья, перевелъ деньги въ чужіе краи, и выѣхалъ изъ отечества въ началѣ 1791 года. Г. Алерси, не будучи дворяниномъ, и не видя для себя опасности, остался. Графъ Эдуардъ также остался въ отечествѣ, имѣя одинакія политическія мнѣнія съ Г-мъ Алерси; нѣкоторыя отношенія сдѣлали ихъ близкими одного къ другому. Эмеранса не могла быть равнодушною, когда Графъ, введенный въ домъ ея мужемъ, явился у нее; впрочемъ Эдуардъ велъ себя весьма честно. Г. Алерси оказалъ ему многія важныя услуги. Хотя любовь, на которую не было взаимнаго соотвѣтствія, удобно воспламеняется снова; но Графъ ни дѣломъ ни словомъ не напомнилъ о прежней склонности своего сердца, — тѣмъ болѣе Эмеранса внутренно почитала его; однакожь черезъ нѣсколько времени сказала сама себѣ: „можетъ быть я напрасно удивляюсь похвальной осторожности, которая въ самомъ дѣлѣ

есть не что иное, какъ совершенное забвеніе." Это заставило ее предаться важнымъ размышленіямъ о легкомысліи мущинъ. Надобно знать, что женщины становятся строгими нравоучительницами, когда чувствуютъ внутреннія неудовольствія, которыхъ не смѣютъ обнаружить ни передъ другими, ни передъ самими собою. Конечно Эмерансѣ не хотѣлось, чтобы Графъ сохранилъ такую любовь, которую почтеніе изцѣлить долженствовало; но она желала бы видѣть, что остались еще нѣкоторые слѣды.... Можно ли, чтобы Графъ совсѣмъ забылъ то, что у Эмерансы было въ свѣжей памяти? .... Она старалась удалить отъ себя сіи мысли. Къ несчастію, Эдуардъ началъ прилѣжнѣе посѣщать домъ Г-на Алерси; Эмеранса часъ отъ часу становилась задумчивѣе, печальнѣе; она увѣряла, что общественныя произшествія сдѣлали въ ней сію перемѣну. Извиненіе казалось справедливымъ; ужасъ начиналъ господствовать во Франціи. Г. Алерси съ нѣкотораго времени занимался приготовленіями убѣжать изъ отечества. Докторъ Н., человѣкъ весьма честной и совершенной другъ Г-на Алерси, увѣдомилъ его, что два сильные непріятеля хотятъ оклеветать его передъ правительствомъ. Г. Алерси не могъ тотчасъ уѣхать; надлежало сдѣлать нѣкоторыя распоряженія, и окончить дѣла свои. Чтобы жить безопасно въ Парижѣ, онъ вы-

думалъ странную хитрость, и ввѣрилъ тайну свою одному только Доктору Н. Оба условились, чтобы Г. Алерси на другой день притворился разбитымъ отъ паралича; согласились о всѣхъ подробностяхъ сей выдумки; которая долженствовала быть тайною даже для Эмерансы, не потому чтобы Г. Алерси недовѣрялъ своей супругѣ, но для того, что не сомнѣвался въ ея нѣжности; онъ ожидалъ хорошихъ слѣдствій отъ печали, которую могла произвесть въ ней сія хитрость. Дорого стоила сердцу Г-на Алерси жестокая горесть, причиняемая обожаемой супругѣ; но Докторъ непремѣнно требовалъ сего, и объявилъ, что иначе не согласится помогать ему: Надлежало повиноваться. Г. Алерси самъ признавался, что безъ сей предосторожности тайна его легко могла бы открыться; ибо Эмеранса менѣе всего умѣла притворяться печальною. Впрочемъ онъ далъ самъ себѣ обѣщаніе тотчасъ вывести ее изъ заблужденія, когда разнесется молва о мнимой болѣзни. На другой день вставши по обыкновенію, онъ началъ жаловаться на жестокую головную боль и оцѣпенѣніе; вошелъ въ кабинетъ; спустя два часа, позвонилъ: является каммердинеръ, и находитъ своего господина лежащаго на полу *безъ памяти*. Устрашенный слуга кричитъ, и въ то же время кладетъ Г-на Алерси на софу. Вбѣгаетъ Эмеранса со множествомъ служителей;

сперва почитаютъ сей припадокъ простымъ обморокомъ, и стараются больнаго привести въ чувство. Г. Алерси открываетъ глаза; ужасъ объялъ всѣхъ присутствующихъ, когда увидѣли, что больной не можетъ говорить и двигать лѣвою рукою. „Это параличь!“ закричали всѣ въ одинъ голосъ. Отчаянная Эмеранса залилась слезами. . . . . Является Докторъ, за которымъ нарочно посылали; онъ подтверждаетъ, что больной точно разбитъ параличемъ, и что ударъ, поразивъ половину тѣла, и коснувшись языка и мозга, лишилъ его памяти. Однакожь Докторъ увѣрялъ, что Г-на Алерси — которому было еще не болѣе сорока трехъ лѣтъ — не трудно вылѣчить, но что изцѣленія надлежитъ ожидать отъ времени. Больнаго положили на постелю; Докторъ въ присутствіи всѣхъ служителей пустилъ ему кровь, обѣщался ввечеру посѣтить его и уѣхалъ, оставивъ у постели надзирательницу, которую нарочно привезъ съ собою для предосторожности, чтобы Г. Алерси, покрайней мѣрѣ въ первые дни, какъ нибудь не открылъ тайны. Эмеранса объявила, что не оставитъ больнаго ни на минуту; горесть ея не удивляла мужа, но возбуждала въ немъ сильное умиленіе. Послѣ обѣда принесли письмо отъ Эдуарда, надписанное на имя Г-на Алерси; Эмеранса, разпечатавъ, нашла, что Эдуардъ, не зная о случившемся, просилъ Г-на Алерси

дать себѣ тайное убѣжище дня на три или на четыре; ибо ему сказано за вѣрное, что въ слѣдующую ночь придутъ взять его подъ стражу. Письмо сїе привело Эмерансу въ крайнее замѣшательство; она имѣла надежное средство скрыть его; но ввести ночью въ свои комнаты молодаго человѣка, которой любилъ ее, и держать его у себя нѣсколько дней сряду — какой поступокъ!... Однакожь, жизнь Эдуарда находилась въ опасности; надлежало ли погубить его для сохраненїя благопристойности?... Впрочемъ, ни кто не могъ знать о семъ; можно было обойтись, не ввѣряя никому тайны; къ тому жь, во время ужасовъ прилично ли въ точности соображаться со всѣми правилами благопристойности?.... Разсудя такимъ образомъ, Эмеранса робкою рукою написала слѣдующїя слова: „Сего „дня ввечеру въ одиннадцать часовъ придите „ко дверямъ сада; посылаю вамъ ключь: вы „найдете меня внизу подлѣ потайной лѣст„ницы, и будете скрыты до тѣхъ поръ, „пока это нужно для вашей безопасности.“

Въ стѣнѣ спальни Г-на Алерси сдѣлана была большая впадина, похожая на шкапъ, и закрытая выдвижною доскою такъ искусно, что ни одинъ изъ служителей не зналъ о ней. Сей шкапъ долгое время былъ хранилищемъ денегъ и важнѣйшихъ бумагъ, спрятанныхъ въ желѣзномъ сундукѣ; деньги

отосланы въ чужіе краи; одной Эмерансѣ извѣстна была тайна; она вздумала въ семъ мѣстѣ спрятать Графа. Два человѣка могли помѣститься въ шкапѣ, гдѣ вмѣсто обыкновенныхъ перегородокъ стоялъ желѣзной сундукъ, которой могъ служить стуломъ. Эмеранса велѣла приставницѣ идти спать. „Теперь девять часовъ — сказала она — ты можешь отдыхать до полуночи, или и долѣе; я разбужу тебя.“ Приставница исполнила повелѣніе. Все сіе произходило въ присутствіи Г-на Алерси, лежавшаго на постелѣ. Онъ слушалъ со вниманіемъ; оставшись наединѣ съ женою, хотѣлъ вывести ее изъ заблужденія, и началъ думать о способахъ сдѣлать это такъ, чтобъ не испугать ее. Между тѣмъ, лишь только приставница вышла, Эмеранса заперла задвижками двери, открыла шкапъ, положила туда двѣ или три подушки, нѣсколько хлѣба и корзинку съ плодами; по томъ сѣла и заплакала. Черезъ минуту встала, подошла къ стѣннымъ часамъ, взглянула на стрѣлку, и сказала со вздохомъ: *онъ придетъ черезъ полтора часа!* — по томъ опять сѣла, взяла книгу, прочла нѣсколько строкъ, положила книгу на столъ, вынула карманные часы, заставила ихъ пробить, и опять заплакала. Все сдѣлано было въ сильномъ движеніи.... Г. Алерси, разтроганный и крайне удивленный, рѣшился,

не говоря ни слова, дожидаться развязки. Въ десять часовъ и три четверти Эмеранса принесла мясной ухи мужу, и склоняла его подкрѣпиться пищею. Г. Алерси продолжалъ притворяться, будто не узнаетъ ее, и ничего не слышитъ; она подняла голову его, и напоила; по томъ упавъ на колѣна передъ изголовьемъ, и обливаясь слезами, вскричала: „Несчастный! ты не можешь быть моимъ наставникомъ, не можешь мнѣ давать полезные совѣты; я не имѣю друга!... Ты не видишь меня; но я стану смотрѣть на тебя; изголовье сей постели будетъ моимъ убѣжищемъ; брачная наша храмина никогда не осквернится! . . . . " — Сказавши это, встала, взяла потайной фонарь, и ушла съ поспѣшностїю. Было одиннадцать часовъ . . . Дрожащая Эмеранса спустилась по лѣстницѣ въ садъ, нашла Эдуарда, и сказавъ: „ступайте, сударь, за мною," тотчасъ пошла обратно. Эдуардъ, уже отправивши письмо, узналъ о болѣзни Г-на Алерси, слѣдственно не сомнѣвался, что симъ важнымъ одолженїемъ онъ обязанъ былъ одной Эмерансѣ. Будучи исполненъ любви и надежды, онъ благодарилъ ее съ чувствомъ живѣйшимъ. Эмеранса, ничего не отвѣчая, вела его въ комнаты. Г. Алерси до крайности изумился, увидѣвъ черезъ нѣсколько минутъ идущую назадъ свою супругу вмѣстѣ съ Графомъ Эдуардомъ. Онъ

рѣшился слушать и молчать до тѣхъ поръ, пока честь не заставитъ его взять другія мѣры. Эмеранса сѣла у изголовья постели; нѣсколько ободрясь и успокоясь, указала Эдуарду на шкапъ, говоря, что у нее нѣтъ другаго мѣста, гдѣ было бы можно спрятаться. — „Покрайней мѣрѣ — продолжала Эмеранса — вы будете въ безопасности; я сдѣлаю для васъ все, что сдѣлалъ бы самъ Алерси, если бы не впалъ въ ужасное состояніе, въ которомъ видите его; исполнить его волю, и спасти васъ — вотъ двѣ пріятнѣйшія для меня должности. Признаюсь, поступокъ сей весьма страненъ; оправдать его можно только жестокимъ варварствомъ тирановъ, которые угнетаютъ насъ, и особливымъ уваженіемъ, которое къ вамъ имѣю. Я увѣрена, что въ честномъ и осторожномъ вашемъ поведеніи со мною найду тѣ знаки благодарности, которые теперь вы можете изъявить мнѣ.“

Рѣчь сія, произнесенная съ видомъ торжественнымъ, возбудила удивленіе въ Графѣ, и привела его въ столь почтительное недоумѣніе, что онъ цѣлую минуту не могъ дать отвѣта. По томъ изъяснился хотя со всею осторожностію, которой отъ него требовали, однакожь тономъ влюбленнаго человѣка. Смущенная Эмеранса отвѣчала только сими словами: „не забывайте, гдѣ

мы находимся . . . . въ комнатѣ больнаго человѣка надобно быть молчаливымъ." — По томъ принялась за книгу, показывая, будто читаетъ. Эдуардъ стоялъ напротивъ ее, облокотясь на каминъ, смотрѣлъ пристально, и не говорилъ ни слова. Эмеранса чувствовала сильное движенїе и безпокойство; безъ вниманїя перевертывала листки, часто посматривала на мужа, и вздыхала. Спустя три четверти часа, сказала: „вамъ пора спрятаться; сей часъ позову приставницу" . . . . Эдуардъ вошелъ въ шкапъ. Въ сїю минуту живѣйшее умиленїе разсыпало все безпокойство Эмерансы; Эдуардъ не садился, но сталъ на колѣна прямо противъ Эмерансы, положивъ руку на сердце... „Да хранитъ Небо жизнь вашу!" сказала Эмеранса перерывающимся голосомъ. — Ахъ! — вскричалъ Эдуардъ — чего мнѣ бояться подъ покровомъ Ангела небеснаго!.. — Эмеранса заперла шкапъ со слезами на глазахъ, сѣла подлѣ постели, но такъ чтобы можно было смотрѣть на затворника, и предалась глубокой задумчивости. Вздохъ, вылетѣвшїй изъ устъ Г-на Алерси, заставилъ ее взглянуть на больнаго, устремившаго на нее пристальные взоры; глаза ихъ встрѣтились. Эмеранса затрепетала. Тайный упрекъ совѣсти дѣлалъ для нее взглядъ сей ужаснымъ, хотя она и почитала его движенїемъ неумышленнымъ . . . Эмеранса

ухватила правую руку мужа, поцѣловала ее, облила слезами — и обернулась къ шкапу спиною. Въ два часа позвонила какъ можно громче, съ намѣренїемъ разбудить Эдуарда, если бъ онъ спалъ — чего однако жь она не предполагала. Входитъ надзирательница; Эмеранса приказываетъ поставить маленькую кровать подлѣ мужниной, и говоритъ: „я лягу не раздѣвшись; ты проведи ночь на креслахъ въ ближнемъ кабинетѣ; если будешь надобна, тогда позову тебя.“ — Не лучше ли, сударыня, мнѣ остаться здѣсь? вы могли бы почивать спокойно. — „Я не хочу раздѣваться.“ — Это обезпокоитъ васъ. — „Нѣтъ нужды.“

Надзирательница ушла въ кабинетъ; Эмеранса легла на постелю, и почти не спавши встала прежде восьми часовъ. Выславъ приставницу, отперла шкапъ, и предложила Эдуарду пройти въ кабинетъ, гдѣ приготовленъ былъ для него завтракъ. „Тамъ отворено окошко — прибавила Эмеранса — вы можете освѣжиться чистымъ воздухомъ, и провести цѣлой часъ на свободѣ. Эдуардъ возвратился черезъ полчаса; Эмеранса, не давъ ему времени говорить, неотступно просила спрятаться въ шкапъ, и отперла дверь комнаты. Немного спустя, явился Докторъ; и осмотрѣвъ мнимаго больнаго, сказалъ, что надобно его поднять и накормить. „Болѣзнь

сія — прибавилъ онъ — продолжительна; я не знаю другихъ средствъ къ излѣченію, кромѣ путешествія, перемѣны воздуха и водъ Пломбьерскихъ.“ — Очень хорошо! — отвѣчала Эмеранса — поѣдемъ. Скажите, когда? — „Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Черезъ семь или восемь дней.“ — А пашпорты? — „Я постараюсь сдѣлать нужныя разпоряженія и беру все на себя.“ — Докторъ ушелъ, сказавши между прочимъ, что велѣно вездѣ искать Графа Бланжи, что опредѣлено его казнить смертію, и что всѣ бумаги его и домашніе уборы опечатаны. Эмеранса содрогнулась; но Докторъ ободрилъ ее, не примѣтивъ ея смятенія. Цѣлой день провела она въ приготовленіяхъ къ отъѣзду. Въ десять часовъ, опять выслала приставницу на нѣсколько времени, и освободила затворника. „Вамъ угрожаетъ величайшая опасность — сказала она Эдуарду — надобно выѣхать изъ Франціи; постараюсь оказать вамъ возможное пособіе; останьтесь здѣсь до нашего отправленія; я уѣду ночью; вы надѣнете платье одного изъ моихъ служителей. Изъ Пломбьера, которой лежитъ недалеко отъ границы, вамъ не трудно будетъ пробраться въ Швейцарію.“ — Эдуардъ падаетъ къ ногамъ своей благодѣтельницы; Эмеранса отступаетъ назадъ съ ужасомъ. „Какъ, милостивая государыня! — вскричалъ Эдуардъ — вы не дозволяете мнѣ

обнять ваши колѣна! запрещаете мнѣ быть благодарнымъ!“ . . . Г. Алерси громко вздохнулъ. — „Вы разбудили его — сказала Эмеранса, бросившись къ постелѣ — не нарушайте его покоя; уйдите въ кабинетъ.“ — Нѣтъ! — отвѣчалъ Эдуардъ — чѣмъ я къ вамъ ближе, тѣмъ счастливѣе; — и вошелъ въ свой шкапъ. Черезъ минуту Эмеранса принесла ему ужинъ, и принялась за книгу; въ часъ послѣ полуночи заперла Эдуарда, и кликнула приставницу.

Слѣдующіе дни проведены такимъ же образомъ. Эдуардъ не смѣлъ говорить иначе, какъ взорами и вздохами; но языкъ его былъ весьма вразумителенъ . . . .

Между тѣмъ Докторъ, по наставленіямъ Г-на Алерси, давалъ совѣты Эмерансѣ и помогъ ей удачно окончить всѣ дѣла. Эмеранса съ своей стороны употребила всю хитрость выдать Графа Эдуарда своимъ слугою. Она отправила горничную служанку впередъ на обыкновенной почтѣ, чтобы не открывать ей тайны; взяла съ собою только одного служителя, на вѣрность котораго совершенно могла положиться, и объявила ему о своемъ намѣреніи не прежде, какъ передъ самымъ отъѣздомъ. Этотъ служитель отвелъ Эдуарда въ отдаленной переулокъ, въ которомъ приготовлена была лошадь, и не-

медленно возвратился къ госпожѣ своей. Эмеранса приказала перенести больнаго въ карету, и сама сѣла подлѣ него. На концѣ улицы Эмеранса, которая безпрестанно смотрѣла изъ дверецъ, увидѣла скачущаго верхомъ человѣка, и узнала въ немъ Эдуарда, хотя было темно . . . . Выѣхавши за всѣ заставы, она отдохнула, и закричала почталїонамъ, чтобы погоняли. Эдуардъ, приближась къ дверцамъ, сказалъ нѣсколько словъ, которыхъ Эмеранса совсѣмъ не могла слышать, за тѣмъ что Г. Алерси, подлѣ нее сидѣвшїй, въ это время сильно кашлялъ; воздухъ былъ влажной; она подумала, что холодъ безпокоитъ мужа, и подняла стекло. Эдуардъ ѣхалъ подлѣ кареты; Эмеранса два раза опускала стекло, и два раза жестокой кашель больнаго заставлялъ ее опять поднимать оное Когда насталъ день, Эдуардъ, одѣтой въ одинъ только рединготъ и съ нахлобученною на глаза шапкою, поскакалъ впередъ. Эмеранса не теряла его изъ виду ни на одно мгновенїе. Вдругъ лошадь упала подъ Эдуардомъ; почтальйонъ закричалъ: *онъ чуть ли не переломилъ ноги* ! . . Эмеранса лишилась чувствъ . . . . Карета остановилась подлѣ Эдуарда въ то самое время, когда онъ вставалъ съ земли, получивъ весьма легкую рану. Онъ подходитъ къ Эмерансѣ и съ крайнимъ умиленїемъ видитъ ее блѣдною,

безъ движенія! голова ея съ закрытыми глазами лежала на плечѣ Г-на Алерси, которому въ сію минуту было весьма трудно представлять лице больнаго. Онъ не могъ бы долѣе притворяться, еслибъ не боялся присутствія почтальйоновъ; но надлежало принудить себя, или — погибнуть. Эдуардъ отворяетъ дверцы, бросается въ карету, беретъ Эмерансу въ свои объятія, вынимаетъ изъ кармана склянку со спиртомъ, и даетъ ей нюхать. Эмеранса, открывъ глаза, восклицаетъ: „Эдуардъ! о Небо! вы не ранены“ . . . Графъ, вмѣсто отвѣта, пожимаетъ руку ея. и разговариваетъ съ почтальйономъ, желая тѣмъ напомнить ей объ осторожности; по томъ выходитъ изъ кареты, и садится на лошадь. Поѣхали далѣе. Эмеранса предалась глубокимъ размышленіямъ о случившемся. Что подумалъ Эдуардъ о такомъ обморокѣ, котораго самъ онъ былъ причиною? Эмеранса чувствовала это, и сильно досадовала, что такимъ образомъ обнаружила тайну своего сердца. Но Эдуардъ, узнавъ тайну, не менѣе почиталъ Эмерансу; сверхъ того, какая женщина въ подобномъ случаѣ не утѣшаетъ себя произшествіемъ, которое обнаружило ея душу?

Ввечеру остановились на нѣсколько часовъ отдохнуть въ деревнѣ, въ пятидеся-

ти миляхъ отъ Парижа. Эдуардъ и слуга Эмерансы отнесли Г-на Алерси въ приготовленную комнату; и положили его на постелю. Лице его было блѣдно, члены дрожали; онъ въ самомъ дѣлѣ внутренно терзался. Однакожь Эмеранса успокоилась, увидѣвъ, что больной кушаетъ попрежнему. Хотя и была она увѣрена, что Г. Алерси лишился употребленія разсудка и памяти, но каждой вечеръ укладывая спать своего больнаго, обыкновенно цѣловала его. Въ это время Г. Алерси грубо оттолкнулъ ее, чего прежде никогда не дѣлалъ. „Ахъ! — сказала Эмеранса отирая слезы — ему часъ отъ часу становится хуже.“

Приносятъ ужинъ для Эмерансы; Эдуардъ, желая одинъ служить ей, отослалъ спать своего товарища. Эмеранса тщетно хотѣла помѣшать его намѣренію; ее не послушались. Никто еще не служилъ ей съ такою готовностію, съ такимъ усердіемъ. Эдуардъ стоялъ за стуломъ во время ужина, которой она какъ можно старалась сократить. Почти не нужно сказывать, что Г. Алерси не спалъ; онъ пристально смотрѣлъ на лице своей супруги, на которомъ изображалось безпокойство. Служанки постоялаго дома, по окончаніи ужина, удалились; Эдуардъ

оставшись на-единѣ съ Эмерансою — ибо Г-на Алерси онъ не почиталъ лишнимъ — взялъ салфетку, и стаканъ съ водою, сталъ на колѣна, и сказалъ: „Такъ служатъ за столомъ Его Католическому Величеству; что дѣлается въ Испаніи для пустаго тщеславія, то нынѣ я исполняю съ истиннымъ благоговѣніемъ души моей“ . . . — Эдуардъ! — прервала Эмеранса суровымъ голосомъ — шутки и волокитство здѣсь совсѣмъ не у мѣста! . . . — „*Волокитство*! — вскричалъ Эдуардъ — Боже мой! можете ли симъ именемъ называть склонность, которую вы вдохнули!“ . . . — Посмотрите сюда — сказала Эмеранса — посмотрите на почтеннаго человѣка; онъ не видитъ насъ, но взоры его устремлены . . . — „Еслибъ онъ былъ въ совершенной памяти, я ничего не утаилъ бы отъ него; склонность сердца моего непорочна“ . . . . Г. Алерси произнесъ нѣсколько словъ невразумительныхъ, что обыкновенно дѣлалъ, когда имѣлъ въ чемъ нибудь нужду. Эмеранса бросилась къ больному, приказывая Эдуарду выдти изъ комнаты. Графъ вышелъ. Эмеранса тотчасъ заперла всѣ двери, и не смотря на свою усталость, не рѣшилась ложиться, бросилась на кресла, и дала свободу литься слезамъ изъ очей; она оплакивала свою слабость и разлуку, которой на другой день должно было совершиться.

Женщины по простотѣ своей почитаютъ истинными увѣренія мущинъ; сей обманъ сердца, а особливо самолюбіе, заставляютъ ихъ думать, что любимыя особы никакъ не перенесутъ измѣны или разлуки. „Что съ нимъ будетъ! — сказала Эмеранса сама себѣ — какъ ему жить безъ меня! . . . “ На это можно было бы отвѣчать: онъ предастся разсѣянію, перестанетъ заниматься тобою, полюбитъ другую женщину . . . Рѣчь сія родила бы досаду въ Эмерансѣ: обыкновенно скорѣе вѣрятъ ложнымъ сплетеніямъ и романическимъ выдумкамъ; но истины, всѣмъ извѣстныя, кажутся столь мало правдоподобными, что для увѣренности въ нихъ потребны опыты, — а опыты, въ семъ случаѣ, отнимаютъ у женщины или счастіе, или доброе имя, или весьма часто оба вмѣстѣ.

Тишина господствовала въ домѣ, всѣ люди спали, одна только Эмеранса не смыкала глазъ. Пробило двенадцать часовъ, огонь погасъ въ комнатѣ. Внезапной мракъ заставилъ Эмерансу выдти изъ задумчивости. Густая тма, безпокойство сердца и совѣсти произвели въ душѣ ея ужасъ, котораго преодолѣть была не въ силахъ. Эмеранса трепещетъ, вспомнивъ, что нѣтъ при ней колокольчика, и что находится одна ночью съ человѣкомъ больнымъ, можетъ

быть умирающимъ! . . . вслушивается, не слышитъ дыханія, напоминаетъ себѣ блѣдность лица его, измѣненіе въ чертахъ, и приходитъ еще въ большее смятеніе. Кто мучится безпокойствомъ, того самая бездѣлица можетъ привести въ уныніе, близкое къ отчаянію. „Боже мой! — вздохнувъ тихо сказала Эмеранса — какъ я несчастна! . . .“ — Голосъ суровый и страшный произноситъ слѣдующія слова: *несчастна, если перестала любить добродѣтель.* — „Небо! — вскричала Эмеранса, бросившись на колѣна — онъ умеръ! . . . душа его бесѣдуетъ со мною! . . . .“ Ужасъ останавливаетъ языкъ ея; однакожь она хочетъ принудить себя вѣрить, что собственное воображеніе произнесло грозныя слова, ею слышанныя. „Если я необманываюсь — сказала Эмеранса — говори; мое сердце побѣждено, однакожь оно непорочно; я не должна бояться тебя . . .“ — Эмеранса! — отвѣчалъ голосъ — это не мечта. — „Такъ что жь? — подхватила дрожащая Эмеранса — ты хочешь упрекать меня въ слабости непроизвольной? развѣ не знаешь, что любовь моя къ тебѣ непоколебима, и что твое спокойствіе, твое и мое счастіе въ тысячу разъ для меня дороже той склонности, отъ которой я не могла защитить себя? . . Отвѣчай . . . хотя бы это стоило моей жизни; отвѣчай . . . . ты одинъ имѣешь право быть

моимъ судьею; преступница ли я! . . . скажи! . . . "

Г. Алерси молчитъ; будучи сильно разтроганъ и устрашенъ помѣшательствомъ Эмерансы, не знаетъ какимъ образомъ успокоить ее, и вывести изъ заблужденія. Въ сію минуту ясной мѣсяцъ проглянувъ изъ за облака, освѣтилъ внутренность комнаты, въ которой не было ни ставней ни занавѣсокъ. Эмеранса, облитая холоднымъ потомъ и едва дышущая, украдкою бросаетъ взоръ на постелю своего мужа. Какъ она изумилась, увидя его сидящаго съ разпростертыми къ ней объятіями! — „О Боже! — восклицаетъ она — новое чудо! чему вѣрить! . . . " — Я живъ, любезная Эмеранса! буду жить для того, чтобы удивляться тебѣ, и любить тебя со всею нѣжностію . . . — „Возможно ли! . . . " — Успокойся, обними своего друга. — „Какъ! — сказала Эмеранса, усиливаясь встать и опять падая на землю — ты прощаешь меня?" — Г. Алерси соскочилъ съ постели, думая, что она ушиблась, поднялъ ее, и посадилъ на креслахъ." Неблагодарной — сказала Эмеранса — ты обманывалъ меня? ты былъ столь жестокъ, что рѣшился мучить меня притворною своею болѣзнію? . . . " — Г. Алерси оправдался, чистосердечно разсказавъ ей о всемъ случив-

шемся. Эмеранса должна была оказать снисхожденіе, въ которомъ сама имѣла нужду; сверхъ того чувствовала такое утомленіе отъ произшествій минувшаго дня и ночи, что не имѣла силы жаловаться. Г. Алерси пощадилъ ее отъ упрековъ. Онъ объявилъ, что на другой день выѣдутъ за границу, и что до тѣхъ поръ надобно будетъ притворяться. Въ два часа по утру Эмеранса не раздѣвшись легла на постелю; въ четыре часа ее разбудили; скоро по томъ отправились далѣе. Эдуардъ съ чувствомъ прискорбія удивлялся, видя странную перемѣну въ Эмерансѣ. Она уже иначе смотрѣла, иначе поступала, говорила съ нимъ очень мало и сухо. Сѣвши въ карету, она опустила одно переднее стекло, а оба боковыя подняла, и закрыла шторами. Г. Алерси, опасаясь быть замѣченнымъ, во весь день сказалъ Эмерансѣ нѣсколько словъ, за то уже смотрѣлъ на нее съ кроткою нѣжностію, пожималъ руку ея, и всячески старался — хотя и тщетно — разсѣять ея смятеніе. Эмеранса, зная, что Г-ну Алерси извѣстна ея тайна, не могла сдѣлаться веселою по прежнему, ни смѣлою; въ смущеніи приводила себѣ на память все, что говорила, даже все, что думала въ теченіе послѣднихъ двенадцати дней — и взоры супруга казались ей страшными!...

Ѣхавши съ крайнею поспѣшностїю, путешественники остановились въ шести миляхъ отъ границы; было семь часовъ по полудни. Г. Алерси сдѣлалъ всѣ нужныя приготовленїя, чтобъ въ два часа по утру ѣхать далѣе; объявилъ женѣ своей, что съ вечера должно проститься съ Эдуардомъ, и склонить его въ полночь отправиться. „Скажи ему — прибавилъ Г. Алерси — что имѣешь нужду видѣться съ нимъ въ десять часовъ; я открою ему свою хитрость, и мы разстанемся.“ — Желанїе Г-на Алерси исполнено. Эдуардъ забылъ самаго себя отъ радости, когда Эмеранса назначила ему свиданїе въ наступающую ночь; въ десять часовъ съ половиною онъ явился. Эмеранса тотчасъ заперла на замокъ всѣ двери; такое начало изумило Эдуарда, которой стоялъ неподвижно среди комнаты . . . . Но когда Эмеранса подошла къ нему, суровой видъ ея привелъ его въ крайнее недоумѣнїе. Эмеранса заняла мѣсто подлѣ изголовья постели своего мужа, и просила Эдуарда сѣсть на стулѣ. „Мы, сударь, намѣрены — сказала она Графу — изъявить вамъ послѣднїй знакъ нашего почтенїя, открытїемъ важной тайны: Г. Алерси не боленъ.“ — При сихъ словахъ Эдуардъ, пораженный отъ изумленїя, трепещетъ, встаетъ, пристально смотритъ на Г-на Алерси, которой начинаетъ говорить, и совѣтуетъ

Графу поспѣшнѣе отправиться за границу. Все было приготовлено. Г. Алерси, думая, что Эдуардъ имѣетъ нужду въ деньгахъ, вызвался съ великодушными предложенїями, которыхъ однакожь онъ не принялъ, поблагодарилъ Г-на Алерси, произнесъ нѣсколько словъ оборотясь къ Эмерансѣ, вышелъ и скрылся. Бѣдная Эмеранса, которой надлежало таить слезы свои, терпѣла все то, что могутъ произвести печаль и принужденїе вмѣстѣ. Не надѣясь когда-либо увидѣться съ Эдуардомъ, зная, что онъ ѣдетъ въ Германїю, а Г. Алерси намѣренъ поселиться въ Швейцарїи, Эмеранса утѣшала себя только тѣмъ, что и ему и ей надлежало жить внѣ отечества; боязнь, чтобы не остановили его на границѣ, жестоко терзала ея душу; къ тому присоединилось еще другое безпокойство, чтобы самимъ не испытать подобнаго несчастїя; сїи обстоятельства лишили Эмерансу всей бодрости. Г. Алерси притворился, будто не замѣчаетъ ни ея смятенїя, ни задумчивости. Они счастливо переѣхали черезъ границу. Эмеранса проливала слезы, думая объ Эдуардѣ, которымъ цѣлые три недѣли была занята вся душа ея. Г. Алерси поселился въ Лозаннѣ. Однажды, получивъ письмо въ присутствїи жены своей, и прочитавъ его тихо, онъ сказалъ: „это отъ Банкира изъ Любека“... При словѣ *изъ Любека* Эмеранса поблѣднѣла;

въ семъ городѣ Эдуардъ предположилъ искать убѣжища. „Этотъ Банкиръ — продолжалъ Г. Алерси — увѣдомляетъ меня, что къ нимъ приѣхало множество Эмигрантовъ, въ числѣ которыхъ и Графъ Бланжи.“ — Тутъ Г. Алерси всталъ, прошелъ нѣсколько разъ по комнатѣ, не обращая взоровъ на Эмерансу; поговорилъ о дѣлахъ постороннихъ, и вышелъ. Эмеранса живо почувствовала все снизхожденіе, всю доброту сердца своего мужа. Увѣрясь, что Эдуардъ живъ, она опять получила употребленіе всѣхъ способностей души своей; однакожь не нашла уже прежняго счастія, не потому будто бы склонность сердца ея была непобѣдима, или будто бы она сама почитала ее такою, но для того что не могла увѣрить себя, что мужъ навсегда сохранитъ къ ней ту же привязанность, то же почтеніе. Тщетно она повторяла сама себѣ, что ея поведеніе не подлежитъ укоризнамъ, желая успокоить свою совѣсть; она чувствовала, что женщина, которая краснѣется передъ мужемъ, должна краснѣться сама передъ собою. Такъ! — думала Эмеранса — удаляя отъ себя опасныя мысли, я сберегла бы разсудокъ; но я не старалась истребить въ себѣ постыдной склонности, я предалась мечтамъ, ею вдыхаемымъ.

Эмеранса съ чувствомъ воспоминала о Бомелѣ, которой уже четыре года находился

въ Америкѣ; она писала къ нему письмо, горестно жаловалась на разлуку, открыла тайну своего сердца, и просила совѣтовъ. Бомель въ отвѣтѣ своемъ увѣдомилъ о скоромъ возвращенiи; и въ самомъ дѣлѣ, спустя шесть недѣль по полученiи письма, приѣхалъ съ знатнымъ капиталомъ, приобрѣтеннымъ торговыми оборотами въ новомъ свѣтѣ. Въ то же время Графъ Бланжи переселился на житье въ Лозану. Онъ не старался искать Эмерансу, которая отъ него скрывалась. Въ семь или восемь мѣсяцевъ Эмеранса встрѣтилась съ нимъ не болѣе двухъ разъ; увидѣла его съ удовольствiемъ, но безъ смущенiя; сей опытъ послужилъ къ тому, что разсудокъ ея совершенно укрѣпился.

Г. Адерси, черезъ годъ по прибытiи въ Лозану, занемогъ оспою. Эмеранса, неиспытавшая на себѣ сей ужасной болѣзни, твердо рѣшилась служить мужу, не смотря на его запрещенiя и неотступныя прозьбы Бомеля. Не сомнѣваясь, что оспа пристанетъ къ ней и лишитъ ее жизни, она заблаговременно сдѣлала духовное завѣщанiе; потомъ начала изполнять свою должность. Г. Адерси еще не потерялъ памяти, и могъ наслаждаться благороднымъ поступкомъ супруги. Оспа, часъ отъ часу усиливаясь, въ седьмой день прекратила жизнь его. Эмеранса, пораженная

горестїю и страдающая отъ приставшей къ ней болѣзни, слегла въ постелю; двенадцать дней жизнь ея была въ крайней опасности. Бомель во все сїе время не отлучался отъ больной. Эмеранса весьма перемѣнилась въ первые дни выздоровленїя; однако жь на лицѣ ея не оставалось никакихъ слѣдовъ безобразїя. Всѣ удивлялись великодушному ея пожертвованїю. Общїй восторгъ снова воспламенилъ страсть въ Эдуардѣ: ибо мнѣнїе другихъ имѣетъ на любовь весьма сильное влїянїе. Въ продолженїе Эмерансиной болѣзни, Эдуардъ предался жестокому отчаянїю, въ которомъ всѣ приняли участїе. Печаль есть лучшее средство прославить женщину; оно не походитъ на глупое хвастовство, удовлетворяетъ суетность, и облегчаетъ сердце. Во время выздоровленїя Эмеранса безпрестанно должна была слушать о нѣжной чувствительности Эдуарда; она запретила говорить уже тогда, какъ все было сказано.

Въ первые шесть мѣсяцевъ послѣ смерти Г-на Алерси, Эмеранса не принимала Эдуарда, и не отвѣчала на письма его, наполненныя выраженїями живѣйшей страсти. Наконецъ ему дозволено явиться. Изъ уваженїя къ печальной одеждѣ, онъ не начиналъ говоритъ о любви; — какъ великодушною показалась такая осторожность! На другой день Графъ взялъ мѣры противныя; — какїя

сладкія чувства умиленія родило признаніе въ любви столь пламенной! Кто любитъ и почитаетъ себя любимымъ, того плѣняютъ вещи противныя между собою, и каждая изъ нихъ производитъ равное удовольствіе.

Робеспьера уже не было на свѣтѣ. Эмерансѣ не трудно было изпросить себѣ дозволеніе возвратиться во Францію подъ предлогомъ отыскиванія судебнымъ порядкомъ своего имѣнія, хотя Г. Алерси почти все успѣлъ перевести въ чужіе краи. Истинная цѣль сего путешествія была изходатайствованіе прощенія для Эдуарда. Остающіеся четыре мѣсяца траура Эмеранса рѣшилась провести во Франціи. Пріѣхавши въ Парижъ, занялась дѣлами Эдуарда; съ радостію узнала, что земли его не были проданы; сіе обстоятельство еще болѣе затрудняло способы вычернить Эдуардово имя изъ списка Эмигрантовъ. Но Эмеранса преодолѣла всѣ препятства, не пощадила ни прозьбъ ни денегъ, и жалѣла только о времени, которое принуждена была провести въ Парижѣ. По истеченіи года успѣла получить прощеніе Эдуарду, обезпечила его помѣстья, и отправилась въ Швейцарію съ тѣмъ, чтобы самой имѣть удовольствіе привезти своего любезнаго въ отечество. Впрочемъ, ей хотѣлось еще увидѣться съ Бомелемъ, которой нарочно пріѣхалъ изъ

Америки, и рѣшился жить въ чужихъ краяхъ до тѣхъ поръ, пока война не окончится. Путешествіе показалось ей весьма пріятнымъ, не смотря на сильное желаніе скорѣе пріѣхать; она представляла себѣ въ умѣ радость, восторги, благодарность Эдуарда. Въ подобномъ случаѣ воображеніе женщины въ тысячу разъ увеличиваетъ предметы. Эмеранса пріѣхала въ Лозану въ концѣ Мая мѣсяца. Увидѣвшись съ Эдуардомъ, объявила ему, что онъ возвратится въ отечество, и получитъ все свое имѣніе. Эдуардъ сказалъ въ отвѣтъ почти все, чего ожидать надлежало, только *безъ восторговъ*; глаза самые не дальновидные легко замѣтили бы на лицѣ его нѣкоторое смятеніе. Однакожъ Эмеранса ничего не дозволила себѣ заключать изъ сего перваго свиданія; скрыла отъ самой себя досаду и безпокойство, и увѣряла себя, что мнимая холодность въ Эдуардѣ есть не что иное, какъ слѣдствіе нечаянности; — но обманъ скоро изчезъ. Того же дня ей случилось ужинать вмѣстѣ съ Эмиграншкою, вдовою Маркиза***, также получившею дозволеніе возвратиться во Францію. Эмеранса сдѣлала нѣсколько вопросовъ о незнакомкѣ; начали лукаво улыбаться, возбуждали большее любопытство, останавливались въ отвѣтахъ, наконецъ упомянули объ Эдуардѣ — и бѣдная Эмеранса отчасти поняла, что это значило.

Дальфина — такъ называлась соперница Эмерансы — нѣкогда была прекраснѣйшая изъ дамъ придворныхъ; въ тридцать пять лѣтъ осталось у нее только — прелестной станъ, пріятная физіогномія и ловкость въ тѣлодвиженіяхъ; Дельфина не имѣла ни правильности въ лицѣ, ни дарованій, ни ума Эмерансы; была весела и рѣзва, — а чтобы нравиться, больше ничего и не нужно. Истинныя достоинства годятся для дружбы, но любовь не всегда дорожитъ ими. Дельфина жила въ Лозанѣ восемь мѣсяцовъ; Эдуардъ, которой не былъ ей коротко знакомымъ, при свиданіи съ нею ощутилъ такую радость, какую обыкновенно изгнанные соотечественники чувствуютъ, встрѣтясь внѣ милой родины. Дельфина совсѣмъ не занималась политическими мнѣніями, и до крайности обрадовалась, увидѣвъ человѣка, съ которымъ прежде бывала на балахъ въ Версаліи; она приняла Эдуарда съ женскою любезностію, похожею на склонность сердечную. Эдуардъ, начинавшій уже скучать, отвѣчалъ на ласки взаимнымъ вниманіемъ. Дельфина скоро сдѣлалась для него необходимою: она имѣла особливое искуство разсказывать. Сперва говорили о Дворѣ, о прежнихъ обыкновеніяхъ; потомъ дошла очередь до себя, до взаимныхъ тайнъ, до чувствъ сердца, до любви. . . . . Эмеранса не возвращалась. Желая привести Графа въ пріятную

тное изумленіе, она въ письмахъ своихъ не увѣдомляла его ни о ходатайствѣ, ни объ успѣхахъ, твердила только о любви и вѣрности. Ея долговременное отсутствіе показалось весьма страннымъ; вопреки увѣреніямъ Эмерансы; Эдуардъ началъ сомнѣваться въ ея привязанности . . . . Годъ разлуки! . . . Между тѣмъ Дельфина въ Лозанѣ! . . . Эдуардъ уже ее не представлялъ тою красавицею, которая плѣнила его; онъ помнилъ ея благодѣянія; но извинялъ себя тѣмъ, что изъ благодарности не любятъ. Характеръ и образъ мыслей Дельфины ему казались выгоднѣе. Дельфина, которой извѣстна была связь Эдуарда съ Эмерансою, увѣрила его, что нельзя жить счастливо съ женщиною вмѣстѣ строгою, набожною и страстною, которая тщеславится правами супруги и благодѣтельницы. Эдуардъ готовъ былъ съ клятвою отказаться отъ прежней связи; но трогательныя напоминанія вступались за Эмерансу; онъ чувствовалъ, что жизнь его принадлежала Эмерансѣ, хотѣлъ посвятить себя ей на вѣки . . . и всегда проводилъ время у Дельфины. Въ такомъ положеніи Эмеранса застала Эдуарда въ Лозаннѣ.

Эмеранса ощутила сперва сильное безпокойство и печальное предчувствіе: гордость

и любовь всегда охраняютъ женщину отъ опасенія на вѣки лишиться любовника. — „Онъ всѣмъ обязанъ мнѣ — часто повторяла сама себѣ Эмеранса — я люблю его страстно . . . . “ — и ободрялась.

Эдуардъ каждой день посѣщалъ Эмерансу, но говорилъ уже только о благодарности. Будучи сильно огорченною, она рѣшилась наконецъ пожаловаться Бомелю. — „Можно ли быть столько неблагодарнымъ? . . . предпочитать мнѣ женщину посредственнаго ума, пожилую, непригожую! . . . Онъ мнѣ обязанъ всѣмъ: я спасла жизнь его, подвергая опасности мое спокойствіе и доброе имя; возвратила ему имѣніе, съ ущербомъ моего собственнаго; безчестно было бы измѣнить другу, оказавшему такія услуги; мущина умѣлъ бы отмстить за себя, но женщина можетъ только терзаться горестію и умереть; кому нужда до ея отчаянія! . . . Ахъ, какъ несчастны женщины, и какъ подлы мущины! . . . “ — *Другъ* не хочетъ — кротко отвѣчалъ Бомель — чтобы его обожали; онъ не требуетъ ни изключительнаго преимущества, ни привязанности равной той, которую самъ чувствуетъ. На примѣръ, я никого не люблю столько, какъ васъ, и не сержусь за то, что вы менѣе любите меня; вы были всегда постояннымъ моимъ другомъ; сердце мое до-

вольно вашимъ. Но еслибъ я пламенѣлъ къ вамъ любовною страстїю, тогда почиталъ бы васъ женщиною неблагодарнѣйшею, и поступилъ бы несправедливо; въ душахъ благородныхъ признательность раждаетъ искреннюю дружбу; но любовь начинается и оканчивается безъ причины. — „Какъ! безстыдное нарушенїе святѣйшихъ клятвъ кажется вамъ дѣломъ обыкновеннымъ?“ — Развѣ вы не знаете, что любовь не можетъ быть неизмѣняемою, и что она по необходимости хладѣетъ? Послѣдняя минута ея непредвидима и неизбѣжна такъ точно, какъ и послѣдняя минута человѣческой жизни; клятва въ вѣчной любви есть не что иное, какъ пустословїе, которое никого не должно вводить въ заблужденїе. — „И такъ поведенїе Графа Бланжи не удивляетъ васъ?“ — Онъ предпочитаетъ вамъ женщину, неимѣющую вашихъ достоинствъ — я согласенъ; почитаю его слѣпымъ . . . но развѣ безчестно быть слѣпымъ, или худо видѣть? Онъ обходится съ вами, какъ прилично честному человѣку; почитаетъ васъ, чувствуетъ къ вамъ признательность, дружбу; если вы ничего болѣе не потребуете, онъ безъ сомнѣнїя женится на васъ. Эдуардъ легкомысленъ, однакожь не чудовище. — „Что сказалибъ обо мнѣ, которая ни чѣмъ не должна ему, еслибъ я такъ перервала съ нимъ связь свою?“ — Женщины и мущины въ любви не

одинаковы; въ дружбѣ . . . дѣло совсѣмъ другое. Женщины всегда бываютъ жертвою любви; но въ дружбѣ онѣ всегда любезны, всегда совершенны.

Разговоръ сей увеличилъ горесть Эмерансы, и произвелъ въ ней досаду на Бомеля. Не могши скрывать своего негодованія и отчаянія, она изъявила неблагодарному любовнику все презрѣніе, весь гнѣвъ свой; имѣла неосторожность явно произносить на него жалобы, которыя представляя Эмерансу смѣшною въ обществѣ, совершенно лишили ее сердца Эдуардова. Женщина, несчастная въ любви, всего лучше сдѣлаетъ, взявъ сторону молчанія и кротости; ибо вопли и жалобы часто заставляютъ людей сомнѣваться въ ея чувствительности, или кажутся слѣдствіемъ оскорбленнаго самолюбія.

Эдуардъ, не могши долѣе сносить презрѣнія и брани, навсегда удалился отъ Эмерансы, не заботясь даже о рѣшительномъ съ нею изъясненіи. Бомель, устрашенный отчаяніемъ своей родственницы, постарался увидѣться съ Эдуардомъ, и напомнилъ ему о благодѣяніяхъ Эмерансы. — Знаю и чувствую ихъ — отвѣчалъ Эдуардъ — но она требуетъ восторговъ, обожанія, — а я теперь не влюбленъ." — По-

крайней мѣрѣ — сказалъ Бомель — исполните должность честнаго человѣка; пожертвуйте другу своему и благодѣтельницѣ особою, которая противна ей; обѣщайтесь, никогда не видаться съ Дельфиною; предложите ей опять вашу руку: приметъ ли ее Эмеранса или нѣтъ, — совѣсть ваша будетъ спокойна.

Эдуардъ совсѣмъ не расположенъ былъ слѣдовать сему совѣту. Бомель оскорбился; Графъ отвѣчалъ грубо; началась ссора; назначено быть поединку въ тотъ же день. Бомель получилъ тяжелую рану. Эмеранса ни о чемъ не знала; не видя Бомеля уже два дни, и будучи еще и прежде имъ недовольна, она съ живѣйшимъ прискорбіемъ жаловалась на его холодность. На другой день узнавъ о поединкѣ, и о томъ, что подало къ нему поводъ, она вскричала: „какъ! вѣрной другъ за меня подвергалъ опасности жизнь свою и въ то самое время, когда я обвиняла его столь несправедливо! . . .“ Эмеранса полетѣла къ Бомелю, и не оставляла его постели до тѣхъ поръ, пока опасность не миновалась совершенно. Объ Эдуардѣ ничего не знали; боясь слѣдствій сего дѣла, онъ поспѣшно уѣхалъ въ Парижъ вмѣстѣ съ Дельфиною. Эмеранса, которой печаль разсѣяна чувствомъ признательности къ Бомелю, съ бодростію перенесла сію разлуку, обѣщалась для дружбы

преодолѣть любовь свою, и въ томъ успѣла болѣе нежели могла надѣяться. Бомель, по выздоровленіи, занялся дѣлами Эмерансы, которыя находились весьма въ худомъ состояніи. Имѣя знатной достатокъ, онъ предложилъ ей свою помощь, и просилъ руки ея. Эмеранса сперва не могла рѣшиться, по томъ согласилась, и никогда не имѣла причины раскаяваться. Въ семъ второмъ бракѣ нашла она постоянное счастіе, и благодарила Небо, что не вышла за любовника. Эмеранса испытала сама собою, что Любовь неблагодарна, прихотлива и непродолжительна, — напротивъ того Дружба постоянна, вѣрна и великодушна. (*Жанлисъ.*)

II.

Къ Несчастію.

Зевесовъ сынъ, тиранъ жестокій,
Гроза рабовъ твоихъ земныхъ, —
Чей бичь желѣзный, чьи уроки
Для добрыхъ страхъ, и казнь для злыхъ —
Владыка жизни сей убогой!
Твои оковы, плѣнъ твой строгой
Смиренью учатъ гордеца:
Твои нося въ груди отравы,
Стенаетъ царь, сынъ нѣгъ и славы,
Подъ блескомъ пышнаго вѣнца.

Когда судилъ Творецъ вселенны
Къ намъ добродѣтель низпослать,
Тебѣ сей плодъ небесъ священный,
Тебѣ велѣлъ Онъ воспитать, —
Облечь духъ — въ крѣпость, сердце — въ
нѣжность! — . . . .
Учитель грозный! . . . : горесть, бѣдность
Назначилъ ты друзьями къ ней; —
Ей пища — слезы, долгъ — терпѣнье; —
Ты рекъ ей: часть твоя — смиренье;
Знавъ скорбь, о всѣхъ скорбѣть умѣй! —

*

Богъ страшный! всё съ тобой мертвѣетъ;
Улыбка счастья, блескъ честей.
Возришь — и Роскошь цѣпенѣетъ;
Ликъ буйныхъ смѣховъ, игръ, затѣй,
Какъ пепелъ съ вѣтромъ разлетится; —
Къ намъ наша совѣсть возвратится,
И жаръ къ добру въ насъ оживетъ;
Лесть крадется съ развалинъ счастья;
Оставитъ насъ среди ненастья
И ложной другъ и рабъ суетъ! —

*

Паришь — и Мудрость освященна
Съ челомъ потупленнымъ, — вдали —
И дѣва ночи умилена,
Задумчивость, склонясь къ земли, —
Полетъ твой шумный наблюдаютъ.
Тебя всегда сопровождаютъ

Любовь, безцѣнный даръ Небесъ, —
И Правота, къ себѣ жестока,
И Милость, врачь въ гоненьяхъ рока;
Цѣлящій раны токомъ слезъ!

*

О божество неумолимо!
Сколь страшенъ громъ руки твоей!
Да пройдетъ онъ гремящій мимо
Надъ робкою главой моей!
Да не узрю тебя я вѣчно —
Подъ видомъ мести быстротечной;
Несущей казни злобу стерпь;
Твой взоръ есть ядъ, твой голосъ громы;
И слуги — страховъ адскихъ сонмы,
Отчаянье, недуги, смерть!

*

Явись, какъ Ангелъ умиленной,
И миръ небесный возвѣсти!
Терпѣньемъ, мудростью священной
Мое ты сердце освяти;
Влей въ чашу золъ мнѣ утѣшенье,
Бозжги во мнѣ къ добру стремленье,
Учи любить, прощать въ свой вѣкъ;
Да о другихъ всегда болѣю;
Смирюсь въ душѣ, — уразумѣю,
Что я такой же человѣкъ.

Мрзлкевъ.

III.

КРИТИКА.

Богомолка. Повѣсть Госпожи Жанлисъ. Переводъ съ Французскаго. Москва. 1806 года.

Подлинное названіе сей повѣсти есть: L'Apostasie ou la Dévote. Г. Карамзинъ напечаталъ ее въ Вѣстникѣ Европы (см. Іюнь 1802) подъ титуломъ: *Вольнодумство и набожность.* „Слѣдственно это другой переводъ?“ спросятъ читатели. — Точно такъ. — „И лучше прежняго?“ — Увидимъ.

Дельривъ, молодой Французъ, воспитанный въ правилахъ вѣры и благонравія, по стеченію обстоятельствъ почитаетъ себя жестоко обманутымъ такими людьми, отъ которыхъ совсѣмъ не ожидалъ измѣны, — а именно, отъ друга своего и любовницы, осыпанныхъ его благодѣяніями. Мнимое вѣроломство растерзало сердце его и произвело въ немъ ужасную перемѣну. Дельривъ рѣшился не вѣрить Провидѣнію и добродѣтели. Злобные тираны сдѣлали для него отечество ненавистнымъ; всѣ набожные люди казались ему гнусными лицемѣрами. Продавъ часть своего имѣнія, онъ оставилъ Францію, путешествовалъ по Швейцаріи, отправился въ Испанію; нашелъ и друга своего и любовницу;

увѣрился въ ихъ невинности, и помирился съ религїею и добродѣтелью. — Вотъ содержанїе повѣсти, которое мы нарочно старались сократить, зная, что многимъ изъ читателей нашего Журнала оно извѣстно.

Не будемъ говорить о подлинникѣ. Вообще, нравоучительныя повѣсти Госпожи Жанлисъ почитаются лучшими на Французскомъ языкѣ — послѣ Мармонтелевыхъ. Разкрываемъ новой переводъ.

Богом. Стран. 9. „Онъ (Дорселинъ) уже не утверждалъ: *Что общество Атеистовъ могло спокойно жить, потому что Атеистъ въ заблужденїи своемъ сохраняетъ разсудокъ, которой обуздаетъ его хищность.* Онъ уже не говорилъ, *что ничтожество содержитъ въ себѣ, что нибудь хорошее, и что умные люди увѣряютъ, мы оное увидимъ.*“

Какъ бы добраться, что все это значитъ на Русскомъ *вразумительномъ* языкѣ? Не имѣя передъ собою подлинника, заглянемъ въ Вѣстникъ Г-на Карамзина. Тамъ написано (Іюнь. 1802. стр. 195): „Онъ уже не говорилъ, что *общество Атеистовъ можетъ быть мирно и щастливо, ибо разумъ обрѣзываетъ у страстей когти*; не говорилъ, что *ничтожество есть не совсѣмъ*

худое дѣло, и что *не глупые люди намъ его обѣщаютъ.*" — Теперь понимаемъ! Далѣе. —

Богом. Стран. 16. „Приближился къ перегородкѣ узналъ я, что читали . . . . Ангельской, очаровательной голосъ произносилъ сіи слова; *Добродѣтель, отъ вѣчности получила способность находить бытіе свое въ малѣйшей точкѣ . . . . Цѣлой свѣтъ есть ничто, все, что измѣрено временемъ будетъ имѣть конецъ. Чего лишаются лишаясь жизни? Того лишается человѣкъ, которой пробудившись освобождается отъ безпокойнаго сна.*"

Сравнимъ это съ переводомъ, напечатаннымъ въ Вѣстникѣ Г-на Карамзина.

Стран. 198. . . . „и тихонько приближился къ стѣнѣ другой комнаты. Тамъ читали; Ангельской голосъ повторялъ слѣдующія Боссюэтовы слова: „Добродѣтель „сходна съ вѣчностію тѣмъ, что она так„же заключается въ одной точкѣ. Міръ „ничто; все, измѣряемое временемъ, долж„но погибнуть. Что теряемъ мы съ жиз„нію? безпокойное сновидѣніе!"

Сдѣлаемъ третье и послѣднее сравненіе: ибо omne trinum perfectum.

Богом. Стран. 36. „Никогда краснорѣчивѣйшія рѣчи славнѣйшихъ проповѣдниковъ

Христіанства не могли бы произвести такого впечатлѣнія. То говорилъ Священникъ, предавшійся на произволъ судьбы. Священникъ твердый и вѣрный, который для закона, всякой день подвергалъ опасности вольность и жизнь свою, пожертвовавъ уже Религіи щастіемъ и состояніемъ своимъ. Мы обливались слезами... Съ какимъ вниманіемъ слушали его!... Какое достоинство давали ему; вѣра, нравъ и примѣръ его! хотя онъ только повторялъ то, что тысяча другихъ прежде его говорили, но намъ казалось, что мы въ первой еще разъ слышали Евангеліе проповѣдываемымъ. Не взирая на простоту его увѣщаній, все въ нихъ показалось намъ необыкновеннымъ; каждое его слово имѣло что нибудь трогательнаго; правила Евангелическія въ устахъ его соединяли къ своимъ достоинствамъ, все могущественное участіе, которое они должны были брать въ первые вѣка Христіянства."

Вѣстн. Карамз. стран. 206. „Никогда проповѣди самыхъ краснорѣчивѣйшихъ Христіянскихъ Ораторовъ не дѣлали такого сильнаго впечатлѣнія; мы обливались слезами, слушая ревностнаго священника, который всякой день жертвовалъ Религіи и свободою и жизнію. Хотя онъ единственно повторялъ то, что тысячу разъ говорено было другими; но намъ казалось, что мы

еще въ первый разъ слышимъ истинное Евангельское ученіе. Всякое слово заключало для насъ великій смыслъ, и святая Мораль въ устахъ добродѣтельнаго старца имѣла всю ту силу, которая одушевляла церковное ученіе въ началѣ Христіянства."

Сличивъ то и другое, остается думать, что Г. Переводчикъ не зналъ о напечатаніи сей повѣсти на Русскомъ языкѣ; въ противномъ случаѣ не выпустилъ бы въ свѣтъ своей *Богомолки* въ такомъ небрежномъ нарядѣ.

ПОЛИТИКА.

I.

Объявленіе отъ Людовика XVIII. Французамъ.

Людовикъ, Божіею милостію Король Французскій и Наваррскій, всѣмъ нашимъ подданнымъ желаемъ здравія. — Въ самое то время, когда Мы призваны были ко принятію окровавленнаго наслѣдства Нашихъ Предковъ, Мы удовлетворили и желаніе Нашего сердца, увѣривъ васъ въ любви, и должность Нашу, объявивъ вамъ о намѣреніяхъ Короля вашего.

Когда подлый наемникъ вашихъ тирановъ вознесъ на Насъ убійственную свою руку въ Диллингенѣ, Мы взывали къ вамъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ пролита кровь Наша; предвидя, что крамола и слѣпое бѣшенство злыхъ людей неослабно станутъ искать Нашей погибели, призвавъ на помощь Бога Всемогущаго. и помолясь Ему о низпосланіи на Францію Своего благословенія, Мы торжественно рѣшились по пути бѣдствій и опасностей шествовать къ цѣли Нашихъ усилій.

Скоро по томъ Агенты Наши во внутренности Францїи содѣлались жертвами своей преданности и усердїя къ Нашей Особѣ. Наставленїя, отъ Насъ имъ данныя, обнародованы; въ нихъ, и въ посланїяхъ ко Французамъ вы видѣли знаки Нашей умѣренности и милости.

Послѣ сихъ первыхъ движенїй Нашего сердца, не имѣя подпоры со стороны Государствъ, вооружившихся противъ гидры революцїонной, слѣдуя совѣту Державы, принявшей Насъ подъ свое покровительство и предположившей спасти Францїю, не видя конца изгнанїямъ, насильствамъ и разврату, терзаясь бѣдствїями отечества, Мы были принуждены оплакивать судьбу его, въ молчанїи ожидать слѣдствїй ужаснаго опыта, и соображать поведенїе свое съ успѣхами спасительныхъ мнѣнїй народныхъ.

Паденїе Директорїи, казалось, приготовило уничтоженїе Конституцїи, которая досталась въ наслѣдство сему ненавистному правительству. Мы опять увѣдомили Французовъ о слѣдствїяхъ попеченїй Нашихъ, относительно неслыханныхъ бѣдствїй, которыя они терпѣли отъ внутреннихъ раздоровъ. Въ сїю достопамятную эпоху, Мы почли для себя должностїю соображаться съ прежними правилами, руко-

водствуясь безсмертнымъ завѣщанїемъ Короля, Нашего Государя и Брата. Наши усилїя всегда имѣли и будутъ имѣть своею цѣлью вольность народа и независимость Монарха. Долговременный безпорядокъ возлагалъ на Насъ обязанность принаровлять Наши намѣренїя къ настоящимъ средствамъ, и въ обломкахъ искать веществъ, годныхъ для сооруженїя новаго зданїя.

Мы тогда сдѣлали слѣдующїя разпоряженїя, относительно частей судебной и исполнительной:

„Раздѣленїе Францїи на Департаменты, Округи и Части, постановленїя до „благочинїя касающїяся, дѣйствительность „актовъ, судилища, останутся впредь до „повелѣнїя въ настоящемъ положенїи, съ „тѣмъ чтобы судьи и прочїе чиновники „отправляли должности свои отъ Моего „имени, и присягнули бы Мнѣ въ вѣрности. — Особы, нынѣ занятыя должностями по частямъ исполнительной и судебной, останутся при своихъ мѣстахъ, кромѣ такихъ, которыхъ голосъ общества „объявитъ недостойными; праздныя мѣста „будутъ розданы людямъ способнымъ, а „особливо отличившимся своею честностїю „и знанїями.“

Относительно похищенной собственности, или такъ называемыхъ нацїональныхъ имѣнїй:

„Успокойте нынѣшнихъ владѣльцевъ; „скажите имъ, что намѣренїе Мое клонит„ся къ приведенїю въ порядокъ такъ назы„ваемыхъ нацїональныхъ имѣнїй средства„ми; удобнѣйшими согласить и обезпечить „права и выгоды каждаго; Я поручилъ вамъ „собрать и представить ко Мнѣ сужденїя и „мысли просвѣщеннѣйшихъ и добродѣтель„нѣйшихъ людей о семъ важномъ предметѣ, „для того чтобы можно было принять „дальнѣйшїя мѣры, соотвѣтственныя обще„му благу и истинному желанїю нацїи."

Относительно преступленїй:

„Я обѣщаюсь, а вы увѣрьте Моихъ под„данныхъ, что возвращенїе Мое ознаменовано „будетъ общимъ прощенїемъ. — Повторяй„те всѣмъ, что Мое сердце клонится къ „отпущенїю проступковъ, а благо отече„ства, сей законъ верховный, непремѣнно „требуетъ отъ Меня милости и прощенїя „самыхъ злодѣянїй, и проч. и проч. — Бо„ясь, чтобы излишнее усердїе не помѣшало „симъ разпоряженїямъ, Я хочу, чтобы су„дилища не преслѣдовали злодѣйствъ и „преступленїй, относящихся до революцїи, „кромѣ такихъ случаевъ, гдѣ требуются „благоразумныя мѣры безопасности противъ „упорныхъ мятежниковъ."

Наконецъ относительно чиновъ военныхъ:

„Оплакивая заблужденія, въ которыя „войско не могло не впасть, Я съ гордостію „взиралъ на ихъ мужество въ битвахъ; „оставлю чины, должности и жалованье „Генераламъ, Офицерамъ, унтер-офице- „рамъ и солдатамъ, которые пожелаютъ „блага отечеству, споспѣшествуя возста- „новленію Монархіи. Тѣ изъ нихъ, кото- „рые отличатся усердіемъ ко Мнѣ, слѣд- „ственно усердіемъ къ пользѣ націи; по- „лучатъ награжденія, соотвѣтственныя „ихъ заслугамъ. Будучи Королемъ на- „рода воинственнаго и свободнаго; и чув- „ствуя справедливость уваженія; которое „Французы имѣютъ къ военному искуству — „колыбели дворянскаго сословія, Я уничтожу „законы, повелѣвающіе насильственно влечь „къ знаменамъ тѣхъ людей; которые изъ „чести и изъ любви къ отечеству добро- „вольно должны становиться подъ ними; „уничтожу постановленія, сдѣланныя во „времена непредусмотрительности; когда „забыли, что Монархія кромѣ Конде, кромѣ „Тюренневъ и Люксамбурговъ, произвела еще „Фаберовъ, Катинатовъ, Шеверовъ; и что „Франція приближалась къ эпохѣ; въ кото- „рую долженствовали родиться новые Герои.“

Французы! вотъ новая революція, кото- рую Король вашъ произвести вознамѣрился; которая и теперь есть предметомъ его раз-

мышленій, и которая рано или поздно должна совершиться; ибо если Божіе Провидѣніе не Намъ предоставило избавить васъ отъ бѣдствій, то покрайней мѣрѣ, изпуская послѣдній вздохъ, Мы будемъ утѣшаться мыслію, что наслѣдникъ любви Нашей къ народу, тотъ, которой долженъ царствовать надъ вами, нѣкогда почтитъ память Нашу, произведя въ дѣйство планы Наши, начертанные Нами въ несчастіи для вашего счастія.

Въ то самое время, когда Мы заботились о средствахъ образумить васъ, глаза Наши естественно обратились на человѣка, покровительствуемаго Фортуною, захватившаго власть въ свои руки. Если бъ человѣкъ сей возгнушался ненавистными плодами злодѣйствъ своихъ предмѣстниковъ, то могъ бы приобрѣсть право на благодарность Франціи, на удивленіе потомства. Мы относились къ нему; приглашали его раздѣлить съ Нами неувядаемую славу, и рѣшить судьбу вашу; Мы сказали ему съ чистосердечіемъ, которое должно было бы тронуть душу благородную и великую: *Мы можемъ обезпечить судьбу Франціи. Говорю Мы* — потому что *Наполеонъ Бонапарте будетъ Мнѣ нуженъ для сего дѣла, и что безъ Меня онъ не можетъ привести оное къ окончанію.*

Чтобы понять языкъ сей, надлежало быть Французомъ.

Чужестранецъ далъ отвѣтъ отрицательный и коварный; онъ дерзнулъ сказать Отцу вашему: *Откажись отъ правъ своихъ; потомство наградитъ тебя за такое пожертвованіе.... Иначе, тебѣ надобно будетъ идти ко трону по безчисленному множеству труповъ.*

Такимъ образомъ стараясь соблазнить васъ притворною почтительностію, и разсѣвая о Насъ и Нашемъ Домѣ клеветы безстыднѣйшія, онъ готовилъ иго, которому скоро надлежало тяготѣть на головахъ вашихъ.

Между тѣмъ протекло три года: Гордясь тѣмъ, что удалось заключить миръ съ утомленными Державами, не имѣя возможности долѣе скрывать свои замыслы, и думая примириться съ вами безстыднымъ обѣщаніемъ благодѣяній своему Королю, онъ призналъ права Наши и сдѣлалъ Намъ предложеніе, не хотимъ ли Мы продать ихъ. Мы немедленно обнародовали отвѣтъ Нашъ; вамъ извѣстно, что Нашъ Братъ, Наши Племянники и всѣ Принцы Нашей крови взяли сторону непоколебимаго Нашего постоянства.

Будучи обманутъ въ своей надеждѣ, терзаясь отъ стыда, что тридцать тысячь жертвъ безвинно погибло на островѣ Сен-Доминго, приготовивъ своими клятвопреступными руками побіеніе несчастныхъ Нашихъ колонистовъ, онъ рѣшился возложить на чело свое вѣнецъ, обагренный драгоцѣнною кровію Монарха и народа.

Такимъ образомъ поправъ ногами и святѣйшій законъ народовъ и правила мнимой вольности — коея самъ онъ и ему подобные недавно были ревностнѣйшими поборниками — онъ воздвигнулъ скудельный тронъ деспотизма. Вы видите при подножіи сего трона выгоды, противныя между собою, въ безпрестанной борьбѣ находящіяся; видите, и не можете дождаться вожделѣннаго спокойствія, сего безцѣннаго блага, котораго вы лишились, уничтоживъ Правительство человѣколюбивое и прочное; оно одно могло утвердить ваше счастіе, быть примѣромъ и средоточіемъ благородныхъ чувствованій и полезныхъ намѣреній, вдыхать пламенную рѣшительность жертвовать всѣмъ для блага отечества.

Развѣ не знаете, что тѣже самыя руки, которыя нынѣ поддерживаютъ чужестранца на вершинѣ величія, легко могутъ низвер-

гнуть его въ бездну ничтожества? Тогда кто дерзнетъ занять его мѣсто? Какимъ образомъ ни окончилось бы его мятежническое самовластіе, должно ли, чтобы тяжелая корона, упадая съ головъ слабыхъ, рожденныхъ для неизвѣстности, разрушила доконца возникающія отрасли древней Монархіи, и снова сдѣлалась добычею перваго удальца, которой отважится завладѣть ею? Вамъ безпрестанно твердятъ о мятежахъ, о пагубныхъ слѣдствіяхъ внезапной перемѣны, о бѣдствіяхъ, которыя должны случиться при Нашемъ возвращеніи въ отечество. Васъ увѣряютъ, что Мы иначе не можемъ достигнуть Престола, какъ разоряя ваши жилища, проливая рѣки крови... Французы! спрашиваемъ: сіи ли страхи безпокоятъ васъ? И вы можете сомнѣваться въ благосердіи вашего Короля, въ обѣтахъ, произнесенныхъ Имъ и Его ближними предъ лицемъ Европы? Братъ Лудовика XVI будетъ виною вашихъ бѣдствій, будетъ идти по вашимъ трупамъ!... Кого? — васъ, или свои хищенія — хочетъ защитить Бонапарте, приписывая Намъ жестокость и ненависть? Посмотрите на его благодѣянія: темницы, ссылки, убійства явныя и тайныя, тяжкіе налоги, уничтоженіе торговли! Вамъ запрещено имѣть между собою сообщенія свободныя, чистосердечныя, друже-

вкія. Всѣ сосѣди взираютъ на васъ съ ужасомъ! вы безпрестанно питаете ненависть и духъ мщенія; система вѣроломства, насилій, безпредѣльнаго честолюбія, необузданнаго высокомѣрія вовлекаетъ васъ въ войну, которой бѣдствія прекратятся однимъ только изнеможеніемъ. Несчастный народъ! въ самыхъ трофеяхъ тирана, угнетающаго васъ, не видите ли дѣйствія гнѣва Небеснаго? Разсмотрите собственныя ваши нужды; разсмотрите, въ чемъ состоитъ безопасность вашихъ семействъ, достоинство имени Французскаго; разсудите, хочетъ ли поработить васъ Домъ, даровавшій обществу многія вольности; полезнѣе ли желать для подкрѣпленія благонравія, чтобы злодѣйства остались безъ наказанія? Наконецъ разсудите, надобно ли, чтобы Французской народъ еще долѣе изнемогалъ подъ игомъ высоковыйныхъ Корсиканцевъ, которые утучняются его трудами, — или чтобы процвѣталъ и благоденствовалъ подъ сѣнію священнаго древа, которое, покрывая націю, даровало Европѣ двѣсти Монарховъ?

Французы! находясь при берегахъ Балтійскаго моря подъ покровомъ всеблагаго Неба; бывъ подкрѣпляемы присутствіемъ Нашего Брата, Дюка Ангулемскаго Нашего Племянника, и другихъ Принцовъ Нашей крови,

которые всѣ принимаютъ участіе въ Нашихъ правилахъ, и одушевлены одинакими чувствами; свидѣтельствуясь и Вѣнценосными жертвами, и тѣми, которыя за вѣрность, честь, благочестіе, невинность и любовь къ отечеству погибли отъ ярости революціонной, или отъ кровожадности свирѣпыхъ тирановъ; призывая духъ юнаго Героя, злочестивыми руками недавно исторженнаго у отечества и славы — Мы клянемся, никогда не разрывать священнаго узла, соединяющаго судьбу нашу съ вашею, — соединяющаго Насъ съ вашими семействами и вашими сердцами. Никогда не продадимъ наслѣдія Нашихъ предковъ. Никогда не отступимся отъ правъ Нашихъ. Французы! клянемся въ томъ Богомъ Святаго Лудовика, — Тѣмъ, Который *судитъ правду.*

Дано во 2й день Декабря, въ лѣто отъ Р. Х. тысяча восемь сотъ четвертое, Нашего царствованія въ десятое.

Подписано: *Лудовикъ.*

(*Изъ Лонд. Вѣдом.*)

II.

Вильямъ Питтъ.

Можетъ быть во всемъ мірѣ нѣтъ человѣка, равнаго Питту въ краснорѣчіи, въ искусствѣ Государственнаго управленія, въ величіи духа и твердости, которыя при самыхъ опасныхъ обстоятельствахъ поселяютъ въ душахъ гражданъ довѣренность. Да будетъ намъ дозволено предаться чувству горести, въ кроткихъ словахъ напомнить его заслуги, и по возможности изобразить его характеръ.

Питтъ родился 8 Мая 1758 года, въ то самое время, когда Англійское оружіе, управляемое совѣтами его родителя, побѣждало во всѣхъ частяхъ земнаго шара. Сей великій Мужъ, въ часы отдыха, посвящаемые семейству, занимался образованіемъ втораго своего сына, обработывалъ его способности, сообщалъ душѣ его силу и бодрость, возпламенялъ въ сердцѣ его огонь добродѣтельнаго честолюбія, указывалъ ему на славное поприще свое, и готовилъ его для краснорѣчія, для вольности, для отечества.

Подкрѣпленный такими началами воспитанія и примѣромъ знаменитаго отца, молодой Питтъ отправился въ Камбриджской

Университетъ для усовершенствованія себя въ наукахъ. Скоро онъ отличился любовію къ учебнымъ занятіямъ, склонностію къ дѣламъ, Философическими познаніями, благороднымъ поведеніемъ, остроуміемъ, живостію и веселостію, которыми плѣнялъ въ часы свободы.

Изъ Камбриджа перешелъ въ Линколнсъ-Иннъ. Надпись надъ домомъ, въ которомъ жилъ Питтъ, и теперь еще напоминаетъ, какимъ уваженіемъ онъ пользовался отъ тамошнихъ жителей. Его прилѣжаніе и любовь къ наукамъ почитались примѣрными. Онъ былъ допущенъ въ Судилища по окончаніи извѣстнаго времени, назначеннаго постановленіями общества. Едва успѣлъ сдѣлать начало практическому упражненію, — уже Геній отечества призывалъ его къ отправленію важнѣйшихъ должностей; едва увидѣлъ онъ пользу воспитанія, предписываемаго законами — уже надлежало ему явиться на театрѣ дѣлъ Государственныхъ въ качествѣ перваго Министра.

Надобно вспомнить, при какихъ обстоятельствахъ онъ избранъ Членомъ Парламента. — Въ какомъ затруднительномъ положеніи находилась нація! Надобно вспомнить, сколь слабую надежду она тогда имѣла под-

держать свою независимость и наслаждаться прежнимъ благоденствїемъ. — Безпокойство нашего любезнѣйшаго Монарха, Отца народа! — соперничество ораторовъ, остроумцевъ, политиковъ въ преніяхъ о законодательствѣ! — пренебреженїе, оказываемое молодости Питта, — пренебреженїе, отъ котораго не защитило его имя почтенное и знаменитое! — Питтъ явился въ подобїи Ангела, строгаго и вмѣстѣ любезнаго; явился — и толпище крикуновъ, людей злыхъ и пронырливыхъ, блистающихъ только богатствомъ и связями — оцѣпенѣло! Онъ началъ говорить — и ораторы торжественно признались, что настала новая эпоха Парламентскаго краснорѣчїя. Явился новый *Цицеронъ* — и не стало *Кальвовъ*, *Крассовъ*, *Антонїевъ*! Раздались громы Димосѳена! перуны его ослѣпляли взоры! внезапно изчезла гордость Эсхина! забытъ сильный голосъ самаго Перикла! Первыя рѣчи Питтовы не похожи ли были на высокопарное витїйство молодаго ученика, недавно окончившаго свой курсъ? нѣтъ! онѣ были писаны подъ руководствомъ ума твердаго; показывали врожденную проницательность Оратора, соединенную съ опытностїю! Питтъ открылъ истины внутренней и внѣшней Политики съ такою же быстротою Генїя, съ какою Невтонъ, безъ всякихъ усилїй, угадалъ

Математическія доказательства Эвклидовы! Не былъ ли онъ похожъ на тѣхъ людей, которые умно говорятъ и пишутъ, а глупо дѣйствуютъ? совсѣмъ нѣтъ! Въ двадцать три года отъ роду занялъ Министерское мѣсто Канцлера Казначейства — самое скользкое и опасное — благоразуміемъ своимъ, осторожностію, силою и пособіями Генія онъ показалъ, что умѣетъ преодолѣвать великія трудности. *Коалиція*, грозившая отнять у Короны законную власть, на нѣкоторое время лишила Государя услугъ Питтовыхъ. Сія *коалиція* изъ Бриттанской Монархіи почти сдѣлала Аристократію, которая *необходимо* долженствовала быть слабою, несогласною, разорительною для отечества, соотвѣтственною выгодамъ Государствъ чужестранныхъ; словомъ, во всемъ сходною съ тою, которая изнуряла Швецію, начиная отъ кончины Карла XII даже до 1772 года. Король и народъ пришли въ смущеніе. Его Величество спасъ Государство, закрывъ Парламентъ свой и не допустивъ утвердить *билль*, во всемъ сходный съ тѣмъ актомъ, которымъ Карлъ I лишенъ власти закрывать засѣданіе Парламента. Король и отечество съ общаго согласія прибѣгли къ испытаннымъ талантамъ Питта. Если бы на сей случай недостало въ немъ искусства, — еслибъ онъ не захотѣлъ

всѣмъ жертвовать для Короля и отечества, — еслибъ его дарованія и добродѣтели не превзошли общей надежды: тогда солнце Англійской Монархіи закатилось бы на вѣки! Уже болѣе двадцати лѣтъ Парламенты и Философы воздвигали во Франціи ненавистную Олигархію на развалинахъ законной власти Монархической. Ихъ первые успѣхи приготовили Революцію. Еслибъ *Коалиція* взяла верхъ; еслибъ *билль* Г-на Фокса, относительно восточной Индіи, былъ принятъ: тогда Англія, угнетаемая слабою, мятежною Аристократіею, въ 1792 году *по необходимости* сдѣлалась бы Якобинскою Демократіею, и съ нею случилось бы то же, что съ Франціею. Еслибъ Г. Питтъ умеръ скоро послѣ того, какъ избавилъ Короля и отечество изъ челюстей *Коалиціи*, — и тогда заслуги его превышали бы всѣ награды общественной признательности!

Но это было не что иное, какъ только начало. Надлежало возстановить порядокъ и ввести бережливость въ Государственныхъ приходахъ и расходахъ; — возстановленъ порядокъ, введена бережливость. Надлежало обуздать неистовство тѣхъ, которые хотѣли перемѣнъ политическихъ; — неистовство обуздано самымъ осторожнымъ образомъ. Надлежало сдѣлать, чтобы подати служили по-

будительными причинами къ промышленности, надлежало снять съ нее бремя, отъ котораго она прежде ослабѣвала; — то и другое совершено съ наилучшимъ успѣхомъ. Надлежало возвратить Англіи ея потерянное вліяніе на твердую землю; — со времени возшествія Е. В. на престолъ, когда было оно столь сильно, какъ отъ 1785 до 1788 года? Надлежало заключить выгодные договоры, союзные и торговые, не показывая однакожь ни коварства ни честолюбія, которыя могли бы имя Англичанъ сдѣлать ненавистнымъ; — подписанные тогда договоры не свидѣтельствуютъ ли, что сіи условія соблюдены въ точности? Надлежало поддержать достоинство и святость Церкви въ Англіи и ограничить благодѣянія терпимости вѣръ; — всѣмъ извѣстно, что сіе исполнено съ желаемымъ успѣхомъ. Когда его дарованія перестали удивлять своею новостію; тогда онъ долженъ былъ помышлять о средствахъ утвердить свою славу. Кто не признается, что во все время своего Министерства Питтъ силою ума превосходилъ — какъ говорятъ самые непріятели его — всѣхъ предмѣстниковъ? Кто не признается, что изъ числа людей, ежегодно являющихся на театрѣ дѣлъ общественныхъ, не было ни одного, которой могъ бы сравниться съ Питтомъ? Кому не извѣстно, что въ затруднитель-

ныхъ обстоятельствахъ каждой разъ единодушно ожидали спасенія отъ Питта — отъ одного Питта изъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества, изъ всѣхъ людей Государственныхъ?

Никогда не забудутъ перелома, бывшаго въ 1788 году. Предположимъ на часъ, что сторона, побѣжденная Питтовою твердостію, одержала верьхъ. Что изъ того слѣдовало бы? Не пала ли бы Корона къ ногамъ Аристократіи? Законная сила исполнительной власти не пришла ли бы въ крайнее изнеможеніе? Корона, правосудіе, Церковь и народъ не испытали ль бы ужасовъ революціоннаго якобинизма? Питтъ, защищая своего Монарха отъ воплей мятежниковъ, которые хотѣли Регентства, спасъ въ другой разъ Короля, народъ и конституцію! Руки, менѣе сильныя, въ подобномъ случаѣ уронили бы бразды, — тогда сокрушилась бы колесница Государства!

(*Окончаніе въ слѣдующемъ Нумерѣ.*)

III.

Извѣстія и замѣчанія.

Вотъ прокламація, достойная Аттиллы и Тамерлана:

„Солдаты!

„Въ теченіе десяти лѣтъ я все дѣлалъ для спасенія Короля Неапольскаго; онъ все дѣлалъ для своей погибели. Послѣ сраженій при Дего, Мондови и Лоди, онъ почти не могъ мнѣ противиться. Я положился на слова сего Государя — и поступилъ великодушно. Когда вторая коалиція разрушена въ Маренго, Король Неапольскій, начинщикъ неправедной войны, забытый въ Люневилѣ своими союзниками, остался безъ защиты: Онъ прибѣгнулъ ко мнѣ съ прозьбою; — я простилъ его въ другой разъ.

„За нѣсколько мѣсяцевъ передъ симъ, вы были недалеко отъ Неаполя. Я имѣлъ законныя причины опасаться приготовляемой измѣны, и мстить за оскорбленія, мнѣ нанесенныя; однакожь я опять поступилъ великодушно: призналъ неутралитетъ Неаполя; повелѣлъ вамъ выступить изъ сего Королевства; — въ третій разъ утвердилъ и спасъ Домъ Неапольскій.

„Простимъ ли въ четвертой разъ? Ввѣримся ли въ четвертой разъ Двору *безъ вѣры, безъ чести, безъ разсудка*? Нѣтъ! нѣтъ! насталъ конецъ царствованія Неапольской Династіи; ея бытіе несовмѣстно *съ спокойствіемъ Европы и съ достоинствомъ моей Короны.*

„Солдаты! ступайте! бросьте въ море слабые полки морскихъ тирановъ, если только они будутъ васъ дожидаться. Явите міру, какимъ образомъ мы наказываемъ вѣроломныхъ. Не замедлите дать мнѣ знать, что вся Италія покорена законамъ моимъ и моихъ союзниковъ; что наилучшая страна въ свѣтѣ освобождена отъ ига людей клятвопреступныхъ; что отмщена святость договоровъ, и что успокоены души храбрыхъ воиновъ моихъ, убитыхъ въ Сицилійскихъ пристаняхъ, — воиновъ, возвратившихся изъ Египта, спасшись отъ бѣдствій кораблекрушенія, пустынь и сраженій.

„Солдаты! мой братъ поведетъ васъ; ему извѣстны мои намѣренія; ему поручена власть отъ меня; я имѣю къ нему довѣренность: вы *окружите* его своею. 27 Декабря 1805.

Подписано: *Наполеонъ.*“

По пріѣздѣ въ Парижъ, Г. Бонапарте, сидя на тронѣ, принималъ отъ Сената и прочихъ верховныхъ Правительствъ поздравленія съ благополучнымъ возвращеніемъ. Президентъ Сената, Франсуа Невшато, говорилъ утомительную рѣчь, которая самаго

Наполеона вывелабъ изъ терпѣнія, еслибъ содержала въ себѣ одно только привѣтствіе. Но Г. Нёвшато отъ лица великаго народа и великаго войска просилъ Г-на Бонапарте принять названіе *великаго*.

Наполеонъ, — которой обыкновенно не отказываетъ ни въ какой прозьбѣ, предлагаемой ему по его же приказу — не только согласился на желаніе Президента, но даже обѣщался постараться, чтобы отдаленнѣйшее потомство называло всѣхъ Французовъ *великими*.

Французское войско заняло Венецію. Генералъ Міоллисъ издалъ прокламацію, въ которой объявляется: 1. Что всѣ Венеціяне суть дѣти Наполеона *великаго*; 2. что въ продолженіе карнавала каждому дозволяется ходить въ маскѣ, какъ было во время Республики.

Вотъ два преимущества, обѣщающія — по увѣренію Генерала Міоллиса — великія выгоды областямъ Венеціянскимъ.

Хотя Пресбургской трактатъ обнародованъ, однакожь Вѣнскіе Политики думаютъ, что есть еще статьи, которыя должны быть хранимы въ тайнѣ. Берлинской Кабинетъ — говорятъ они — наслаждаясь миромъ десять лѣтъ, сберегъ казну свою и войско, и непримѣтнымъ образомъ приобрѣлъ такое могущество, что при первомъ случаѣ онъ дастъ перевѣсъ Державѣ, которую за благо разсудитъ объявить своею союзницею. Австрія безпрестанно ослабѣвала по мѣрѣ того, какъ Пруссія укрѣплялась. Слѣдственно нѣтъ сомнѣнія, что есть тайныя статьи, въ которыхъ обѣщано Австріи вознагражденіе за все то, чего принудили ее лишиться!

Наконецъ составлено въ Англіи новое Министерство. Главныя мѣста занимаютъ слѣдующія особы: Министръ финансовъ, первый Лордъ Казначейства — Лордъ Гренвиль; Государственный Секретарь внѣшнихъ дѣлъ — Г. Фоксъ; Государственный Секретарь внутреннихъ дѣлъ — Графъ Спенсеръ; Военный Министръ, или Секретарь колоній и Военнаго Департамента — Г. Виндамъ; Морской Министръ, или первый Лордъ Адмиралтейства — Г. Грей; Великій Канцлеръ — Г. Эрскинъ; Генералъ-Директоръ Артиллерійскаго Департамента — Лордъ

Мойра; Президентъ Кабинета — Графъ Фицвилльямъ; Великій Хранитель печати — Лордъ Сидмутъ; Тайный Совѣтникъ Кабинета — Лордъ Элленборугъ; Канцлеръ Казначейства — Лордъ Генри Петти. Фоксъ, Грей и Эрскинъ приняты въ Члены Кабинета. Главныя партіи называются: Гренвилевою, Фоксовою и Аддингтоновою.

Лордъ Корнваллисъ, новой Генералъ-Губернаторъ Ост-Индіи, которой недавно смѣнилъ Маркиза Веллеслея, умеръ скоропостижно. Фрегатъ Медуза, отвезшій Лорда Корнваллиса, возвратился въ Лондонъ съ извѣстіемъ о его смерти. Теперь еще не знаютъ, кому поручено будетъ управлять Индіею — симъ источникомъ Англійскаго богатства.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

МАРТЪ, 1806.

№ 6.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Счастіе семейственной жизни.

Ложитесь почивать, милая бабушка, — печально говорила молодая Исменія Г-жѣ Лисбе — мы сегодня его не дождемся. — Еще не поздно, дочь моя, — отвѣчала Г-жа Лисбе съ нѣжнымъ видомъ и любезною улыбкою. — Уже полночь — сказала Графиня Делмасъ, мать Исменіи. — И Г. Делмасъ — подхватила Г-жа Лисбе — долго не возвращается . . . — При сихъ словахъ послышался стукъ кареты; Исменія трепещетъ, по дѣйствію перваго движенія встаетъ, и опять садится, краснѣясь; Г-жа Лисбе и дочь ея перерываютъ работу. . . . Входитъ Графъ Делмасъ . . . не его ждали съ такимъ нетерпѣніемъ, но молодаго Карла Лимура, зятя его, мужа Исменіи. — Объ-

являю вамъ, — сказалъ Графъ, поцѣловавъ руку своей тещи, и обнявъ жену свою и дочь — что Карлъ уѣхалъ въ деревню; увидѣвшись съ нимъ въ Оперѣ, я успѣлъ только отъ него услышать, что по сдѣланному условію въ ложѣ Г-жи Дормель, всѣ ѣдутъ къ ней. . . — Какъ! прервала съ негодованіемъ Графиня — за двенадцать миль отъ Парижа? . . . Да — отвѣчалъ Графъ насмѣшливымъ голосомъ — имѣя отъ роду двадцать четыре года, ѣхать въ Іюнѣ мѣсяцѣ на нѣсколько дней въ деревню, *за двенадцать миль отъ Парижа*, съ лучшимъ обществомъ, состоящимъ большею частію изъ родни и короткихъ пріятелей — какая дерзость! — Но Госпожа Дормель — сказала Графиня — никогда не была и не будетъ моею пріятельницею: я не вижу въ ея поступкахъ почти никакой осторожности, и жеманство ея невѣстки мнѣ несносно. — Ты меня удивляешь — отвѣчалъ Графъ — я не надѣялся найти въ тебѣ такой святости. Что тебѣ мѣшаетъ жеманство женщины, которая тебѣ не родственница и не пріятельница, и которой ты не любишь? Карлъ поручилъ мнѣ отдать вамъ — продолжалъ Графъ, оборотясь къ Г-жѣ Лисбе — записку, написанную карандашемъ въ ложѣ Г-жи Дормель; здѣсь вы найдете извиненія, что онъ уѣхалъ, не простясь ни съ вами, ни съ своею тещею. Я свидѣтель, что ему

никакъ не льзя было несогласиться на неотступныя приглашенія; иначе всѣ сочлибъ его человѣкомъ грубымъ. Хотятъ играть Комедію. Карлъ заступитъ мѣсто одного заболѣвшаго актера. Надобно знать, что даютъ праздникъ по случаю выздоровленія стараго Графа Дормеля. — Трогательной примѣръ дѣтской нѣжности! — сказала Графиня, пожавъ плечами — цѣлой годъ не думать объ отцѣ; и потомъ дать пышной праздникъ единственно для того, чтобъ имѣть какой нибудь предлогъ повеселиться съ гостями! . . . . — А Карлъ не сказалъ вамъ; батюшка, — спросила юная Исменія съ боязнію — когда возвратится? — Думаю; черезъ двѣ или три недѣли — отвѣчалъ Графъ. — Я увѣрена — сказала Г-жа Лисбе — что черезъ двѣ недѣли, то есть 23 числа; онъ пріѣдетъ. — Точно пріѣдетъ! — вскричала Исменія — пріѣдетъ ко дню имянинъ бабушки. — Въ самомъ дѣлѣ — примолвилъ Графъ — я было и позабылъ о праздникахъ; точно Карлъ возвратится на канунѣ Иванова дня.

Послѣ сего разговора всѣ разошлись спать. На другой день поутру рано Графиня пришла къ своей матери. „Мы теперь однѣ, дочь моя, — сказала Г-жа Лисбе — я хочу пожурить тебя. Вѣтренность Карлова тебя огорчаетъ весьма примѣтнымъ образомъ...“ —

Могу ли смотрѣть равнодушно на томленіе бѣдной моей дочери? — „Соглашаюсь, что не можешь; я сама не менѣе огорчаюсь; однако жь не надобно всего обнаруживать. Другъ мой! не станемъ открывать *всей* нашей чувствительности, ибо не заставимъ мущинъ ни понимать ее, ни раздѣлять съ нами; принявъ же видъ совершеннаго равнодушія, выставимъ себя вдругъ и невѣждами и коварными. Всего лучше сдѣлаемъ, если безпокойство наше и тайную горесть обнаружимъ посредствомъ той любезной кротости, которая, не жалуясь ни на что, не требуя ничего, кажется осторожно умоляющею, чтобы обратили на нее внимательное око, и исполнили ея желаніе.“ — Три мѣсяца заниматься удовольствіями обществъ, не думая о женѣ, которая любитъ его со всею нѣжностію . . . и тогда, какъ прошло еще не болѣе осьми мѣсяцевъ послѣ брака! — „Ему только двадцать четыре года.“ — Исменіи также только осмнадцать; однакожь она любитъ его болѣе всего на свѣтѣ. — „Добродѣтельная любовь приводитъ въ зрѣлость разсудокъ женщины, и обработываетъ ея характеръ; она опредѣляетъ судьбу жизни, и цѣлую жизнь наполняетъ собою: у мущинъ есть множество другихъ занятій; въ молодости они весьма легко удовольствіе почитаютъ счастіемъ! . . . “ Какъ несносно въ Графинѣ Дормель жеманство и

стараніе нравиться Карлу! . . Увѣряю, что она имѣетъ замыслы вразсужденіи моего зятя, и что онъ замѣтилъ ихъ . . . — „Да, по твоей милости.“ — Какъ, по моей милости? — „Точно; ты не любишь злословить, пріятна въ обращеніи и снизходительна; вдругъ Карлъ видитъ, что ты принимаешь Графиню сухо, съ досадою, даже неучтиво; слышитъ, что ты безпрестанно чернишь ея наружность, умъ, — не одобряешь ея наряда, — осуждаешь ея поведеніе, — бранишь ее за кокетство; стараясь узнать причины твоей перемѣны, онъ угадалъ ихъ, и началъ почитать тебя несправедливою. Желая отвратить его вниманіе отъ особы, которой боишься, ты заставила его заняться ею; Исменія, примѣтивъ твое безпокойство, сама сдѣлалась ревниою. Ты поступила весьма неблагоразумно . . . “ — Сама чувствую; но какъ же было скрыть досаду столь несносную! . . . — „Вспомни, что съ тобою случалось въ молодости; Г. Делмасъ болѣе дѣлалъ шалостей, нежели Карлъ . . . “ — Вы судили о нихъ какъ мать, почитали ихъ такими, которыхъ ни чемъ извинить не можно; напротивъ того я все сносила терпѣливо . . . . — „Конечно мужъ твой казался мнѣ виновнымъ; однакожь я не изъявляла передъ нимъ досады: кончилось тѣмъ, что онъ исправился. Поступимъ такъ и съ

Карломъ.“ — Ахъ! Г. Делмасъ никогда не былъ такъ легкомысленъ! . . — „Ты забыла, но я помню. Теперь мы обѣ матери . . . . Подумай, милой другъ мой; Карлъ хорошо воспитанъ, уменъ, чувствителенъ; онъ истинно любитъ Исменїю; минутная прихоть не разрушитъ искренней, твердой привязанности. Когда онъ возвратится ко дню моихъ имянинъ, примемъ его ласково, притворимся, будто не догадываемся о новой связи; надежда и желанїе скрыть отъ насъ волокитство свое, заставятъ его чаще видѣться съ нами; если будемъ съ нимъ хорошо обходиться, онъ полюбитъ насъ, и останется у насъ навсегда. Мы одерживаемъ побѣду весьма пагубную, доказавъ мущинамъ, что они виноваты; они наказываютъ насъ за проницательность, которой боятся не безъ причины. Не только не должно ни въ чемъ упрекать ихъ; но надобно казаться, будто ничего не замѣчаемъ, или будто видимъ только половину того, что дѣлается. Гордость ихъ требуетъ не снисходительности, но простоты и легковѣрїя, которое они называютъ *прелестною кротостїю.*“ — Ахъ! — вскричала Графиня обнимая мать свою — будьте всегда моею наставницею. Только вашимъ совѣтамъ обязана я спокойствїемъ жизни и добрымъ моимъ именемъ. Пусть же вамъ буду обязана и счастїемъ Исме-

нїи! сїе благодѣянїе драгоцѣннѣе для меня всѣхъ прочихъ. — Г-жа Лисбе по всему заслуживала такую довѣренность. Старость бываетъ суровою въ мущинѣ, но любезная женщина и въ старыхъ лѣтахъ сохраняетъ нѣкоторыя прїятности юнаго возраста, — ту же слабость, ту же милую безпечность, ту же кротость. Г-жа Лисбе, при всей любезности своего обхожденїя, отличалась особеннымъ благоразумїемъ — какое только разсудительной человѣкъ можетъ получить отъ природнаго ума, глубокаго знанїя въ свѣтской жизни, долговременной опытности; она съ самыхъ молодыхъ лѣтъ была увѣрена, что надежнѣйшее средство устроить семейственное счастїе, состоитъ въ пожертвованїи спокойствїю и самолюбїемъ своимъ и всѣми требованїями. Она обыкновенно скрывала погрѣшности другихъ, и охотно признавалась въ своихъ собственныхъ; привлекала къ себѣ тѣхъ, которые хотѣли бы отъ нее удалиться — привлекала тѣмъ, что показывала, будто не видитъ ихъ проступковъ. Правда, тонкая проницательность Г-жи Лисбе не была предметомъ общихъ разговоровъ, общихъ похвалъ; за то всѣ удивлялись, какъ можно съ такимъ умомъ не имѣть дальновидности — и тѣмъ болѣе любили ее; вся хитрость ея (если только можно доброту сердца назвать хитростїю) состояла въ томъ, что снисходительность свою она

умѣла прикрывать наружностїю любезной простоты. Героическїя добродѣтели, величїе духа, милость, достойны удивленїя въ людяхъ государственныхъ и на театрахъ; но въ нѣдрѣ семейства потребно совсѣмъ другое. Г-жа Лисбе, гдѣ доходило до изъясненїй, всегда *мирилась*, не желая прощать; всякое извиненїе принимала, всякое изъясненїе почитала полнымъ оправданїемъ. Послѣ примиренїя, не удивлялись ея *великому характеру*, но обожали ея кротость. Г-жа Лисбе думала, что трудно навсегда помириться съ тѣмъ, кого мы привели въ замѣшательство или унизили, — что въ ссорахъ и враждахъ нѣтъ *забвенїя*, и что одна только невнимательность можетъ доставить намъ совершенную безопасность. Такимъ благоразумнымъ поведенїемъ она сберегла всѣхъ друзей своихъ, сдѣлалась примирительницею въ своемъ семействѣ, и приобрѣла великую власть надъ умомъ своего зятя, хотя Графъ ни мало о томъ не догадывался. Г-жа Лисбе никогда не давала дочери своей рѣшительныхъ совѣтовъ; если просили въ чемъ нибудь ея наставленїя, она объявляла свое мнѣнїе тономъ обыкновеннаго разговора, такъ просто, съ такою кротостїю, что каждому было можно ей противурѣчить.

Графъ Делмасъ былъ самолюбивъ до крайности, но суетность его не нарушала

семейственнаго спокойствія, потому что ни теща ни жена не обнаруживали никакихъ требованій. Онъ любилъ жену свою; но по легкомыслію въ молодости часто измѣнялъ супружеской вѣрности. Графиня притворялась, будто ничего не знаетъ; онъ не боялся гнѣва раздраженной супруги, и не имѣя надобности упрямиться, возвратился къ своей должности. Надобно сказать что нибудь о характерѣ и образѣ мыслей Графа Делмаса. Онъ былъ довольно уменъ, совершенно честенъ и благороденъ; держался правилъ не совсѣмъ строгихъ, и думалъ, что молодой человѣкъ имѣетъ всѣ нужныя качества, если одаренъ мужествомъ, знаетъ свѣтское обращеніе, показываетъ при постороннихъ людяхъ уваженіе къ своей супругѣ и почтеніе къ родителямъ, не входитъ въ долги, не играетъ, и живетъ въ кругу хорошаго общества. Въ самомъ дѣлѣ для свѣта ничего болѣе и не надобно; но кто думаетъ, что упомянутыя качества замѣняютъ семейственныя добродѣтели, тотъ отниметъ у себя пятнадцать счастливыхъ годовъ, и не насладится чистѣйшимъ блаженствомъ ни въ зрѣлыхъ лѣтахъ, ни въ старости.

Графъ, любя дочь свою, по странной суетности — которой примѣры видимъ только въ большомъ свѣтѣ — хотѣлъ, чтобы мужъ Исменіи нравился красавицамъ; онъ не

стерпѣлъ бы равнодушно, еслибъ зять его привязался къ какой нибудь прелестницѣ, или къ женщинѣ низкаго состоянія, но желалъ слышать похвалы ему въ модныхъ обществахъ, и видѣть усилія придворныхъ блестящихъ кокетокъ одержать надъ нимъ побѣду. Впрочемъ Графъ любилъ своего зятя съ отеческою нѣжностію. Люди, которые въ молодости были вѣтрены, желаютъ, чтобъ и дѣти ихъ были такими же; ибо родителямъ сродно желать дѣтямъ той славы, которою сами нѣкогда гордились: такимъ образомъ пороки часто дѣлаются наслѣдственными, если любовь родительская не основана на правилахъ. Графъ неспособенъ былъ подавать развратительные совѣты своему зятю, хотя и не могъ быть для него наставникомъ, Менторомъ. Карлъ, прекрасной, чувствительной и благородной молодой человѣкъ питалъ нѣжную привязанность къ Исменіи; любилъ и почиталъ тещу свою и Г-жу Лисбе; но бывъ вовлеченъ въ общество людей легкомысленныхъ и опасныхъ, не могъ противиться соблазнамъ хитраго кокетства; примѣтивъ негодованіе Графини и печаль Исменіи, боялся выговоровъ, старался избавиться отъ нихъ, и удалясь одинъ разъ — почти безъ намѣренія и противъ воли — отъ своего семейства, готовъ былъ навсегда оставить его, или покрайней мѣрѣ освободить себя отъ всякой зависимо-

ети. Всѣ жили у Г-жи Лисбе, которая, отдавъ огромной домъ свой дѣтямъ, сама занимала нѣсколько покоевъ, чтобъ имѣть сладостное удовольствїе видѣть вокругъ себя все семейство. Молодому Карлу безпрестанно твердили, сколь несносно жить съ родными и имѣть набожныхъ надзирательницъ за поведенїемъ — тещу и бабку; ему говорили также, что для предупрежденїя несогласїй, лучше всего не жить подъ одною кровлею съ своимъ семействомъ, и даже какъ можно рѣже съ нимъ видаться. Правило по видимому благоразумное — ибо въ наше время почти всѣ ему слѣдуютъ! отцы наши по простотѣ своей думали иначе; но Философїя исправила старинные предразсудки!

Къ дополненїю описанїя семейства Г-жи Лисбе, надобно упомянуть о младшей сестрѣ Исменїи, Викторинѣ — пятнадцатилѣтней дѣвушкѣ. Г-жа Лисбе, по осторожности своей и благоразумїю, не отдавала ей преимущества передъ другими, но всѣмъ извѣстна была нѣжная привязанность ея ко внучкѣ; юная Викторина страстно любила сестру свою. Вѣтренность Карлова часто выводила ее изъ терпѣнїя; Графиня одобряла участїе Викторины; напротивъ того Г-жа Лисбе не одинъ разъ дѣлала ей за то выговоры, но съ такою милою улыбкою, что Викторина имѣла причины проступокъ свой

почитать извинительнымъ. Г-жа Лисбе примѣтивъ, что Исменія сильно печалится объ отсутствіи Карла, успѣла уменьшить ея безпокойство.

Знали, что Карлъ черезъ нѣсколько дней будетъ представлять лицо въ Комедіи; Исменія по совѣту своей бабки велѣла сшить прекрасное платье, и съ нарочнымъ отправила его къ мужу; съ посылкою отослано письмо, наполненное выраженіями любви и веселости: то и другое принято съ благодарностію, съ удивленіемъ. Карлъ, сильно тронутый, написалъ весьма ласковой отвѣтъ, и обѣщался приѣхать домой къ имянинамъ Г-жи Лисбе. Настало утро назначеннаго дня — Карлъ не возвращается; насталъ часъ обѣда — нѣтъ Карла! всѣ родственники, всѣ пріятели явились съ подарками; зала уставлена была корзинами и ящиками съ цвѣтами; на срединѣ стоялъ столъ съ приношеніями отъ дѣтей. Цвѣты, поднесенные дѣтскою любовію, имѣли для себя отличное мѣсто; не было только одной связки; материнское око взирало на дары съ кроткимъ удовольствіемъ, которому еще чего-то недоставало.

На стѣнныхъ часахъ стрѣлка показывала шесть — а Карла все не было. Исменія и Графиня предались глубокой задумчи-

вости. Викторина безпокоилась, поминутно выходила въ другую комнату выглядывать изъ окошка; самъ Графъ, которой былъ всѣхъ равнодушнѣе, начиналъ досадовать; гости скучали. Разговоръ становился принужденнѣе; Г-жа Лисбе нѣсколько разъ принималась оживлять его. Графъ взглянувъ на часы, сказалъ: „уже семь; „не понимаю, для чего онъ не ѣдетъ!“ — Я ручаюсь — отвѣчала Г-жа Лисбе — что ему помѣшали; можетъ быть изломалась карета . . . . — Ѣдетъ! ѣдетъ! вскричала Викторина, поспѣшно идучи въ залу. Сіи слова произвели въ семействѣ удивительную перемѣну; всѣ приняли веселой видъ; пять или шесть дѣтей побѣжало встрѣтить Карла. Печальное лице Исменіи оживилось радостію; а Г-жа Лисбе помолодѣла отъ удовольствія. Ахъ! какъ безразсудны молодые люди, которые не пользуются счастіемъ своимъ, когда семейство любитъ ихъ съ такою нѣжностію! въ какомъ обществѣ найдутъ они то, чего добровольно лишаются? Наконецъ съ шумомъ отворяются двери настежь; Карлъ входитъ, держа въ рукахъ прекрасное померанцевое дерево, и ставитъ его у ногъ Г-жи Лисбе. Безпокоясь, что заставилъ долго ждать себя, онъ началъ извиняться . . . . „Почтовыя лошади не скоро везли; надлежало починять карету . . .“ — Не отгадалаль я? — перервала Г-жа

Лисбе, нѣжно обнимая Карла, которой обрадовавшись ласковому приему, съ горячностїю цѣловалъ ея руку. Исменїя бросилась къ нему на шею; и съ чувствомъ сжала его въ своихъ объятїяхъ. Всѣ окружили Карла; искренность сїяла на всѣхъ лицахъ; общая радость разсѣяла его замѣшательство. Г-жа Лисбе велѣла поставить на столѣ померанцевое дерево; вдругъ раздались прїятные звуки гармонїи; Графиня и обѣ дочери ея соединили голоса свои съ музыкою, и воспѣли счастїе семейственной жизни въ честь имянинницы. Карлъ, сильно тронутый, съ нѣжностїю пожимая руку Г-жи Лисбе, сказалъ ей тихо: „знаю и чувствую, что здѣсь только могу найти для себя истинное счастїе.“

Въ десять часовъ сѣли за столъ; ужинъ былъ самой веселой. Г-жа Лисбе предложила танцы; вечеръ проведенъ съ такимъ удовольствїемъ что всѣ обѣщались и слѣдующїй день посвятить забавамъ.

Карлъ провелъ три недѣли въ семействѣ; и восхищалъ его своимъ любезнымъ характеромъ; прїятнымъ умомъ, а особливо нѣжною привязанностїю. Между тѣмъ письма, весьма часто присылаемыя съ нарочными, напоминали Карлу о деревнѣ; если бъ онъ

слушался только своего сердца, то конечно всегда предпочелъ бы Исменїю Графинѣ Дормель; но Карлъ былъ очень молодъ, боялся огорчить женщину, которая любила его, и думалъ, что не должно доводить ее до отчаянїя.

Карлъ внезапно уѣхалъ. „Онъ возвратится къ празднику Св. Лудовика" — говорила Г-жа Лисбе. Въ этотъ день торжествовали въ семействѣ двое имянинъ: Графини и старшей ея дочери; въ самомъ дѣлѣ Карлъ явился. Никто не дѣлалъ ему упрековъ, кромѣ Викторины, которая спросила: „не выросла ли она въ его отсутствїе?" Карлъ покраснѣлъ; сердце его стѣснилось, когда примѣтилъ, что Исменїя похудѣла! . . . Любовь и угрызенїя совѣсти удержали его на нѣкоторое время въ семействѣ; но скоро онъ опять началъ, довольно часто и надолго, отлучаться въ Версаль для свиданїя съ Графинею, которая жила тамъ съ своимъ свекромъ, получившимъ выгодное мѣсто при Дворѣ. Молодой Графъ Дормель, кромѣ квартиры во дворцѣ, имѣлъ еще собственной домъ на Парижской дорогѣ, куда часто ѣздили гулять и играть на бильярѣ. Карлъ обыкновенно проигрывалъ, отъ того что игроки, не слишкомъ совѣстные, — какихъ бываетъ весьма много, — пользовались его заблужденїемъ и страннымъ тщеславїемъ: надоб-

но знать, что Карлъ почиталъ себя весьма искуснымъ въ игрѣ. Графъ Делмасъ напомнилъ своему зятю объ осторожности, но Карлъ крѣпко стоялъ въ томъ, что играетъ лучше всѣхъ своихъ противниковъ, что никогда не пускается въ большую игру, и что въ состоянiи остеречь себя отъ важнаго проигрыша. Карлъ провелъ послѣднiя двѣ недѣли Декабря мѣсяца въ Версали; дома на-вѣрное полагали, что онъ возвратится въ день Новаго года! . . Сей торжественный день есть важная эпоха въ жизни доброй матери многочисленнаго семейства; ибо дѣло идетъ не объ однихъ только подаркахъ, не объ одной только щедрости, но требуется, чтобы въ каждомъ подаркѣ видно было намѣренiе приличное, полезное и прiятное, — чтобы они соотвѣтствовали характерамъ и обстоятельствамъ тѣхъ людей, для которыхъ назначаются: Г-жа Лисбе наблюдала съ благоразумною внимательностiю, съ милою разборчивостiю всѣ сiи оттѣнки. Заблаговременно приготовленныя вещи въ надлежащемъ порядкѣ разложены были въ кабинетѣ; надъ каждою находилась надпись съ именемъ особы, которая должна получить оную. Посторонniй наблюдатель, вошедши въ кабинетъ и взглянувъ на подарки, тотчасъ угадалъ бы большую часть семейственныхъ обстоятельствъ, могъ бы узнать характеры и

упражненія живущихъ въ домѣ. Разкрашенные ящики и бумажные футляры съ эстампами назначены были для особъ, которыя любили рисовальное искуство; чернилица — для той, отъ которой получаемы были прекрасныя письма; хорошія книги въ богатомъ переплетѣ — для особы, которая имѣла склонность ко чтенію: симъ почетнымъ подаркамъ не завидовали тѣ, коимъ доставалась нарядная шляпка, или блестящее ожерелье. Небогатые родственники получали подарки другаго рода, предлагаемые съ любезностію, съ простотою, которыя закрывали великодушное намѣреніе; ибо въ сей день щедрая благодѣтельность можетъ принимать на себя наружность обычая. Каждой въ полученной вещи видѣлъ доказательство искренней дружбы, всегда остроумной и проницательной, которая дѣлала выборъ, и угадывала, что кому будетъ пріятно. Безъ сего стариннаго обыкновенія, укрѣпляющаго союзы семейственные и дружескіе, первой день Новаго года былъ бы мрачною эпохою горестныхъ воспоминаній: день сей посвящается изліянію чувствъ сердечныхъ и щедрости, для того чтобы или пріятнымъ ожиданіемъ, или милыми занятіями разсѣять мысли, имъ поселяемыя. Такимъ образомъ семейственные праздники отвращаютъ горестное сожалѣніе о протекшемъ времени, удаляютъ

безпокойство о неизвѣстности будущаго; которое теряетъ прелести по мѣрѣ своего къ намъ приближенія; ибо каждой годъ ставитъ насъ ближе къ страшной перспективѣ!

Наканунѣ Новаго года Графъ, вошедъ въ комнату Г-жи Лисбе, которая сидѣла съ Графинею и ея старшею дочерью, сказалъ: „дошло до моего свѣденія, что нашъ Карлъ сего дня поутру проигралъ на бильярѣ пять сотъ луидоровъ на честное слово, кромѣ того что въ теченіе трехъ послѣднихъ мѣсяцовъ потерялъ столько же; не думаю, чтобъ онъ былъ въ состояніи долгъ свой заплатить къ завтрешнему сроку.“ — Кому онъ долженъ? — спросила Г-жа Лисбе. — „Мервилю.“ — Какъ! Мервилю, нашему другу? человѣку, имѣющему сорокъ лѣтъ отъ роду? . . . — „Что дѣлать! Карлъ сказалъ, что почитаетъ себя второклассным игрокомъ на бильярѣ; Мервиль, которой рѣдко играетъ, объявилъ себя игрокомъ третьяго класса. Карлъ давалъ ему три впередъ и проигрался.“ — Это странно! — „Завтра, увидѣвшись съ Карломъ, думаю, вы не оставите хорошенько побранить его за такую шалость.“

Послѣ сего разговора, Графиня, не говоря ни слова дочери, тотчасъ написала письмо

къ Мервилю, и увѣдомила его, что долгъ Карла принимаетъ на себя, обѣщаясь заплатить черезъ три мѣсяца; при чемъ убѣдительно просила Мервиля сказать Графу и Г-жѣ Лисбе, будто Карлъ самъ заплатилъ ему пять сотъ луидоровъ.

Исменія, не сказавъ матери, велѣла позвать къ себѣ ювелира, которому продала почти всѣ свои драгоцѣнные камни за пятьсотъ луидоровъ; на другой день получивъ деньги, при запискѣ послала ихъ къ Мервилю, усердно прося его объявить Графу и Графинѣ, что Карлъ заплатилъ долгъ свой.

Въ день Новаго года Карлъ въ самую пору пріѣхалъ домой, когда жена его съ Графинею и Викториною шли въ комнату Г-жи Лисбе. Никого не было изъ постороннихъ, ибо родственники и пріятели должны были явиться гораздо позже. Г-жа Лисбе, обнявъ Карла съ обыкновенною нѣжностію, сказала: „любезный сынъ! для васъ готовы подарки отъ тещи, жены, и отъ меня; мы соединили ихъ; зная, что вамъ надобенъ былъ лишній кабинетъ, дочь моя назначила комнату изъ своего отдѣленія; я и жена ваша убрали ее: угодно посмотрѣть?“ Г-жа Лисбе повела всѣхъ въ прекрасной кабинетъ, украшенной уборомъ, которой вышили Исменія и Викторина. Карлъ изъявилъ

искреннѣйшую благодарность; угрызенія терзали душу его, когда пришло ему на мысль, что хотѣлъ навсегда оставить жилище, которое готовили для него съ такимъ усердіемъ. По обозрѣніи всего, Г-жа Лисбе, взявъ Карла за руку, повела въ свою комнату; прочіе шли за ними. Идучи, она успѣла тихонько сказать Карлу: „вашъ долгъ заплаченъ; не говорите никому, что я это сдѣлала.“ По томъ, не давши времени отвѣчать, оставила его, и вошла въ свою комнату. Графиня, тотчасъ приближась къ своему зятю, также тихо объявила ему, что Мервиль удовлетворенъ, и просила его быть скромнымъ. Изменія въ свою очередь сказала на ухо мужу: „я заплатила Г-ну Мервилю; не говорите объ этомъ батюшкѣ и матушкѣ“ — и пошла въ слѣдъ за Графинею къ Г-жѣ Лисбе. Все сіе сдѣлалось такъ скоро, что изумленный Карлъ не могъ произнести ни одного слова, и стоялъ нѣсколько минутъ подобно окаменѣлому; опамятовавшись, сошелъ въ садъ, и провелъ нѣсколько времени въ сладкой задумчивости.

Г-жа Лисбе нашла въ своей комнатѣ Графа и Мервиля, котораго приняла весьма холодно. Мервиль показывалъ, будто ничего не примѣчаетъ; сдѣлавъ Г-жѣ Лисбе нѣсколько вопросовъ о подаркахъ, онъ примолвилъ со смѣхомъ: „я думаю, что Карла всего при-

личнѣе было бы подарить „ бильяромъ; ему надобно еще долго учиться.“ Такая шутка показалась Г-жѣ Лисбе столь несносною, что она принуждена была отвѣчать съ горестною улыбкою: „Покрайней мѣрѣ мы не станемъ васъ просить о преподаванїи ему новыхъ уроковъ.“ — Почему же, сударыня? — спросилъ Мервиль прежнимъ тономъ — первой урокъ данъ съ успѣхомъ: смѣю надѣяться, что вы согласитесь въ этомъ . . . . — „Бога ради, сударь! прервала Г-жа Лисбе еще съ большимъ негодованїемъ — станемъ говорить о чемъ-нибудь другомъ.“ — Въ сїю минуту вошелъ Карлъ съ видомъ сильно разпроганнаго человѣка; занялъ мѣсто между бабкою и женою, и взявъ у каждой по рукѣ, съ чувствомъ нѣжности жалъ ихъ своими руками. „Послушайте, Карлъ — сказалъ ему Мервиль — я нарочно здѣсь дожидался, чтобы при васъ возвратить, что кому слѣдуетъ. Милостивыя государыни! я долженъ объявить вамъ, что Карлъ заплатилъ мнѣ деньги прежде, нежели я получилъ ваши записки . . . .“ — Довольно! перестаньте! — закричали въ одинъ голосъ женщины, которымъ хотѣлось, чтобъ Графъ не узналъ, какъ онѣ *побранили* Карла. „Нѣтъ, милостивыя Государыни! — продолжалъ Мервиль — этого никакъ не довольно. Я получилъ втрое болѣе, нежели надлежало, и долженъ отдать чужое обратно. Карлъ, про-

игравши пять сотъ луидоровъ, вмѣсто платежа предложилъ мнѣ свою новую Англійскую карету и прекрасныхъ лошадей; я немедленно исполнилъ его желаніе; слѣдственно долгъ заплаченъ. Вотъ ваша росписка, Графиня! вотъ банковыя ассигнаціи Г-жи Лисбе, и вотъ пять сотъ луидоровъ, полученные отъ Исменіи." — Ахъ! — вскричалъ Карлъ — какъ буду неблагодаренъ, если не исправлюсь!... — „Еще не все — продолжалъ Мервиль, оборотясь къ Графу — отъ меня получите карету и лошадей...." — Какъ это? — спросила Г-жа Лисбе. — „Потому — отвѣчалъ Мервиль — что Графъ выигралъ пять сотъ луидоровъ; я игралъ на его деньги." — Любезной Мервиль! — сказала Г-жа Лисбе — какъ я виновата передъ вами! — „Вотъ какимъ образомъ это сдѣлалось — сказалъ Графъ: — зная, что Карлъ водится съ дурными людьми, я вздумалъ проучить его; далъ сто луидоровъ Мервилю, и просилъ его поиграть на бильярѣ съ Карломъ. Между нами положено было, чтобы Мервиль обыгрывалъ своего противника до тѣхъ поръ, пока дозволятъ ему вѣтренность и странная охота выдавать себя за искуснаго игрока на бильярѣ; однакожь Карлъ, потерявъ сумму, которую могъ заплатить лошадьми и каретою, остерегся, и не хотѣлъ болѣе играть, вопреки неотступнымъ прозьбамъ Г-на Мервиля." —

Нѣтъ, нѣтъ, батюшка! — перервалъ Карлъ — Мервиль, желая мнѣ добра, сказалъ вамъ не все, какъ было; онъ совсѣмъ не просилъ меня играть долѣе, напротивъ того всячески старался, чтобъ я пересталъ . . . . — „Я теперь узналъ много хорошаго! — сказалъ Графъ — вижу, что я поступилъ всѣхъ благоразумнѣе . . . . Можно ли такъ баловать молодыхъ людей! можно ли оказывать такое снизхожденіе! . . . . “ — Другъ мой! — отвѣчалъ Мервиль — если молодой человѣкъ одаренъ благороднымъ сердцемъ, то для чего не имѣть снисхожденія къ нѣкоторымъ его слабостямъ? — „Когда дошло до выговоровъ — сказала Графиня — не льзя ли попенять васъ, для чего не открыли намъ своей тайны?“ — Въ самомъ дѣлѣ — примолвила Г-жа Лисбе — вы избавилибъ насъ отъ многихъ хлопотъ. — „О! нѣтъ — отвѣчалъ Мервиль — женщинамъ не надобно ввѣрять лукавые замыслы; иначе все испортишь.“ — Теперь — сказалъ Графъ — я долженъ вмѣсто подарка отдать Карлу лошадей и карету. . . — „Нѣтъ, батюшка! — перервалъ Карлъ — онѣ мнѣ болѣе не нужны: я буду всегда жить дома, и стану выѣзжать не иначе, какъ съ Исменіей.“ — Сіи слова, произнесенныя съ жаромъ, показывали твердую рѣшительность. Карлъ наконецъ научился цѣнить союзъ родства, и наслаж-

даться счастїемъ семейственной жизни; желанїе, сдѣлаться достойнымъ любви родителей милой Исменїи, управляло его поступками. Г-жа Лисбе часто повторяла друзьямъ своимъ: „Когда дѣти, по вѣтренности молодыхъ лѣтъ, бѣгаютъ отъ насъ, не станемъ со всею строгостїю напоминать объ ихъ должности; будемъ терпѣливо ожидать ихъ возвращенїя; привлечемъ ихъ къ себѣ счастїемъ семейственной жизни, и постараемся удержать ихъ при себѣ узами родства, любовїю, признательностїю.“

Жанлисъ.

II.

Прошедшее.

Гдѣ прошедшее дѣвалось?
Всё какъ сонъ — какъ сонъ прошло;
Только въ памяти осталось
Прежнее добро и зло.
Будущаго ожидаемъ;
Что сулитъ оно, не знаемъ;
Будущее настаетъ: —
Гдѣжь оно? — его ужь нѣтъ!

*

Всё, что въ жизни намъ ласкаетъ,
Что сердца ни веселитъ,
Всё какъ молнїя мелькаетъ,
Будто на крылахъ летитъ, —

Ахъ! летитъ невозвратимо;
Какъ рѣка проходитъ мимо,
И рѣкѣ возврата нѣтъ, —
Къ вѣчности она течетъ.

*

Я не тотъ, кто дней во цвѣтѣ
На землѣ существовалъ;
И не тотъ, кто жизни въ лѣтѣ
Время числить забывалъ;
Зимнему подобно хладу,
Старость нашихъ дней отраду
И веселости мертвитъ;
Ужь не тотъ мой нравъ, ни видъ.

*

Тѣ, которы восхищали
Взоръ мой женски красоты,
Жизни вечеромъ увяли,
Будто утренни цвѣты;
Тѣ, со мною что родились,
Возрастали, веселились, —
Какъ трава тѣхъ вѣкъ пожатъ,
И въ землѣ они лежатъ.

*

Въ юности моей чинами
Мысли я мои прельщалъ;
Но покрытый сѣдинами,
Суетность чиновъ позналъ.
Во цвѣтущи дни пріятство
Обѣщало мнѣ богатство:

Вижу въ зрѣлыя лѣта,
Что на свѣтѣ всё тщета!

*

Всё тщета въ подлунномъ мірѣ,
Изключенья смертнымъ нѣтъ;
Въ лаврахъ, въ рубищѣ, въ порфирѣ —
Всѣмъ оставить должно свѣтъ.
Жизнь какъ вѣтерокъ провѣетъ;
Всё разрушится, изтлѣетъ;
Что ни видимъ, бренно то;
А прошедшее — ничто!

*

Солнце тоже надо мною,
Та же свѣтитъ мнѣ луна;
Тѣжь цвѣты цвѣтутъ весною,
Но скучаетъ мнѣ весна.
Что меня ни утѣшало,
Время, время всё умчало;
Жизни сей кратка стезя,
И продлить ее нельзя.

*

Что такое есть — родиться?
Что есть наше житіе?
Шагъ ступить — и возвратиться
Въ прежнее небытіе.
Нѣтъ! — когда мы вѣкъ скончаемъ,
Въ жизни будущей встрѣчаемъ
Наши прежнія дѣла
Въ книгѣ и добра и зла.

М. Х — въ.

III.

Къ Элизѣ.

Элиза! — что сей взоръ, столь быстрый, столь суровый,
Что значитъ этотъ взоръ? — Жестокая! тебѣ
Легко меня терзать; — а мнѣ — ударъ громовый
Одинъ твой взоръ; — а я, противный самъ себѣ,
Элизой жить преставъ, жизнь, кажется, теряю; —
Ужасной часъ! — съ тобой — твоимъ быть не дерзаю,
Не слышу словъ твоихъ, не смѣю вопрошать. . . . .
Почто меня — увы! — послѣднихъ благъ лишать? —

*

Уже ли ты могла, Элиза, усомниться
Въ небесныхъ прелестяхъ своихъ? —
Какъ! — Ангелу любви измѣнъ любви страшиться? —
Какъ! — развѣ не блестящимъ въ глазахъ, въ слезахъ моихъ
Нѣжнѣйше, робко чувство,
Несчастно таинствъ почтительной души? . . .

Къ чему сіе жестокое искуство? —
Ахъ! я у ногъ твоихъ — судьбу мою рѣши!!

*

Когда подъ облакомъ задумчивости милой,
Въ безмолвьи вечера, среди твоихъ родныхъ,
При дремлющей свѣчѣ, ліющей свѣтъ унылой,
Ты сядешь за клавиръ; — когда изъ струнъ живыхъ
Души твоей любезно умиленье
Заговоритъ съ моей душей; —
Когда въ небесномъ восхищеньѣ
За умирающей гармоніи струей, —
Взоръ томный на меня, Элиза, обращаешь:
Не слезы ли мои встрѣчаешь?....

*

Когда подъ тѣнію родительскихъ дубовъ —
(Ахъ! можно ль позабыть блаженство сихъ часовъ?)
Со мною о дѣлахъ Природы разсуждала
И дивны прелести ея живописала; —
Когда мнѣ въ образѣ твоемъ
Посланникъ Рая представлялся: —
Я счастье находилъ въ несчастіи своемъ; —
По манію любви, казалось, измѣнялся
Сей жалкій міръ передо мной; —
Когда, какъ Грація, ты легкою рукой
Покровъ таинственный съ грядущаго снимала,
И скользкой жизни путь цвѣтами усыпала: —

Элиза! въ этотъ часъ я клялся добрымъ
быть! —
Элиза! въ этотъ часъ я началъ только жить!

*

Представь хотя сіи огромныя собранья,
Которымъ ты должна досугъ свой посвящать;
Гдѣ похвалы и восклицанья
Тебя привыкли провождать,
Когда, подъ звуками гармоніи летаешь
По лаковымъ поламъ; — какъ бурный вихря
духъ
Въ сіяньи радужномъ кружишься и мель-
каешь,
И души и сердца съ тобой кружатся вдругъ:
Жестокая! — скажи, не я ль въ сіе мгновенье
Всѣхъ болѣе твоимъ тріумфомъ веселюсь?
Не я ли, въ тайномъ восхищеньѣ,
Твоею славою горжусь? . . . .

*

Ахъ! — для того ли Фебъ свѣтъ яркій
изливаетъ,
Чтобъ слабыхъ смертныхъ ослѣплять?
Ахъ! — съ тѣмъ ли къ намъ луна лице свое
склоняетъ,
Чтобъ нощи ужасы лишь только освѣщать?
Элиза! — отврати свой быстрый взоръ,
прекрасной,
Элиза, отврати! — онъ страшенъ для меня,

Онъ страшенъ для любви несчастной...
Нѣтъ! нѣтъ! — увы! — забылся я....
Склони ко мнѣ свой взоръ, Элиза несравненна! —
Пусть капелька росы, въ часъ утра золотой,
Завидною судьбой
Блистая въ солнышкѣ, — дань утромъ
посвященна —
Во пламени его красуется, цвѣтетъ,
Во пламени его изсохнетъ и — умретъ!

А. Мрзлкв.

IV.

О прибавленіи къ словарю атеистовъ Лаланда.

Г. Лаландъ, славный Астрономъ, за нѣсколько лѣтъ передъ симъ напечаталъ *Словарь атеистовъ*, въ которомъ старается доказать, что всѣ славнѣйшіе люди суть — безбожники. Было время, когда подобныя бредни находили во Франціи своихъ читателей и защитниковъ. Въ прошломъ году Г. Лаландъ издалъ второе Дополненіе къ Слогарю, и возбудилъ во всѣхъ омерзѣніе къ себѣ и нечестивой своей книгѣ. Въ Монитёрѣ помѣщено письмо къ издателю отъ Президента Сената Франсуа Нёвшато, слѣдующаго содержанія:

Парижъ, 24 *Ноября* 1805.

„Къ великому удивленїю, я получилъ „книгу, напечатанную въ осьмую долю листа, „подъ названїемъ: *Второе дополненїе къ „словарю атеистовъ*, изданное Іеронимомъ „Лаландомъ, 1805.

„Авторъ Словаря по азбучному порядку „разположилъ имена особъ, которыя — какъ „онъ говорилъ — объявили желанїе стоять „въ его спискѣ. Кому прїятна такая отлич„ная почесть, тотъ пусть пользуется ею; „но я, почитая это безславїемъ, негодую „на Автора, которой помѣстилъ меня въ „спискѣ не только безъ моего согласїя, но „даже не имѣя уваженїя къ моему званїю. Я „членъ Правительства и отецъ семейства; „желаю оставить въ наслѣдство моему сыну „безпорочное имя. Какъ осмѣлились, не уваживъ никакихъ приличностей, гнуснѣйшею „клеветою очернить гражданина и чиновника, „которой дорожитъ почтенїемъ своей со„братїи?

„Не говоря, какое мнѣнїе сей Каталогъ „можетъ дать прочимъ народамъ Европы о „Французахъ, ограничиваюсь тѣмъ, что до „одного меня принадлежитъ. Критики и „сатиры меня не трогаютъ. Знаю, что „человѣкъ публичный долженъ ожидать не„справедливости отъ Публики; знаю также, „что всякой обязанъ дѣлать добро и не уважать „людскихъ пересудовъ: однакожь бываютъ слу-

„чаи, въ которыхъ стыдно быть молча-„ливымъ.

„Не надобна мнѣ грамата на званіе „атеиста; съ ужасомъ отвергаю оную. Ак-„торъ думалъ изъявить мнѣ свое уваженіе, „причисливъ меня къ сонму людей, непри-„знающихъ бытія Божія; напротивъ того „онъ, можетъ быть безъ умыслу, нанесъ „мнѣ жестокую обиду. Онъ менѣе оскор-„билъ бы меня, опредѣливъ мнѣ мѣсто въ „домѣ сумасшедшихъ.

„Прошу васъ напечатать сіе отрица-„ніе въ оффиціальномъ Журналѣ. Господа „Журналисты, которымъ угодно будетъ „повторить его въ своихъ изданіяхъ, одол-„жатъ меня чувствительно. Имѣю честь „и проч.“

Непріятели Г-на Президента Нёвшато говорятъ, что онъ въ началѣ революціи обнаруживалъ такія мнѣнія, которыхъ вѣрно теперь повторить не захочетъ.

Г. Лаландъ не только Фридриха Великаго полагаетъ въ числѣ безбожниковъ, но даже Марію Терезію, Государыню, которая совсѣмъ не любила *философствовать*. Имена Шиллера, Виланда и Мейнерса сіяютъ въ *Дополненіи* къ Словарю атеистовъ!

(*Изъ иностр. листк.*)

V.

Объ учебной книгѣ Г-на Мантеля.

Со временъ блаженной памяти Адама Адамыча Вральмана до настоящей эпохи система домашняго воспитанія во многомъ перемѣнилась. Теперь уже едва ли Французской кучеръ (о Нѣмецкомъ и говорить нечего) обманетъ кого-нибудь изъ нашихъ земляковъ, которые, не жалѣя денегъ для просвѣщенія дѣтей своихъ, непремѣнно хотятъ имѣть *ученыхъ* наставниковъ.

Спросите многихъ изъ господъ Французовъ, возложившихъ на себя человѣколюбивую должность просвѣщать наше юношество, спросите: что они значили въ своемъ отечествѣ? Одинъ скажетъ вамъ о себѣ, что *жилъ долго въ Фернеѣ*, и что *Вольтеръ*, у котораго онъ былъ хранителемъ таинъ, *скончался въ его объятіяхъ*; другой — что *по его совѣту Лагарпъ перемѣнилъ многія мѣста въ Лицеѣ*; третій — что *гоненія завистливыхъ дѣтей Аполлоновыхъ заставили его удалиться изъ Франціи*; — и такъ далѣе. У такихъ людей чему не льзя научиться? вся бѣда только въ томъ состоитъ, что для полезнаго наставленія надобны полезныя книги; а что не всѣ учебныя книги Фран-

цузскія годятся для Русскихъ, доказываетъ (*) *Полный курсъ Космографіи, Географіи, Хронологіи, и Исторіи древней и новой.* Хотя книга сія весьма благосклонно принята во многихъ домахъ Московскихъ жителей, хотя недавно въ Парижѣ напечатана вторымъ изданіемъ, хотя надъ сочиненіемъ ея трудился Г. Мантель, Членъ Національнаго Института; однако жь все сіе не мѣшаетъ ей быть одною изъ такихъ, которыя безславятъ Автора, обнаруживаютъ невѣжество наставника, и вредятъ юношеству. Укажу на нѣкоторыя мѣста, относящіяся до Россійской Исторіи.

Vol. II. pag. 162. „Въ сіи отдаленныя „времена (прежде Рюрика) и долго потомъ Европейскую Россію иначе не называли, какъ Московіею"

Москва; по имени которой называлось сперва удѣльное, потомъ великое Княжество, тогда еще не была построена.

Pag. 165. „Рюрикъ принесъ съ собою Христіанскую Религію!!"

(*) Cours complet de Cosmographie, de Géographie, de Chronologie, et d'Histoire ancienne et moderne par Edme Mentèlle, Membre de l'Institut National. Seconde edition. Paris. Chez. Bernard. An. XII — 1804.

Каковъ Членъ Національнаго Института, Г. Мантель!

Pag. 183. „Нынѣ Духовенствомъ управляетъ Патріархъ!!“

Jbid. Сіе Государство въ старину было раздѣлено между многими владѣтелями; отъ того потомки древнихъ Князей (Knez), *Бояръ* и *Воеводъ нынѣ имѣютъ титло Князей* (Princes)!!“

Jbid. „Надобно быть чиновнымъ, чтобъ имѣть право ѣздить во Дворецъ *и сидѣть на приличномъ мѣстѣ въ театральной ложѣ*: иногда женщинамъ *давали военные чины*!!“

Pag. 184. „Смертная казнь опредѣляется только измѣнникамъ государственнымъ; у воровъ пятнаютъ лобъ и щеки; но то менѣе благоразумно и человѣколюбиво, что за мнимыя вины, которыя часто суть только *поводъ къ придиркѣ*, бьютъ кнутомъ *по суду самопроизвольному*, и наказанныхъ отсылаютъ мучиться въ Сибирскія пустыни.“

Довольно! Повторяемъ: все это дѣйствительно написано въ учебной книгѣ, которая употребляется домашними, такъ называемыми учителями, и къ которой не воз-

можно не имѣть довѣрія, потому что сочинилъ ее Французъ, Членъ Національнаго Института!

Самъ Г. Мантель жалуется, что воспитаніе у насъ находится въ небреженіи; упомянувъ о мѣрахъ, принятыхъ Правительствомъ для поправленія сего недостатка, онъ надѣется, что впредь будетъ лучше. Дай Богъ!

Представляю себѣ положеніе молодаго человѣка, которой, окончивъ курсъ *Французскаго* своего ученія, и бывъ увѣренъ въ несомнительности методы Г-на Мантеля, является въ кругу людей, получившихъ основательныя понятія о вещахъ и наукахъ! . . . Модное воспитаніе непрочно; оно рано или поздно выдетъ изъ употребленія, какъ модныя шляпы и пуговицы. Каково же потерять десять лучшихъ годовъ своей жизни, и остаться навсегда невѣждою, изъ угожденія модѣ.

Л . . . Ъ.

VI.

Біографическое извѣстіе о Г-нѣ Арно, недавно умершемъ въ Парижѣ.

Г. Арно, по связямъ своимъ со знаменитѣйшими людьми осмнадцатаго столѣтія и по сочиненіямъ, заслуживаетъ мѣсто въ лѣтописяхъ Литтературы.

Онъ родился въ Парижѣ 15 Сентября 1718 года; въ девять лѣтъ отъ роду сочинялъ стихи; учился у Іезуитовъ, и на пятьнадцатомъ году написалъ двѣ трагедіи: *Смерть Адмирала Колиньи*, и *Дидону*, которыхъ содержаніе взялъ, — первой изъ Генріады, второй изъ Энеиды. Вольтеръ принялъ его подъ свое покровительство, и оказывалъ ему особое уваженіе. Въ 1750 году играна была комедія Г-на Арно подъ названіемъ: *Дурной богачь*, на одномъ изъ домашнихъ театровъ, гдѣ Лекень, золотыхъ дѣлъ масперъ, представлялъ главное лице. Тутъ въ первой разъ Вольтеръ увидѣвъ Лекеня, на другой день пригласилъ къ себѣ. Извѣстно, какія слѣдствія для Лекеня имѣло сіе знакомство. Арно, *Посланіемъ къ Манонѣ*, привлекъ на себя вниманіе Фридриха Великаго, которой призвалъ Автора въ Берлинъ, и принялъ его весьма благосклонно. Монархъ назвалъ Г-на Арно

своимъ Овидїемъ, и сочинилъ для него слѣдующїе стихи:

Déjà l'Apollon de la France
S'achemine à ſa décadance,
Venez brûler à votre tour,
Elevez vous s'il baiſſe encore:
Ainſi le couchant d'un beau jour
Promet une plus belle aurore (*)

Вольтеръ жестоко разсердился на Арно, и съ тѣхъ поръ началъ поносить его въ своей перепискѣ. Изъ того заключаютъ, что все написанное Вольтеромъ на счетъ Арно есть слѣдствїе мести.

По возвращенїи во Францїю Г. Арно жилъ въ кругу лучшихъ обществъ, но скоро оставилъ ихъ, и посвятилъ всего себя упражненїю въ Литтературѣ. Отъ него осталось нѣсколько Театральныхъ сочиненїй, изъ которыхъ удачнѣе всѣхъ Драма: *Графъ Коменжъ*. Онъ писалъ стихотворенїя во всѣхъ родахъ; но его *Опыты чувства* и *Отдыхи чувствительнаго человѣка*, гдѣ живыми красками изображено сердце Автора, приняты публикою съ отличнымъ благово-

(*) Уже Французскїй Аполлонъ склоняется къ западу; сїяй въ чреду свою и возвышайся, между тѣмъ какъ онъ станетъ опускаться. Послѣ прекраснаго вечера наступаетъ прекраснѣйшее утро.

ленїемъ. Вообще сочиненїя Г-на Арно отличаются полнотою, исправностїю, жаромъ и чрезвычайною легкостїю; сїя-то легкость побуждала его писать Философическїе романы. Удивляясь чистотѣ его слога, нельзя не пожалѣть, что онъ не постарался написать чего-нибудь драгоцѣннаго для Словесности всѣхъ вѣковъ; а особливо читая послѣднїя его произведенїя, невольнымъ образомъ вздыхаете и говорите: „Прискорбно и досадно, что многїе писатели по необходимости принуждены работать до конца своей жизни!“ Арно, имѣя отъ роду восемдесять лѣтъ, издалъ книгу въ трехъ томахъ, подъ названїемъ: *Человѣкъ, какимъ онъ долженъ быть*; Авторъ тогда изнемогалъ подъ тяжкимъ игомъ бѣдности.

Г. Арно, всегда будучи постояненъ во мнѣнїяхъ, содѣлался жертвою своей чувствительности. Въ правленїе Робеспьерово онъ былъ осужденъ на шестимѣсячное тюремное заключенїе за то, что далъ убѣжище одному прїятелю своему, бывшему въ крайней опасности. Расточительность, или лучше небережливость, которою упрекали Г-на Арно, происходила отъ его излишней довѣренности къ людямъ. Къ чести его можно прибавить, что онъ никогда не бралъ участїя въ ссорахъ между Учеными и Литтераторами. Жанъ Жакъ Руссо сказалъ:

Большая часть нашихъ Авторовъ пишетъ съ помощїю головы и рукъ; Арно пишетъ съ помощїю своего сердца."

Революцїя лишила Г-на Арно всего, что приобрѣтено было неусыпными трудами. Освободясь изъ тюрьмы, и не имѣя средствъ къ пропитанїю, кромѣ ничего незначущаго пансїона, Арно принялся сочинять романы, и долженъ былъ таить отъ книгопродавцевъ число лѣтъ своихъ, боясь, чтобы они не сочли его за старостїю неспособнымъ писать книги сего рода. Онъ умеръ въ Парижѣ Ноября 8 дня 1805 года.

(*Изъ Франц. Журн.*)

VII.

КРИТИКА.

Утренняя Заря. Труды Воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансїона. Книжка III. Москва, 1805.

Въ сей третьей Книжкѣ сохраненъ такой же выборъ, какъ и въ двухъ первыхъ; ее наполняютъ сорокъ четыре пїесы, стихами и прозою написанныя, доказывающїя, что Господа Воспитанники успѣваютъ въ

Словесности и Наукахъ, къ истинному удовольствію всѣхъ тѣхъ, которые принимаютъ въ нихъ участіе. Тотъ ошибется, кто по заглавію: *Труды Воспитанниковъ Пансіона*, подумаетъ, что *Утренняя Заря* есть не что иное, какъ собраніе обыкновенныхъ школьныхъ упражненій, напечатанныхъ единственно для того, чтобы *порадовать* отцовъ и матерей. Нѣтъ, здѣсь всякой читатель, — которой знаетъ, въ чемъ состоитъ достоинство книги, — найдетъ для себя пріятное занятіе, многому научится, многое приведетъ себѣ на память.

Ссылаемся на примѣры:

Стр. 59. „Растенія, подобно людямъ, переходятъ изъ одной страны въ другую.

Каждое растеніе гдѣ-нибудь должно расти само собою. Многія изъ нихъ могли бы расти и въ другихъ странахъ, гдѣ такой же кряжъ земли, и гдѣ климатъ также сроденъ имъ, какъ и въ природной странѣ; но они сами собою перейти туда не могутъ; надобно, чтобы какой-нибудь случай, или человѣческія руки туда перенесли ихъ.

„Виноградъ съ самаго начала міра могъ бы расти во Франціи и Германіи, однако жь только за 2300 лѣтъ перенесенъ первой

кустъ винограда изъ малой Азїи въ Марсель, а оттуда черезъ нѣсколько времени и на Рейнъ.

„За 380 лѣтъ Мадера пердставляла сдинъ густой только лѣсъ; Португальцы зажгли его, и на пепелищѣ насадили виноградъ изъ Кандїи. — Съ этихъ поръ Мадера снабжаетъ насъ мадерою; а еще позже пересаженъ виноградъ на берега Волги.

„Было время, *что* въ Германїи не *было* ни одного виноградного куста; было время, *что* не знали тамъ ни ржи, ни пшеницы, ни сливъ, ни спаржи, ни картофеля. Всѣ эти растенїя перенесены изъ Азїи и Америки. — Что произрастало тамъ прежде? — Трава, земляника, лѣсныя яблоки, и дикїя деревья. — Турецкое пшено и сахаръ росли прежде въ одной Ост - Индїи; оттуда перенесли ихъ въ Египетъ, изъ Египта въ Гишпанїю и Италїю; а теперь растетъ Турецкое пшено болѣе всего въ Каролинѣ, а сахаръ на Антильскихъ островахъ въ Америкѣ. Апельсины растутъ теперь цѣлыми лѣсами въ Португалїи и Гишпанїи; но прежде, за 200 лѣтъ, не было ни одного апельсиннаго дерева во всей Европѣ. Чай росъ только въ одномъ Китаѣ, а теперь растетъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Европы. — Можетъ быть мы доживемъ до того, что цѣлые чайные лѣса

будутъ расти на счастливыхъ берегахъ Волги."

Все ясно и хорошо! Статья, изъ которой взятъ приведенной выше отрывокъ, называется *Измѣненія земли*, и почерпнута изъ *Шлецерова введенія во всеобщую Исторію*. Г. Переводчикъ поставилъ только двѣ начальныя литеры своего имени: А. Т.

Выписываемъ двѣ первыя строфы изъ стиховъ на кончину Петра Дмитріевича Ерапкина. Авторъ ихъ есть Г. Грамматинъ, которой болѣе другихъ споспѣшествовалъ наполненію *Утренней Зари* піесами стихотворными и прозаическими.

Пусть смерть завистлива скрываетъ
Мужей великихъ въ тмѣ гробницъ,
И тамъ ихъ слава озаряетъ! —
Въ вѣкахъ для славы нѣтъ границъ:
Кончина дней — наградъ начало,
Благословенный утра часъ! —
Хотя *Ерапкина* нестало;
Онъ живъ для славы и для насъ.

*

Доброты духа возвышенны
Не покоряются вѣкамъ!
Пожарскихъ имена священны
Всегда отечества сынамъ!

Пусть грозный старецъ сокрушаетъ
Ихъ обелиски въ поздны дни:
Могилы Кодровъ превращаетъ
Въ святые доблесть олтари.

Послѣднїе два стиха останавливаютъ. Вотъ естественной порядокъ словъ: доблесть превращаетъ могилы Кодровъ въ святые олтари.

Выпишемъ еще что-нибудь изъ статьи *О вкусѣ*, переведенной Г-мъ *Соковниныемъ*.

Стран. 262. „Иногда одинъ человѣкъ знатнаго произхожденїя и великихъ способностей, прїобрѣтшїй общую довѣренность, можетъ ввести въ обыкновенїе дурной вкусъ и изпорченной слогъ. Всякому хочется по какому-то честолюбїю отличаться отъ множества Ораторовъ и Сочинителей своего времени, проложить новой путь, и быть лучше главою многихъ своихъ послѣдователей, нежели послѣдователемъ древнихъ Учителей. Всѣ предпочитаютъ славу пылкаго ума славѣ ума основательнаго, блестящее справедливому, чудесное истинному и натуральному. Всѣ любятъ говорить больше воображенїю, нежели разсудку, любятъ ослѣплять умъ, а не убѣждать его; а между тѣмъ какъ сей человѣкъ какимъ-то чудеснымъ образомъ привлекаетъ на себя

удивленіе и похвалы мѣлкихъ умовъ, составляющихъ самую большую часть, другіе Писатели, обольщенные пріятными новостями и надеждою получить такой же успѣхъ, нечувствительно предаются сему влеченію и увеличиваютъ число обвороженныхъ. Такимъ-то образомъ новой вкусъ заступаетъ мѣсто стараго, гораздо лучшаго вкуса; скоро превращается онъ въ законъ, и всѣ ему повинуются."

Входить въ подробное разсмотрѣніе приведенныхъ образцовъ и вообще всей книги, значило бы — дѣлать привязки. Довольно сказать, что дѣтскіе труды не уступаютъ въ достоинствѣ упражненіямъ многихъ людей *взрослыхъ и опытныхъ.*

Извѣстно, что кромѣ Утренней Зари Г-да Воспитанники издали еще собраніе трудовъ своихъ подъ титуломъ: *И отдыхъ въ пользу*, гдѣ также помѣщены піесы, дѣлающія честь прилѣжанію и успѣхамъ молодыхъ Авторовъ.

VIII.

Смѣсь.

Въ Парижѣ вышли въ свѣтъ слѣдующія книги, заслуживающія вниманіе читателей:

Oeuvres Choisies de Pelisson, *Избранныя сочиненія Пелиссоновы.* Авторъ жилъ при Лудовикѣ XIV, и сперва сдѣлался извѣстнымъ по своей *Исторіи Французской Академіи.* Его *Записки для Государственнаго Казначея Г-на Фуке* еще и теперь почитаются превосходнѣйшимъ памятникомъ судебнаго краснорѣчія; Вольтеръ сравниваетъ ихъ съ рѣчами Цицерона; Лагарпъ также превозноситъ ихъ похвалами. Пелиссонъ былъ столь безобразенъ, что Г-жа Скюдери часто говаривала о немъ, будто онъ *употребилъ во зло данную мущинамъ свободу быть дурными.* Г-жа Севинье, защищая Пелиссона, говаривала: надобно наружность его выворотить внутрь, чтобъ увидѣть прекрасную душу. Онъ былъ весьма благочестивъ передъ концемъ своей жизни, и пользовался уваженіемъ Боссюэта и Фенелона. Ганклонъ, по смерти Пелиссона, заступилъ въ Академіи его мѣсто.

Oeuvres inédites de Msr. Le Président Hénault, I Vol. *Сочиненія Г-на Президента Гено, которыя до сихъ поръ никогда не были изданы*, также достойны примѣчанія. Президентъ Гено довольно извѣстенъ своимъ *Хронологическимъ сокращеніемъ Французской Исторіи*; но можетъ быть не многіе знаютъ, что его называли Анакреономъ своего вѣка — по крайней мѣрѣ Вольтеръ даетъ ему сіе

титло. *Сочиненія*, о которыхъ здѣсь говорится, содержатъ въ себѣ: Извѣстіе о жизни Г-на Гено, — Трагедію: Марій и Цирта, имѣющую множество сильныхъ мѣстъ, — мѣлкія стихотворенія, — нѣсколько писемъ къ Дюшессѣ дю Менъ и проч. Посланіе отъ Психеи къ Амуру заключаетъ книгу.

(*Изъ Фран. Журн.*)

*

Монитёръ возвѣстилъ о новомъ, достойномъ примѣчанія, хотя по содержанію своему и неважномъ, феноменѣ Литтературы, а именно, о вышедшихъ въ свѣтъ *Сочиненіяхъ Лудовика XIV*. Онѣ состоятъ изъ трехъ толстыхъ Частей въ осмую долю листа, и содержатъ въ себѣ: Политическія и военныя записки Лудовика (но точно ли Лудовикъ писалъ ихъ?) — наставленія, данныя имъ сыну, — памятныя замѣчанія и частныя письма, — его переводы и стихотворенія, — собраніе любопытныхъ и мало извѣстныхъ актовъ, — наконецъ извѣстіе о его домашней жизни и правленіи; къ тому прибавлены тиснутые на мѣдной доскѣ образцы его почерка и другихъ знаменитѣйшихъ особъ тогдашняго времени. Вѣроятно постараются строго разсмотрѣть, нѣтъ ли обмана въ сихъ сочиненіяхъ; за нѣсколько времени передъ симъ было упоминаемо, что книга сія существуетъ, однакожь не многіе

вѣрили ея подлинности. ЛудовикЪ XIV АвторЪ! — странное дѣло!

(*Изъ Нѣм. Журн.*)

❖

Мы не удивляемся уже, читая вЪ Вѣдомостяхъ многообѣщающія объявленія какого-нибудь благодѣтельнаго искусника, — каковЪ, напримѣрЪ, тотЪ, которой предлагалЪ вЪ полчаса выучить рисовать. Теперь дошла очередь до ФранцузовЪ; пора и имЪ насладиться плодами полезныхЪ своихЪ изобрѣтеній. Г. БонетЪ, ПрофессорЪ Пажескаго Корпуса вЪ Парижѣ, объявляетЪ, что онЪ, *давЪ только двенадцать уроковЪ*, выучитЪ хорошо говорить и совершенно писать по Нѣмецки!! ЭтотЪ же Г. БонетЪ еще учитЪ языкамЪ: Французскому, Англійскому и *Русскому*; надобно думать, что онЪ былЪ у насЪ вЪ Россіи.

❖

За нѣсколько времени передЪ симЪ писано было вЪ ЖурналахЪ, что ГриффитсЪ, Лондонскій рѣщикЪ печатей, дѣлалЪ изЪ хрусталя печати цилиндрическія семисторонныя, сЪ надписями, показывающими дни недѣли. НаписавЪ записку и написувЪ сею печатью, вы не имѣете нужды ставить числа, потому что на печати день означенЪ; богатые Англичане считаютЪ за великой трудЪ двинуть рукою лишній разЪ, а

особливо когда есть средство обойтись безъ этого. Гриффитсъ нашелъ свою выдумку полезною, и привелъ ее въ большее совершенство. Вмѣсто семисторонней печати, онъ дѣлаетъ семь печатей сердоликовыхъ въ золотомъ кольцѣ, и на нихъ вырѣзываетъ дни седмичные. Сіи маленькія печати имѣютъ ту выгоду, что ихъ удобнѣе можно держать въ рукѣ, нежели прежніе цилиндры семибоковые; сверхъ того онѣ менѣе занимаютъ мѣста, нежели обыкновенныя большія печати. Тотъ же ремесленникъ дѣлаетъ изъ хрусталя печати, въ золотѣ оправленныя, величины необыкновенной; въ нихъ хранятся волосы и другія *сувениры* любезныхъ особъ.

(*Изъ Англ. Смѣси.*)

ПОЛИТИКА.

I.

Вильямъ Питтъ.

(*Окончаніе.*)

Когда настала эпоха Французской революціи, эпоха новая въ исторіи взаимныхъ отношеній между Государствами Европы, — Питтъ прилѣжно наблюдалъ ходъ ея и успѣхи, не торопился принять рѣшительныя мѣры, и старался удалить грозящую войну, которая могла бы поколебать благоденствіе народное, едва разцвѣтшее подъ благодатнымъ вліяніемъ мира и промышленности. Всѣ мудрые планы, заблаговременно начертанные Питтомъ, остались бы тщетными, если бъ при исполненіи ихъ недостало въ немъ благоразумія, твердости, необыкновенной проницательности. Надлежало постигнуть духомъ пророческимъ все зло, которое скрывала въ себѣ пагубная революція, не смотря на прекрасную наружность ея; надлежало отвратить почтеннѣйшихъ особъ отъ стороны аристократической, которая противу его вооружалась, — отвратить ихъ отъ союза, въ которой они вмѣшались почти нечувствительно, — при-

влечь ихъ на сторону Конституціи и престола! надлежало охладить изступленіе Якобинцовъ и успокоить партію Роялистовъ, которая пылала мщеніемъ! надлежало укротить буйные умы; которые готовы были начать войну междоусобную! надлежало низвергнуть внутри Государства стоглавную гидру Якобинизма, и въ тоже время противупоставить силу такому непріятелю, которой торжествовалъ внѣ отечества! Сколь разительны тогда долженствовали быть громы его вѣщаній въ Парламентѣ! сколь велики труды въ Совѣтѣ! сколь неусыпны попеченія объ удержаніи при себѣ народной довѣренности! сколь дѣятельны усилія удовлетворять всѣ требованія нашихъ союзниковъ, требованія, какихъ въ другое время они не предложили бы безъ нарушенія законовъ справедливости! Разсмотрѣвъ, что долженъ былъ сдѣлать сей великій мужъ, и что онъ долженъ былъ вытерпѣть, не льзя не изумиться, какъ одинъ человѣкъ могъ нести такое тяжкое иго! Покрайней мѣрѣ его попеченія увѣнчаны вожделѣннымъ успѣхомъ. Онъ видѣлъ, что Британская морская сила господствовала надъ морями съ большею властію, нежели когда-нибудь прежде; видѣлъ, какъ войска его отечества безъ помощи союзниковъ побѣждали непріятеля, гдѣ только съ нимъ ни встрѣчались. Онъ умѣлъ соединить выгоды торговли съ

выгодами художествъ, и сдѣлать ихъ надежною подпорою войны — чего прежде никогда не бывало. Онъ утвердилъ могущество Государства, соединивъ Ирландїю съ Великобританїею; одинъ только Питтъ отважился предложить о семъ, хотя исторїя обоихъ Королевствъ и представляетъ подобные примѣры. Онъ далъ способы Англїи побѣждать Францїю во всѣхъ частяхъ земнаго шара, между тѣмъ какъ Францїя побѣждала всѣхъ своихъ непрїятелей. Долгъ чести заставилъ его удалиться изъ Государственнаго Совѣта. Въ сїе время заключенъ миръ съ революцїонною Францїею, миръ, которой навсегда отдѣлилъ насъ отъ твердой земли, и оставилъ Англїю одну почти противъ всей Европы, изнемогающей подъ игомъ Похитителя чужаго престола. Питтъ съ горестїю взиралъ на произшествїя, но не хотѣлъ своими прекословїями мѣшать совѣтамъ, которые Государь его призналъ полезными. Предвидя новую войну неизбѣжною, онъ почелъ бездѣйствїе свое противнымъ должности. Лишь только Питтъ принялъ бразды правленїя, Державы твердой земли воспрянули отъ сна порабощенїя, и рѣшились сбросить съ себя оковы. Коалицїя, составленная противъ Бонапарте, казалась невозможною до тѣхъ поръ, пока не сдѣлалась всѣмъ извѣстною. Положимъ, что успѣхи на первой случай не соотвѣтствовали нашей надеждѣ;

однакожь не должно совершенно отчаяваться, пока не оставлены будутъ правила и цѣль, которыя служили основанїемъ коалицїи. Какъ бы то ни было, мы видимъ, что Корона, дворянство и народъ нынѣ тѣснѣе соединены между собою, нежели были прежде, начиная отъ занятїя Англїйскаго престола Ганноверскимъ Домомъ. Чѣмъ внимательнѣе разсматриваемъ заслуги, оказанныя Питтомъ отечеству, тѣмъ болѣе удостовѣряемся, что *въ важнѣйшїя эпохи нашей исторїи онъ былъ четыре раза спасителемъ Монархїи и Конституцїи.*

Питтъ безкорыстїемъ своимъ не уступалъ никому изъ Министровъ, никому изъ людей Государственныхъ, о которыхъ Исторїя упоминаетъ съ похвалою. Если по наружности Питтъ казался гордымъ для тѣхъ, которые видѣли его внѣ дома, — это произходило отъ увѣренности въ своемъ достоинствѣ, и отъ того, что онъ всегда занятъ былъ такими мыслями, которыя не дозволяли ему обращать вниманїе свое на посторонннїе предметы. Человѣкъ, превосходящїй другихъ своимъ умомъ и своимъ званїемъ, по необходимости *кажется* гордымъ для тѣхъ, которые въ подобныхъ обстоятельствахъ *дѣйствительно были бы* надуты гордынею. Увѣряютъ, что Питтъ любилъ простоту и веселость въ обхожденїи съ

людьми въ часы свободные. Онъ также находилъ удовольствіе въ пріятельскихъ разговорахъ и бесѣдахъ; но для нихъ никогда не забывалъ о своей должности. Низкія чувства личности были совершенно ему чужды. Доходы отъ мѣстъ своихъ онъ издерживалъ на приличное себя содержаніе, и подобно невинному младенцу, не заботился о запасѣ для будущаго времени. Онъ былъ честолюбивъ; но какое честолюбіе управляло его поступками? то, которое должно одушевлять благородно мыслящаго человѣка, — то, которое воспламеняетъ желаніе превзойти всѣхъ усердіемъ ко благу своего отечества, цѣлой Европы, всего человѣческаго рода, — то, которое возбуждаетъ стремленіе сдѣлаться первымъ Министромъ, первымъ Ораторомъ, первымъ Патріотомъ. Питтъ завидовалъ славѣ своего родителя, завидовалъ для того, чтобы сравниться съ нимъ великими подвигами. Дружба нѣжная и вѣрная была идоломъ его сердца. Ни что столько не огорчило его, какъ гоненіе на Лорда Мельвиля, которой долгое время раздѣлялъ съ нимъ труды. Многіе люди охотно признаются, чѣмъ они обязаны его великодушной дружбѣ. Сердце его ревностно желало счастія всѣмъ людямъ, и не завидовало блестящимъ талантамъ . . . . и кому онъ могъ завидовать? кому могъ завидовать тотъ, кто жилъ только для

отечества? Его здоровье разстроилось отъ чрезвычайныхъ трудовъ и безпрестанныхъ попеченій о благоденствіи согражданъ.

За семь или восемь недѣль передъ смертью онъ былъ совершенно здоровъ; наружность его не показывала никакой слабости. Медики посовѣтовали ему отправиться въ Батъ; но болѣзнь не облегчилась. Рѣшась возвратиться въ Лондонъ къ открытію засѣданій въ Парламентѣ, онъ почувствовалъ крайнее изнеможеніе, и поѣхалъ въ Путней, свое помѣстье. Тамъ желудокъ его пересталъ варить пищу; горячка лишила его послѣднихъ силъ. Питтъ умеръ съ бодростію и спокойствіемъ, которыя во все продолженіе жизни были главными чертами его характера.

(*Изъ Лонд. Вѣд.*)

II.

О новомъ Королевствѣ Баварскомъ, въ отношеніи къ политическому равновѣсію Европы.

Равновѣсіе Европы было любимою темою многихъ Писателей; не смотря на то, изъ новѣйшей Исторіи видно, что Кабинеты не приняли мнѣній сихъ Политиковъ.

Здѣсь рѣчь идетъ не объ раздѣлѣ Польши, котораго политическія невыгоды, можетъ быть, равны выгодамъ, — но о слѣдствіяхъ Люневильскаго мира. Сей трактатъ, столь много выхваляемый съ одной стороны, поколебалъ основаніе равновѣсія; ибо гдѣ есть перевѣсъ, тамъ не можетъ быть равновѣсіе. Съ тѣхъ поръ, какъ Рейнъ — къ стыду Германіи — назначенъ границею, Повелитель Франціи, когда захочетъ, можетъ напасть на любое Государство Нѣмецкое, и занять его своимъ войскомъ! — Ни воображаемая сила, ни величіе какого-нибудь Государства Нѣмецкаго не защитятъ его отъ несчастія. Яснымъ тому доказательствомъ служитъ примѣръ Австріи, которая совсѣмъ не хотѣла начинать войны, оконченной столь плачевнымъ образомъ, и которой слѣдствія не должно приписывать несомнительной храбрости Австрійскаго войска. Но — что было, то прошло! Между тѣмъ частному человѣку простительно думать, что окончаніе послѣдовало бы совсѣмъ другое, еслибъ неутралитетъ Франконскихъ Княжествъ не былъ нарушенъ столь страннымъ образомъ, — неутралитетъ, впрочемъ не такъ важной, какъ нѣкоторые полагаютъ; ибо Высокій Учредитель онаго не почелъ нужнымъ послать для защиты его ни 25,000 человѣкъ войска.

Статьи Пресбургскаго мирнаго трактата намъ еще не столько извѣстны (*), чтобы можно было входить въ подробное оныхъ изслѣдованїе. Но мы уже видимъ возникающїя два или три Королевства — явленїе печальное для человѣчества! Никакая порфира не закроетъ полей, опустошенныхъ войною въ Швабїи и Баварїи. Горе бѣднымъ, разореннымъ подданнымъ, которые за возвышенїе своего Государя должны платить двойные налоги!

Изъ числа новыхъ Королевствъ, Виртембергское и Баденское (предположивъ, что сїе Курфиршество также получитъ высшую степень) на политической вѣсъ Европы столь же малое влїянїе имѣть будутъ, какъ и недавно сотворенное Королевство Этрурское. Одна Баварїя новыми своими предѣлами приобрѣтаетъ въ политической системѣ важность, достойную того, чтобы Кабинеты обратили на нее внимательное око. Хотя Баварїя сама по себѣ есть третьяго класса Держава, и едва ли можетъ быть опасною для сосѣдовъ, однакожь она представится совсѣмъ въ другомъ видѣ, если разсмотримъ ее какъ союзницу Прус-

(*) Это писано въ половинѣ Января мѣсяца, когда статьи Пресбургскаго трактата еще были не обнародованы.

сіи, Австріи и Франціи — Державъ, отъ которыхъ зависитъ судьба Германіи.

Баварія, соединясь съ Пруссіею, не можетъ ни чѣмъ помочь ей въ случаѣ войны съ Россіею, — равно какъ Саксонія, Ганноверъ и Гессенъ. Но въ войнѣ противъ Австріи она будетъ весьма полезною для Пруссіи, потому что откроетъ входъ во внутренность Австріи, и обнажитъ самыя слабыя мѣста сей Монархіи. Война Пруссіи съ Австріею, слава Богу, кажется совсѣмъ теперь невѣроятною; каждой Нѣмецъ долженъ почитать невозможною войну между братьями. Притомъ же нѣтъ сомнѣнія, что изнемогшая Австрія нынѣ болѣе нежели когда-нибудь склонна къ миролюбію, и что Пруссія постарается умѣрить прежнюю свою завистливость, видя, что ей самой грозятъ опасности. — Напротивъ того Пруссія, воюя съ Франціею, не можетъ ожидать дѣятельной помощи отъ Баваріи. Мы покажемъ причины нашего мнѣнія.

Баварія для Австріи, въ войнѣ противъ Франціи и Пруссіи, можетъ быть весьма выгодною союзницею, закрывая слабѣйшую сторону ея. Но въ войнѣ противъ Россіи Австрія не должна ожидать для себя никакой помощи отъ Баваріи.

Прежде нежели пойдемъ далѣе, надлежитъ рѣшить вопросъ: *Можетъ ли Баварія, какъ независимое Государство, по своему произволу вступать въ союзы съ Державами?* Мы съ прискорбіемъ находимъ себя принужденными отвѣчать отрицательно, хотя и желали бы сказать: *можетъ*! Взглянемъ на карту и разсудимъ, что Баварія приобрѣтеніемъ Нѣмецкаго Тироля нынѣ сдѣлалась сосѣдственною Державою часъ отъ часу усиливающемуся Королевству Италіи, такъ точно какъ прежде она была смежною съ Австріею и Пруссіею. Положимъ, что, поссорясь съ Пруссіею, она можетъ надѣяться на союзъ Австріи, также противъ Австріи защититъ себя союзомъ съ Пруссіею; ибо и Австрія и Пруссія, будучи каждая почти равно сильною Державою, получатъ перевѣсъ, соединясь съ Баваріею. Но противъ Италіи, а особливо если она — въ чемъ нѣтъ никакого сомнѣнія — останется въ связи съ могущественною Франціею, Баварія не можетъ обезпечить себя союзомъ ни съ Пруссіею, ни съ Австріею. Когда Тироль и передняя Австрія находились во власти Римскаго Императора, тогда Баварія имѣла въ немъ сильнаго защитника, равно какъ сѣверныя Княжества Баварскія ничего не боялись подъ покровомъ Короля Прусскаго. Но теперь если Франція отправитъ 40,000 человѣкъ войска изъ Страсбурга прямо къ Ульму, и 25,000 пошлетъ черезъ Ровередо,

Боценъ и Бриксенъ: тогда новосотворенное Королевство неминуемо сдѣлается добычею непріятеля. Въ семъ случаѣ не помогъ бы Баваріи союзъ съ Австріею, и послужилъ бы только къ тому, что Французско-Италіянскія войска вторглись бы въ большемъ количествѣ въ ея предѣлы. — Если къ симъ разсужденіямъ прибавить еще, что бракосочетаніе Эвгенія Богарне съ Баварскою Принцессою удобно подастъ поводъ къ соединенію коронъ Баварской и Италіянской на одной главѣ, то вопросъ: „можетъ ли Баварія, хотя бы и хотѣла, имѣть выгоды, противныя выгодамъ Франціи и Италіи?“ — рѣшенъ.

Сильное Французско-Италіянское Государство не имѣетъ нужды въ союзѣ съ Баваріею для собственной безопасности, которую сохранить можетъ безъ помощи посторонней. Однакожь Баварія важна для него, на случай войны наступательной противъ Австріи и Пруссіи. Главная военная дорога черезъ Браунау и Линцъ въ Вѣну защищена весьма слабо; другія дороги, ведущія къ сердцу Австріи черезъ Поннебу, Филлахъ и Клагенфуртъ, также сдѣлались открытыми уступкою Тироля и Венеціи. Поспѣшное заключеніе мира доказываетъ, сколь охотно Австрія отрекается даже отъ надежды когда-либо обратно получить потерянныя области,

отрекается для того, чтобы скорѣе возвратить себѣ изтощенную столицу.

И такъ союзъ Баварїи съ Францїею опасенъ для Австрїи; но для Пруссїи — еще опаснѣе. Мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ, которые не хотятъ вѣрить возможности войны между Францїею и Пруссїею; когда Французы были въ сѣверной Германїи, нашемъ отечествѣ, мы имѣли случай замѣтить, что дружба между обѣими Державами со стороны Францїи была слѣдствїемъ своекорыстїя. Будучи несвѣдущи въ дипломатикѣ, не можемъ рѣшить, благороднѣйшїя ли причины управляли поведенїемъ Пруссїи. Почему знать, не захочетъ ли Наполеонъ Бонапарте, побуждаемый алчбою славы и корысти, которую показываетъ при всякомъ случаѣ, не захочетъ ли повелѣть *неколебѣдимымъ* воинамъ своимъ подраться съ Прусаками? Въ такомъ — впрочемъ весьма возможномъ — случаѣ, Италїянская армїя изъ 150,000 человѣкъ состоящая, пойдетъ черезъ Тироль, Баварїю, Регенсбургъ, Нирнбергъ, Байрейтъ и Гофъ въ Саксонїю; другая столь же многочисленная Французская армїя отправится изъ Нимвегена, Кельна и Майнца черезъ Вестфалїю и Гессенъ къ Магдебургу, — и обѣ съ разныхъ сторонъ потянутся къ Берлину. Одно или два выигранныя главныя сраженїя не спасутъ Пруссїи: ибо Француз-

ско-Италїянское войско потеряетъ только солдатъ; получивъ подкрѣпленїе, оно пойдетъ далѣе: напротивъ того Пруссїя, кромѣ потери въ людяхъ, принуждена еще будетъ разорять своихъ подданныхъ и союзниковъ, чтобы достать денегъ на военныя издержки. Весьма неосновательно правило мнимыхъ филантроповъ, которые утверждаютъ, что до тѣхъ поръ не надобно начинать войны, пока отечество не будетъ въ опасности. Конечно, только за отечество должно вести войну; однакожь не надлежитъ дожидаться опасности, не надлежитъ воевать на землѣ отечественной: новое военное искуство учитъ, что та Держава непремѣнно потерпитъ ущербъ, на чьей землѣ война продолжается. Несчастный Ганноверъ можетъ служить примѣромъ, что при наступившей опасности уже поздно спасать отечество. Положимъ, что Пруссїи удастся защитить Берлинъ отъ непрїятельскаго нашествїя; но никакъ не льзя надѣяться, чтобы земли, лежащїя на западной сторонѣ Эльбы, не достались Французамъ.

„Въ чемъ Пруссїя найдетъ себѣ защиту противъ нападенїя, которое, по разсчетамъ здравой политики, всегда должно почитать возможнымъ?“

Въ чемъ иномъ, какъ не въ союзѣ соединенныхъ противъ Францїи Государей, Вели-

кодушнаго ИМПЕРАТОРА Всероссійскаго, несчастнаго Римскаго Императора и Короля Шведскаго. Что соединенными силами трудно произвести въ дѣйство, того — и можетъ быть очень скоро, можетъ быть черезъ полгода — одной Пруссіи будетъ сдѣлать *никакъ невозможно*, сколь ни превозносятъ Прусскіе патріоты силу своего отечества.

Геній Фридриха Великаго безъ сомнѣнія нашелъ бы нить, ведущую во внутренность Лавиринѳа, и мы думаемъ, что Фридрихъ II — еслибъ онъ за три мѣсяца передъ симъ сидѣлъ на Прусскомъ престолѣ — не пропустилъ бы удобнаго случая занять оба Экс-Епископства Франконскія. Тогда успѣшнѣе пошли бы переговоры о заключеніи столь вожделѣннаго всеобщаго мира; Франція не могла бы имѣть права на то жаловаться, зная за собою примѣры незаконнаго присвоенія.

Слѣдующія слова стоятъ того, чтобы въ Берлинѣ и Вѣнѣ прилѣжно о нихъ разсудили:

„При нынѣшнемъ нарушеніи равновѣсія „въ Европѣ, судьба Пруссіи и судьба Австріи „сопряжены неразлучно между собою. Одна „Держава въ паденіи своемъ непремѣнно „повлечетъ за собою другую. Горе той, ко„торая обрушится прежде! но еще несчаст„нѣе та, которую послѣ всѣхъ другихъ по-

„стигнетъ судьба, грозящая Нѣмецкимъ „Государствамъ!“

(*Изъ Нѣм. Журн.*)

III.

Выписка изъ Лондонскихъ Вѣдомостей о новыхъ Министрахъ.

Нѣкоторые люди предвѣщаютъ, будто новые Министры не долго уживутся между собою. Мы не хотимъ вѣрить такому нелѣпому пророчеству, и думаемъ, что они, предусмотрѣвши всѣ случаи къ несогласію, постараются отвратить ихъ заблаговременно. Нѣтъ сомнѣнія, что они уже положили, какимъ образомъ надлежитъ дѣйствовать, относительно предметовъ, до сихъ поръ раздѣлявшихъ между собою ихъ мнѣнія. Мы увѣрены, что они единодушно совокупятъ силы свои для пользы Государства. Они знаютъ, что однимъ только согласіемъ могутъ сохранить довѣренность націи; знаютъ, какія пожертвованія сдѣланы ихъ Государемъ, и чего Онъ отъ нихъ надѣется. Власть ихъ, должности и выгоды опредѣлены столь ясно, что никакъ нельзя ожидать недоразумѣній, которыя могли бы подать поводъ къ спорамъ. Мы

не думаемъ, чтобы политическія несогласія заразили сердца ихъ ядомъ личной ненависти. Теперь сіи несогласія уже не существуютъ, слѣдственно и вражда изчезла.

Всѣ одобряютъ умѣренность Лорда Гренвиля. Ему поручено было отъ Короля сдѣлать новыя разпоряженія; не смотря на то, онъ не много мѣстъ роздалъ своимъ родственникамъ, друзьямъ, и людямъ, находящимся подъ его покровительствомъ; не показалъ желанія управлять Кабинетомъ по своему произволу. Его дарованія, — испытанныя въ званіи Оратора нижняго Парламента, въ должности Министра внѣшнихъ дѣлъ, и еще при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ — даютъ ему право на довѣренность согражданъ. Прямодушіе и честность отклоняютъ всякое подозрѣніе; его мнѣнія, вразсужденіи войны или мира съ Франціею, служатъ вѣрною порукою, что онъ никогда не согласится на договоръ съ Наполеономъ Бонапарте ко вреду своего отечества. Лордъ Гренвиль есть наслѣдникъ искусныхъ плановъ и намѣреній покойнаго Питта. Онъ теперь наслаждается свѣжестію возраста, здоровья и талантовъ: отечество еще долго можетъ пользоваться его услугами.

Кто не желалъ, чтобы опытный Фоксъ, мужъ, обладающій отличными даро-

ваніями, рано или поздно вступилъ въ Министерство? Умъ его и характеръ имѣютъ въ себѣ нѣчто особливое, весьма близкое къ духу и свойству Англійской націи. Будучи главою Оппозиціи съ 1784 года, онъ въ самомъ дѣлѣ представлялъ лицо втораго Министра. Сколько плановъ его одобрено Правительствомъ? сколько разъ онъ помогалъ обработывать планы Министровъ? съ какимъ постоянствомъ онъ рѣшился съ молодыхъ лѣтъ посвятить себя на службу по части законодательства? Въ каждомъ новомъ засѣданіи Парламента его краснорѣчіе не являлось ли болѣе сильнымъ, жаркимъ, возвышеннымъ, убѣдительнымъ, непреодолимымъ, нежели прежде? Не приобрѣлъ ли онъ въ Европѣ такой славы, что одно имя его можетъ быть страшнымъ оружіемъ противу враговъ отечества? Не должны ли мы отъ его ума ожидать пособій, какъ въ войнѣ, такъ и въ мирѣ, для поправленія нынѣшнихъ обстоятельствъ?

Спенсеръ, Грей, Виндамъ, Мойра и прочія особы, опредѣленныя къ должностямъ Государственнымъ, по всей справедливости заслуживаютъ довѣріе націи. Молодой Лордъ Генри Пенти напоминаетъ намъ первой блескъ дарованій незабвеннаго Питта. Кто удивлялся уму и краснорѣчію Шеридана, тотъ не можетъ не одобрять опредѣленія

сего почтеннаго мужа къ нынѣшнему его мѣсту. Ванситтартъ и Кингъ уже доказали прежнею службою, что они достойны отправлять порученныя имъ должности.

Сіи полезныя перемѣны должны увеличить внѣшнее могущество Бриттанскаго Правительства; онѣ уже родили пріятныя надежды внутри Государства, и заставили молчать ропотъ.

Что до насъ касается — мы искренно преданы Англійской Конституціи, нашему Государю, его Дому, и Государственнымъ особамъ, которыя уже прославились дарованіями своими и правотою. Уважаемъ и тѣхъ почтенныхъ людей, которые выходятъ изъ Министерства. Нашъ долгъ есть споспѣшествовать намѣреніямъ настоящаго Правительства. Какая нужда, кто ни управляетъ кормиломъ? будемъ пещись о сохраненіи корабля. Если бы знаменитые и великіе люди вздумали возставать противу Правительства, и раздѣлять мнѣнія народа отъ мнѣній власти исполнительной; мы признали бы нужнымъ не одобрять ихъ намѣреній, и всячески старались бы имъ противиться.

Король соизволилъ, для пользы народа, призвать на службу свою новыхъ Мини-

стровъ: намъ стыдно было бы не уважать выбора Его Величества.

Если справедливо, что добродѣтели и дарованія, оставшіяся въ Англіи по смерти Питта, утѣшаютъ народъ въ его потерѣ; то мы съ гордостію должны взирать на собраніе достойныхъ мужей, призванныхъ голосомъ общества, — на мужей, которымъ Монархъ ввѣрилъ исполнительную власть свою. Тому болѣе сорока лѣтъ, какъ Е. В. при началѣ своего царствованія постановилъ для себя закономъ соединить всѣ партіи, выслушивать патріотическія взыванія своего народа; привлекать къ себѣ тѣхъ, которые съ честію могутъ отправлять важныя должности, охранять Королевскую власть свою отъ вліянія аристократіи и народоначальства. Со времени вступленія на престолъ до начала войны Американской, при всѣхъ случившихся перемѣнахъ, Король старался выбирать такихъ Министровъ, которые были бы достойны своего званія и по высокимъ качествамъ и по любви къ нимъ народной. Находясь въ затруднительномъ положеніи 1784 года, Онъ сдѣлалъ самой лучшій выборъ по тогдашнимъ обстоятельствамъ. Освободясь отъ болѣзни своей, въ 1788, Онъ удержалъ — какъ и ожидать было должно по натуральному порядку — тѣхъ Министровъ, кото-

рые при опасныхъ обстоятельствахъ отличились своею приверженностїю къ Его Особѣ; въ 1792 усилилъ Министерство Членами Оппозицїи, извѣстными по ихъ дарованїямъ и добродѣтельнымъ качествамъ. Съ тѣхъ поръ Онъ не переставалъ постоянно пещися, чтобы Государственныя должности поручаемы были такимъ людямъ, которые по общему мнѣнїю почитались къ тому способными. Наконецъ, послѣ полувѣковаго царствованїя своего, Онъ успѣлъ составить Министерство по плану, бывшему предметомъ трудовъ цѣлой жизни.

Хотя не удалось ранѣе соединить въ Министерствѣ всѣ отличныя дарованїя и высокїя добродѣтели, однакожь было бы несправедливо приписывать сїе обстоятельство личнымъ враждамъ нашихъ людей Государственныхъ. По естественному порядку вещей, въ Государствѣ, управляемомъ Конституцїею, какова наша, есть люди, по характеру своему, по слѣдствїю воспитанїя и по выгодамъ преданные Коронѣ, между тѣмъ какъ другїе, побуждаемые противуположными причинами, стараются разпространить вольность и права народа. Отъ того необходимо произходятъ двѣ партїи, противныя между собою природными склонностями, воспитанїемъ, выгодами. Ни та, ни другая сторона не виноваты, что не-

согласны между собою; ибо сіе несогласіе происходитъ отъ несовершенства людей и законовъ человѣческихъ. Каждая сторона почитаетъ свое мнѣніе справедливымъ, и не можетъ принять другаго до тѣхъ поръ, пока не увѣрится въ противномъ. Каждой новой споръ производитъ множество причинъ къ несогласіямъ. Гдѣ болѣе противуположности въ выгодахъ, тамъ болѣе упорства въ предразсудкахъ; вражда, на нихъ основанная, непримирима. Можно предлагать средства къ примиренію, но всѣ старанія къ тому всегда будутъ встрѣчать великія препятства. Иногда противныя стороны мирятся по наружности, но такой миръ не проченъ. Бываютъ соперничества, которыхъ само время не истребляетъ. Есть люди, которые не терпятъ равныхъ себѣ; другіе ненавидятъ только высшихъ. Весьма рѣдко удается согласить всѣхъ членовъ Правительства, людей Государственныхъ, отличныхъ по дарованіямъ и качествамъ добродѣтельнымъ. Чтобы произвести въ дѣйство столь вожделѣнное примиреніе, потребна сила выше обыкновенной человѣческой: надобно, чтобы сія сила раждалась отъ любви къ отечеству, возпламеняющей умы только тогда, когда близкая опасность грозитъ независимости. Въ новыхъ Министрахъ мы видимъ великихъ людей, бывшихъ до сего времени соперниками; примиреніе ихъ

между собою служитъ несомнительнымъ доводомъ, что въ насъ есть *духъ общественности* и патріотизма, превосходящій все то, что Исторія ни повѣствуетъ о счастливыхъ временахъ Греціи и Рима. Чувствительно жалѣя, что отечество отклоняетъ услуги людей искусныхъ и добродѣтельныхъ, бывшихъ сотрудниковъ Питта, мы не можемъ не признаться, что свойства ихъ преемниковъ и надежда публики утѣшаютъ насъ въ сей потерѣ.

IV.

Объявленіе отъ Римскаго Императора.

Я даровалъ миръ моимъ добрымъ и вѣрнымъ подданнымъ. Мои намѣренія по сему предмету оказались согласными съ ихъ желаніемъ. Я отрекся отъ надежды на перемѣну счастія, чтобы какъ можно скорѣе удалить злоключенія и опасности, постигшія мои цвѣтущія провинціи и мою столицу, сердце Монархіи. Сдѣланы великія пожертвованія; онѣ дорого стоятъ моему сердцу: но надлежало утвердить благоденствіе, счастіе общественное и домашнее многихъ милліоновъ моихъ подданныхъ —

и я рѣшился на сіи пожертвованія. Благословенія мира будутъ моею наградою.

Не знаю другаго счастія, кромѣ счастія моихъ народовъ; отличнѣйшую славу полагаю въ томъ, чтобъ быть отцемъ націи, которая своею честностію, своею неизмѣняемою вѣрностію, своею безпредѣльною любовію къ Монарху и отечеству не уступаетъ ни одной націи въ Европѣ. Сіи превосходныя черты, отличающія національной характеръ ея, поселили въ самыхъ непріятеляхъ чувство уваженія, и соорудили въ моемъ сердцѣ памятникъ, котораго время не можетъ разрушить.

Не безъ душевнаго движенія возвратился я въ свою столицу, къ ея жителямъ, къ вѣрнымъ, добрымъ, почтеннымъ гражданамъ, и снова посвятилъ себя отправленію должности.

Раны, причиненныя войною, глубоки; потребны годы для уврачеванія ихъ, и чтобы загладить бѣдствія сей несчастной эпохи. Правительству Государственному предлежитъ великій подвигъ — однакожь оно совершитъ его. Впрочемъ, Правительство нынѣ, болѣе нежели когда-нибудь, имѣетъ право ожидать отъ гражданъ всѣхъ состояній ревностнаго содѣйствія относительно

достиженія къ сей спасительной цѣли. Оно подкрѣпитъ существенныя силы Государства, разпространяя истинное просвѣщеніе; одушевитъ всѣ части народной промышленности; возстановитъ общее къ себѣ довѣріе; поддержитъ Монархію на той степени возвышенія, на которой она, вопреки всѣмъ перемѣнамъ счастія, устояла. Каждая минута жизни моей будетъ посвящена приумноженію блага добрыхъ и великодушныхъ народовъ, любезныхъ дѣтей моего сердца.

Будучи соединенъ узами непоколебимой довѣренности и нѣжнѣйшей любви съ моими подданными, я тогда только не усомнюсь, что исполнялъ желаніе своего сердца, что поступалъ какъ отецъ и какъ Государь, когда Австрія снова озарится благоденствіемъ, когда граждане, забывъ претерпѣнныя несчастія, станутъ помнить только о моихъ пожертвованіяхъ, о своей вѣрности и неизмѣнной любви къ отечеству. Вѣна, 1 Февраля 1806.

Подписано: *Францъ.*

V.

Письмо изъ Вѣны.

отъ 8 Февраля 1806.

Чины Нижней Австріи сего дня по утру имѣли чрезвычайное засѣданіе, которое продолжалось четыре часа. Собранію представлено было изчисленіе всѣхъ убытковъ, понесенныхъ въ продолженіе того времени, какъ непріятель находился въ провинціи. По общей оцѣнкѣ всего, издержки простираются до 10,000,000 флориновъ, которые разложены будутъ на людей, платящихъ подати, смотря по количеству обыкновенныхъ ихъ обязанностей. Однакожь обстоятельства заставляютъ думать, что Императоръ еще потребуетъ отъ Чиновъ денежнаго пособія. — По причинѣ бездѣйствія фабрикъ, мостовыя покрыты праздными ремесленниками и работниками; нѣсколько уже недѣль нищіе толпами ходятъ по улицамъ: для отвращенія сего зла Полиція принимаетъ нужныя мѣры. — Сказываютъ, что Правительство, видѣвъ несомнительныя доказательства вѣрности къ себѣ и преданности, которыми жители Вѣны отличились въ послѣднее время, рѣшилось уничтожить часть Полиціи, называемую *тайною*: сія перемѣна сбережетъ много денегъ въ казнѣ государственной. — Полагаютъ, что для наполненія Австрійской

армїи потребно 80,000 рекрутъ. — Отважной рѣшительности и мужеству корпуса пограничнаго особенно приписывать должно побѣду, одержанную союзниками въ день сраженїя при Австерлицѣ надъ правымъ крыломъ Французскаго войска; шесть баталїоновъ сего корпуса было подъ начальствомъ Генералъ-Майора Графа Карневиля. Въ описанїи сего знаменитаго произшествїя не упомянуто о храбромъ Карневилѣ, которой достоинъ быть извѣстнымъ. — Генералъ Андреосси живетъ здѣсь не въ качествѣ Посла при Дворѣ нашемъ, но въ званїи главнаго Коммиссара, которому поручено привести къ концу нѣкоторыя хозяйственныя разпоряженїя и условїя. Онъ пробудетъ здѣсь еще два мѣсяца. — У насъ носятся слухи, что Императоръ предприметъ путешествїе въ Богемїю.

Отъ 12 Февр. 1806.

Эрцгерцогъ Карлъ, бывшїй, какъ извѣстно, военнымъ Министромъ и имѣвшїй въ своемъ разпоряженїи весь Департаментъ, нынѣ пожалованъ *Генералиссимомъ* надъ всѣмъ Австрїйскимъ войскомъ. Выключая Іосифа II, о котоpомъ упоминать здѣсь не слѣдуетъ, никто послѣ смерти Принца Евгенїя не занималъ сей высокой степени. Славный полководецъ не могъ имѣть лучшаго преемника. Еслибъ это случилось за три мѣ-

сяца прежде, Австрїйская Монархїя спаслась бы отъ разоренїя. Люди, которымъ извѣстны дѣла политическїя, увѣряютъ, что сей чинъ данъ Эрцгерцогу во утѣшенїе горести, причиненной ему скорымъ подписанїемъ перемирїя въ такое время, когда онъ со стотысячнымъ побѣдоноснымъ войскомъ спѣшилъ для избавленїя Вѣны. Сїе обстоятельство, кромѣ другихъ выгодъ, доставитъ ему еще и ту, что издавна непрїязненная партїя — которая начала-было опять усиливаться, когда Карлъ начальствовалъ въ Италїи — принуждена будетъ положить оружїе. Тайный Совѣтникъ Фассбендеръ, котораго власть въ отсутствїе Эрцгерцога уменшилась, получилъ прежнюю довѣренность; толпа ласкателей снова начинаетъ тѣснится въ его передней.

Генералъ Дюмурье съ нѣкотораго времени живетъ здѣсь *инкогнито* въ домѣ Англїйскаго Посла: его присутствїе произвело сильное впечатлѣнїе. Онъ приѣхалъ въ Ольмюцъ за два или за три дня послѣ Австерлицкаго сраженїя; думаютъ, что поздное прибытїе сего Генерала разрушило важные планы Двора Англїйскаго. Далѣе, полагаютъ, что упомянутой Дворъ, будучи недоволенъ Австрїйскими военачальниками, опредѣлилъ ввѣрить Генералу Дюмурье управленїе военными дѣлами: какъ бы то ни было, приѣздъ его

надобно причислить къ неожиданнымъ произшествїямъ. Нѣкоторые увѣряютъ, будто Французской Генералъ Андреосси, устрашенный появленїемъ сего опаснаго эмигранта, требовалъ отъ Австрїйскаго Правительства, чтобы оно тотчасъ выгнало его изъ столицы; — извѣстно, что изъ дома Посольскаго никого не льзя взять насильно.

Публичные листки подтверждаютъ мое мнѣнїе о тайныхъ статьяхъ Пресбургскаго трактата: въ сихъ листкахъ упоминается о заключенїи дружескаго договора между Дворами Французскимъ и Вѣнскимъ — на что однакожь еще не могу совершенно положиться. Другїе, вѣроятнѣйшїе признаки, показываютъ, что Францїя обѣщаетъ Австрїи вознагражденїя за потерянныя области; кажется, дѣло идетъ о Боснїи, Сервїи и сопредѣльныхъ имъ Турецкихъ провинцїяхъ.

Нашъ Генералъ Винцентъ отправился въ Парижъ, гдѣ будетъ жить въ качествѣ Коммиссара, подобно Генералу Андреосси, до тѣхъ поръ, пока обѣ Державы не назначатъ Пословъ.

Баронъ Тугутъ, прежнїй Министръ, которой со времени своего увольненїя не былъ въ Вѣнѣ, къ общему удивленїю на сихъ дняхъ приѣхалъ въ здѣшнюю столицу.

Еще болѣе удивительными кажутся слухи, будто онъ снова вступитъ въ должность Министра. Думаютъ однакожь, что молва сія разпущена одними по боязни, другими по зависти. Баронъ Тугутъ имѣлъ пребываніе свое въ Пресбургѣ даже въ то время, когда сей городъ былъ занятъ Французами, и не боялся извѣстной ихъ къ себѣ ненависти: новой доводъ твердости его характера! Между тѣмъ какъ всѣ прятались, Тугутъ приказалъ надписать надъ своимъ домомъ большими буквами: *Домъ Барона Тугута.* Французы смотрѣли и улыбались; но по неволѣ должны были говорить съ почтеніемъ о благородномъ характерѣ хозяина.

VI.

Извѣстія и замѣчанія.

Что будетъ съ Неаполитанскимъ Королевствомъ? Восемьдесять тысячь человѣкъ Французскаго войска, подъ главнымъ начальствомъ Іосифа Бонапарте, идетъ противъ мнимаго непріятеля. Маршалъ Массена, въ Талентино, на берегу Адріятическаго моря, соединилъ свой корпусъ съ дивизіею Генерала Ренье, и пошелъ прямо къ Неаполю; дивизія Генерала Сен-Сира остановилась на границѣ. Король, поручивъ правленіе наслѣдному Принцу, удалился въ

Сицилію. Сказываютъ, что Бонапарте и тамъ не оставитъ его въ покоѣ; иначе, для занятія беззащитнаго полуострова, нужно ли столь многочисленное ополченіе? Если Провидѣніе чудеснымъ образомъ не спасетъ прекраснаго сада Европы, то скоро услышимъ, что онъ сдѣлается жертвою хищенія. Кардиналъ Руффо отправленъ въ Парижъ съ препорученіями молить грознаго Наполеона о пощадѣ; но едва ли удастся ему смягчить сердце человѣка, которой, подобно Езопову волку, не принимаетъ ни прозьбъ, ни оправданій. — Сардинскій Король, видя приближающуюся опасность, также оставилъ Неаполь.

Снова увѣряютъ, что Курфирстъ Баденскій получитъ еще нѣсколько областей и титло Королевское. Наслѣдный Принцъ Баденскій пріѣхалъ въ Парижъ для бракосочетанія съ одною родственницею Гна Бонапарте, коей обѣщано Княжеское достоинство съ титломъ Императорскаго Высочества. Принцъ Баварскій также пріѣхалъ въ Парижъ, и принятъ съ великими почестями.

*

Сербскіе мятежники, бывъ принуждены соединить силы свои для защищенія границъ отъ нашествія Турковъ, почти совсѣмъ оставили окрестности Бѣлграда. Турецкой гарнизонъ, пользуясь симъ обстоятельствомъ, разсыпался по сосѣдственнымъ деревнямъ, въ которыхъ похитилъ множество съѣст-

ныхъ припасовъ, фуража и скотины. Тусумъ-Ага, одинъ изъ Турецкихъ начальниковъ, которой выѣзжалъ для набѣговъ, по возвращенiи въ крѣпость принятъ былъ съ пушечною пальбою; онъ привезъ съ собою богатую добычу, похищенную у Сербовъ, и между прочимъ женъ и дѣтей, которыхъ немедленно разпродалъ съ молотка. Сiи и другiя обстоятельства заставляютъ думать, что едва ли мятежникамъ удастся совершенно успѣть въ своемъ намѣренiи. Кажется, что планъ ихъ не имѣетъ единства, что предпрiятiя нетверды, и что Сербы не могутъ отважиться на что-нибудь рѣшительное.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

АПРѢЛЬ, 1806.

№ 7.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Письма изъ Франціи къ одному Вельможѣ въ Москву (*).

МОНТПЕЛЬЕ 22 Ноябр. / 3 Декабр. 1777 года.

. . . . . .

. . . . . .

Въ разсужденіи общества теперь самое лучшее здѣсь время. Les Etats de Languedoc собрались сюда по обыкновенію на два мѣсяца.

(*) Издатель получилъ сію драгоцѣнность при письмѣ слѣдующаго содержанія: „Я слыхалъ, что изъ писемъ *Фонъ-Визина* (Денниса Ивановича), писанныхъ имъ изъ чужихъ краевъ къ одному Вельможѣ въ Москву, напечатаны были только два въ нѣкоторомъ Журналѣ, изданномъ въ Петербургѣ

Онѣ состоятъ изъ уполномоченныхъ отъ Короля Правителей, изъ Духовенства и Дворянства. Собраніе сего Земскаго Суда имѣетъ предметомъ своимъ распоряженіе дѣлъ Ланґедокской Провинціи, и сборъ для Короля подати, называемой: don gratuit (*). Знатнѣйшіе Члены суть: первой Комменданть сей Провинціи, и Кавалеръ Ордена Святаго Духа Графъ *Перигоръ*, — Архіепископъ Нарбонскій, — Комменданть Графъ *Монканъ*, — Интенданть Виконтъ *де Сентъ - При*, — первой Баронъ и Кавалеръ Ордена Святаго Духа Марки *де Кастръ*, и первой Президентъ Г. *Клари*. Всѣ люди знатные и почтенные.

тому лѣтъ около десятка. Удивляюсь, что до нынѣ Публикѣ не извѣстенъ сей остатокъ произведеній знаменитаго Россійскаго Писателя, — важной по всѣмъ отношеніямъ. Вы доставите много удовольствія своимъ читателямъ, если согласитесь помѣстить въ Вѣстникѣ Европы нѣсколько писемъ. Продолженіе постараюсь немедленно вамъ сообщить, какъ скоро увижу, что посылаемое при семъ будетъ вами принято благосклонно. Я почелъ нужнымъ пропустить нѣкоторыя строки, или не столько любопытныя, или болѣе принадлежащія до особы покойнаго Фонъ-Визина, нежели до свѣденія Публики." — Покорнѣйшая благодарность почтенному Любителю отечественной Литтературы!

(*) Добровольное приношеніе.

Они имѣютъ открытые домы, и чужестранныхъ съ отличною ласкою принимаютъ. Мы съ своей стороны весьма довольны ихъ уваженїемъ, и обыкновенно званы бываемъ во всѣ ихъ общества.

Позвольте, Милостивый Государь, включить здѣсь то описанїе бывшей на сихъ дняхъ церемонїи, называемой L'ouverture des Etats, которое имѣлъ я честь сдѣлать въ письмѣ моемъ къ Е. С. братцу Вашему. Сїе зрѣлище заслуживало любопытство чужестранныхъ какъ по великолѣпїю, съ коимъ сей обрядъ отправлялся, такъ и по странности древнихъ обычаевъ, наблюдаемыхъ при семъ случаѣ. Собранїе было весьма многолюдное въ залѣ стариннаго дому, называемаго Gouvernement. Les Etats пришедъ въ уреченный часъ, и занявъ свои мѣста, ожидали прибытїя Графа *Перигора*, какъ представляющаго Особу Королевскую. Какъ скоро оное возвѣщено было, такъ все Дворянство вышло къ нему на встрѣчу, и онъ, въ Кавалерскомъ платьѣ и въ шляпѣ, взошедъ на сдѣланное нарочно вызвышенное мѣсто, сѣлъ въ кресла подъ балдахиномъ. По правую сторону Архїепископъ Нарбонскїй и двенадцать Епископовъ, а по лѣвую Баронъ въ древнихъ Рыцарскихъ платьяхъ и въ шляпахъ. Засѣданїе началось чрезъ одного Синдика чтенїемъ историческаго описанїя древ-

няго Монтпельевскаго Королевства. Прошедъ времяна древнихъ Королей, и упомянувъ, какъ оно перешло во владѣнїе Французскихъ Государей, сказано въ заключенїе всего, что нынѣ благополучно владѣющему Монарху надлежитъ платить деньги. Графъ *Перигоръ* читалъ по томъ рѣчь весьма трогающую, въ которой изобразилъ долгъ вѣрноподданныхъ платить исправно подати. Многїе прослезились отъ его краснорѣчїя. Интендантъ читалъ съ своей стороны также рѣчь, въ которой говоря весьма много о дѣйствїяхъ природы и искуства, выхвалялъ здѣшнїй климатъ и трудолюбивый характеръ жителей. По его мнѣнїю и самая ясность небесъ здѣшняго края должна способствовать къ исправному платежу подати; ибо она позволяетъ людямъ работать въ земледѣлїи непрестанно; а земледѣлїе есть источникъ изобилїя. Послѣ сего Архїепископъ Нарбонскїй говорилъ слово поучительное. Проходя всю Исторїю Коммерцїи, весьма краснорѣчиво изобразилъ онъ всѣ ея выгоды и сокровища, и заключилъ тѣмъ, что съ помощїю Коммерцїи, къ которой онъ слушателей сильно поощрялъ, Господь наградитъ со вторицею ту сумму денегъ, которую они согласятся заплатить нынѣ своему Государю. Каждая изъ сихъ рѣчей препровождена была комплиментомъ къ знатнѣйшимъ сочленамъ. Интендантъ превозносилъ похвалами Архї-

епископа, Архїепископъ Интенданта; оба они выхваляли *Перигора*, а *Перигоръ* похвалилъ ихъ обоихъ. По томъ всѣ пошли въ Соборную церковь, гдѣ пѣтъ былъ благодарной молебенъ Всевышнему за сохраненїе въ жителяхъ единодушїя къ добровольному платежу того, что въ противномъ случаѣ вычлисъ съ нихъ насильно. — Le don gratuit съ *калитацїею* (*) состоитъ въ сборѣ съ Лангедокской Провинцїи на наши деньги около 920,000 рублей.

На сихъ дняхъ получено здѣсь извѣстїе объ умерщвленїи Турками Князя *Гики*. Всѣ Газеты предвѣщаютъ неизбѣжную намъ войну съ Турками, и проч.

МОНТПЕЛЬЕ 24 Декаб. 1777. / 4 Янв. 1778.

Я имѣлъ честь получить милостивое письмо Ваше отъ 16 Октября, за которое приношу мое нижайшее благодаренїе. Надѣюсь, что В. С. уже получить изволили

(*) Поголовная подать. Надобно сказать одинъ разъ навсегда, что Авторъ употребляетъ безъ нужды чужестранныя слова не по тѣмъ причинамъ, по которымъ дѣлаютъ это другїе. *Фонъ Визинъ* писалъ къ своему благодѣтелю, и думалъ болѣе о людяхъ и предметахъ, нежели о чистотѣ слога. — *Изд.*

мои изъ Дрездена и отсюда. Я принялъ смѣлость въ нихъ, съ нѣкоторою подробностїю дѣлать примѣчанїя мои на Земли, чрезъ которыя проѣхалъ. Здѣсь живу уже другой мѣсяцъ, и стараюсь по возможности приобрѣтать нужныя по состоянїю моему знанїя. Способовъ къ просвѣщенїю здѣсь предовольно. Я могу оными пользоваться, не разстроивая моего малаго достатка. Хотя весьма дешева здѣсь тѣлесная пища: но душевная еще дешевлѣ. Учитель Философїи, обязываясь всякой день читать лекцїи, запросилъ съ меня въ первомъ словѣ на наши деньги по два рубля по сороку копѣекъ на мѣсяцъ. Юриспруденцїя, какъ наука, при настоящемъ развращенїи совѣстей человѣческихъ, ни къ чему почти не слѣдующая, стоитъ гораздо дешевлѣ. Римское Право изъ одного корму здѣсь преподается. Такой бѣдной учености я думаю нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ! ибо какъ Гражданскїя званїя покупаются безъ справки, имѣетъ ли покупающїй потребныя къ должности своей знанїя, то и нѣтъ охотниковъ терять время свое, учась наукѣ безполезной. Злоупотребленїе продажи чиновъ произвело здѣсь то странное дѣйствїе, что при невѣроятномъ множествѣ способовъ къ просвѣщенїю, глубокое невѣжество весьма не рѣдко. Оно препровождено еще и ужаснымъ суевѣрїемъ. Католическїе попы имѣя въ рукахъ своихъ воспитанїе, вселя-

ютъ въ людей съ одной стороны рабскую привязанность къ химерамъ, выгоднымъ для Духовенства, а съ другой сильное отвращенїе отъ здраваго разсудка. Таково почти все Дворянство и большая часть другихъ состоянїй! Я не могу сдѣлать инаго объ нихъ заключенїя, судя по вопросамъ, которые мнѣ дѣлаются, и по отвѣтамъ на мои вопросы. Впрочемъ тѣ, кои предуспѣли какъ-нибудь свергнуть съ себя иго суевѣрїя, почти всѣ попали въ другую чрезвычайность и заразились новою Философїею. Рѣдкаго встрѣчаю, въ комъ бы не примѣтна была которая-нибудь изъ двухъ крайностей: или рабство, или наглость разума.

Главное раченїе мое обратилъ я къ познанїю здѣшнихъ законовъ. Сколь много не совмѣстны они въ подробностяхъ своихъ съ нашими; столь напротивъ того общїя правила правосудїя просвѣщаютъ меня въ познанїи существа самой истины, и въ способахъ находить ее въ той мрачной глубинѣ, куда свергаетъ ее невѣжество и ябеда. Система законовъ сего Государства есть зданїе, можно сказать, премудрое, сооруженное многими вѣками и рѣдкими умами: но вкравшїяся мало по малу различныя злоупотребленїя и развращенїе нравовъ дошли теперь до самой крайности, и уже потрясли основанїе сего пространнаго зданїя, такъ что

жить въ немъ бѣдственно, а разорить его пагубно. Первое право каждаго Француза есть *вольность*: но истинное настоящее его состоянїе есть — *рабство*. Ибо бѣдной человѣкъ не можетъ снискивать своего пропитанїя иначе, какъ рабскою работою; а если захочетъ пользоваться драгоцѣнною своею вольностїю, то долженъ умереть съ голоду. Словомъ: вольность есть пустое имя, и право сильнаго остается правомъ превыше всѣхъ законовъ.

В. С-ву безъ сомнѣнїя извѣстны уже худые успѣхи Англичанъ противъ Американцовъ. Вчера пронесся слухъ, будто находящїйся отъ стороны сихъ послѣднихъ въ Парижѣ Повѣренной *Франклинъ* признанъ отъ здѣшняго Двора Посломъ Американской Республики. Если сїе правда, то война кажется неизбѣжна: но должно ожидать сему вѣрнаго подтвержденїя. А между тѣмъ всѣ Англичане вдругъ поднялись отсюда и спѣшатъ выѣхать. Все то, что за вѣрное сказать нужно, есть сильное вооруженїе въ здѣшнихъ Портахъ. Оно дѣлается съ такимъ поспѣшенїемъ, что въ *Тулонѣ* по воскресеньямъ и праздникамъ работаютъ, равно какъ въ обыкновенные дни. Имѣю честь и проч.

МОНТПЕЛЬЕ $\frac{15}{26}$ Янв. 1778.

Получа на сихъ дняхъ радостное для всѣхъ Россіянъ извѣстіе о разрѣшеніи отъ бремени Ея Императорскаго Высочества, приемлю смѣлость принести В. С. нижайшее поздравленіе съ симъ благополучнымъ произшествіемъ, утверждающимъ благосостояніе Отечества нашего.

Я имѣлъ честь получить милостивое письмо Ваше отъ 13 Ноября, за которое приношу В. С. покорнѣйшее благодареніе. Сообщеніе мнѣ Вашихъ, на истинѣ основанныхъ и проницаніемъ извлеченныхъ разсужденій произвело во мнѣ о самомъ себѣ весьма лестное заключеніе. Признаюсь, Милостивый Государь, что я больше самъ себя почитаю, видя, что Особа Вашихъ достоинствъ и заслугъ считаетъ меня способнымъ вкусить толь разумную бесѣду.

Удовольствіе, изъявляемое Вашимъ Сіятельствомъ о примѣчаніяхъ моихъ на представляющіяся въ путешествіи моемъ любопытные предметы, почитаю знакомъ Вашей ко мнѣ милости. Будучи онымъ весьма много ободренъ, осмѣливаюсь продолжать здѣсь отчетъ мой В. С-ву о томъ, что здѣсь вижу, и какія разсужденія раждаетъ во мнѣ видимое мною.

Les Etats, или Земской Судъ здѣшней Провинцїи, уже кончился. Всѣ разъѣхались изъ *Монтпелье*: знатные и богатые въ Парижъ, а мѣлкїе и бѣдные по деревнямъ своимъ. Первые приѣзжали сюда то дѣлать, что хотятъ, или справедливѣе сказать то дѣлать, чемъ у Двора на счетъ послѣднихъ выслужиться можно; а послѣднїе собраны были для формы, чтобы соблюдена была въ точности наружность Земскаго Суда. Я называю наружностїю для того, что въ существѣ самомъ онъ не значитъ ничего. Всѣ отправляемыя тутъ дѣла ограничиваются въ одномъ, то есть въ собранїи подати. Окончавъ сїе, за прочїя и не принимаются. Первый Государственный Чинъ, Духовенство, препоручаетъ Провинцїю въ одно покровительство Царя Небеснаго, дабы самому не поссориться съ земнымъ, если вступиться за жителей, и облегчить утѣсненное ихъ состоянїе. Знатнѣйшїя свѣтскїя особы считаютъ бытїе свое на свѣтѣ смотря по тому, какъ у Двора прїятно на нихъ смотрятъ, и конечно не промѣняютъ одного милостиваго взгляда на все блаженство управляемой ими области. Словомъ: по окончанїи сего Земскаго Суда, Провинцїя обыкновенно остается въ добычу безсовѣстнымъ людямъ, которые тѣмъ жесточе грабятъ, чѣмъ дороже имъ самимъ становится привилегїя разорять своихъ согражданъ. Здѣшнїя злоупо-

требленія и грабежи конечно не меньше у насъ случающихся. Вразсужденіи правосудія вижу я, что вездѣ однимъ *манеромъ* поступаютъ. Наилучшіе законы не значатъ ничего, когда изчезъ въ людскихъ сердцахъ первой законъ, первой между людьми союзъ: добрая вѣра. У насъ ея не очень много, а здѣсь нѣтъ и головою. Вся честность на словахъ, и чѣмъ складнѣе у кого фразы, тѣмъ больше остерегаться должно какого-нибудь обману. Ни порода, ни наружные знаки почестей не препятствуютъ ни мало снисходить до подлѣйшихъ обмановъ, какъ скоро дѣло идетъ хотя о малѣйшей корысти. Сколько Кавалеровъ Св. Лудовика, которые тѣмъ и живутъ, что подлестяся къ чужестранцу, и занявъ у него, сколько простосердечіе его взять позволяетъ, на другой же день скрывается вовсе и съ деньгами отъ своего заимодавца! Сколько промышляютъ своими супругами, сестрами, дочерьми! словомъ, деньги есть первое блаженство здѣшней Земли. Развращеніе нравовъ дошло до той степени, что подлой поступокъ не наказывается уже и презрѣніемъ. Честнѣйшіе дѣйствительно люди не имѣютъ ни мало твердости отличить бездѣльника отъ добраго человѣка, считая, что такая отличность была бы contre la politesse Françoise (*). Позвольте мнѣ, Милостивый

(*) Противна Французской вѣжливости.

Государь, остановиться нѣсколько на словѣ politesse. Сія вѣжливость такое въ умахъ и нравахъ здѣшнихъ произвела дѣйствіе, что по неволѣ заставила меня сдѣлать нѣкоторыя примѣчанія. Я осмѣлюсь ихъ сообщить здѣсь В. С-ву.

Опытъ показываетъ, что всякой порокъ ищетъ прикрыться наружностію той добродѣтели, которая съ нимъ граничитъ. Скупой, напримѣръ, присвояетъ себѣ бережливость, мотъ щедролюбіе, а легкомысленные и трусливые люди вѣжливость. И въ самомъ дѣлѣ, кто услыша ложь или ошибку, не смѣетъ, или не смыслитъ попротивурѣчить, тому всего вѣрнѣе и легче согласиться, тѣмъ больше, что всякая потачка пріятна большей части людей. Сіе правило здѣсь стало всеобщее; оно совершенно отвращаетъ Господъ Французовъ отъ всякаго человѣческаго размышленія, и дѣлаетъ ихъ простымъ эхомъ того человѣка, съ коимъ разговариваютъ. Почти всякой Французъ, если спросить его утвердительнымъ образомъ, отвѣчаетъ: *да*; а если отрицательнымъ о той же матеріи, отвѣчаетъ: *нѣтъ*. Сколько разъ съ отличными людьми имѣя случай разговаривать, напримѣръ, о вольности, начиналъ я рѣчь мою тѣмъ, что „какъ мнѣ кажется, сіе первое право человѣка во Франціи свято сохраняется;“ на что съ восторгомъ мнѣ

отвѣчаютъ, que le François est né libre (*); что сїе право составляетъ ихъ истинное счастье; что они помрутъ прежде, нежели стерпятъ малѣйшее оному нарушенїе. Выслушавъ сїе, завожу я рѣчь о примѣчаемыхъ мною неудобствахъ, и нечувствительно открываю имъ мысль мою, что „желательнобъ было, еслибъ вольность была у нихъ не пустое слово.“ Повѣрите ли, Милостивый Государь, что тѣ же самые люди, кои восхищались своею вольностїю, тотъ же часъ отвѣчаютъ мнѣ: o Monsieur! vous avez raison. Le François est écrasé, le François est esclave (**)! Говоря сїе впадаютъ въ преужасной восторгъ негодованїя, и если не унять, то хотя цѣлыя сутки рады бранить Правленїе, и унижать свое состоянїе.

Если такое разнорѣчїе происходитъ отъ вѣжливости, то по крайней мѣрѣ не предполагаетъ большаго разума. Можно кажется быть вѣжливу, и соображать при томъ слова свои и мысли. Вообще надобно отдать справедливость здѣшней нацїи, что слова сплетаетъ мастерски; и если въ томъ состоитъ разумъ, то всякой здѣшнїй дуракъ имѣетъ его превеликую долю. Мы-

(*) Что Французъ родился свободнымъ.
(**) Точно такъ! Французъ задавленъ; Французъ живетъ въ рабствѣ.

слятъ здѣсь мало, да и некогда, потому что говорятъ много, и очень скоро. Обыкновенно отворяютъ ротъ, не зная еще, что сказать; а какъ затворить ротъ, не сказавъ ничего, было бы стыдно, то и говорятъ слова, которыя машинально на языкъ попадаются, не заботясь много, есть ли въ нихъ смыслъ какой-нибудь. При томъ каждой имѣетъ въ запасѣ множество выученныхъ наизусть фразъ, правду сказать, весьма общихъ и ничего незначущихъ, которыми однакожь отдѣлываются при всякомъ случаѣ. Сіи фразы состоятъ обыкновенно изъ комплиментовъ, часто весьма натянутыхъ, и всегда излишнихъ для слушателя, которой пустоты слушать не хочетъ. Вотъ общій, или лучше сказать, природный характеръ націи; но надлежитъ присовокупить къ нему и развращеніе нравовъ, дошедшее до крайности, чтобъ сдѣлать истинное заключеніе о людяхъ, коихъ вся Европа своей *моделью* почитаетъ. Справедливость конечно требуетъ изключить нѣкоторыхъ частныхъ людей, прямо умныхъ и почтенія достойныхъ; но они столь же рѣдки, какъ и въ другихъ земляхъ.

Предоставляя себѣ честь продолжить при первомъ случаѣ примѣчанія мои на здѣшніе нравы и обычаи, прекращаю оныя теперь, дабы не обременить В. С. чтеніемъ вдругъ весьма пространнаго письма.

На прошедшей почтѣ упомянулъ я о разнесшемся здѣсь слухѣ, будтобъ живущій въ Парижѣ Американской Повѣренной *Франклинъ* признанъ въ характерѣ Посла. Сей слухъ явился ложенъ, и взятъ отъ того, что *Франклинъ* дѣйствительно былъ, неизвѣстно за чѣмъ, въ *Версалію* призыванъ. и проч.

II.

Дѣва за клавесиномъ (*).

Владѣющимъ твоимъ перстамъ,
О Дѣва! клавесинъ струнами,
Обезтѣлесенъ, обездушенъ,
Я будто истуканъ стою.
Царица жизни ты и смерти
Силъ править тысящьми, — какъ Богъ!
Благоговѣя чуть шумитъ
Вкругъ воздухъ на тебя приникши,
Ко пѣнью твоему прикованъ
Стоитъ кружася въ вихрѣ вѣкъ,
И тьмы веселія въ безмолвьи
Природы всей къ тебѣ влечетъ.
Волшебница! одно твое воззрѣнье,
Одинъ твой звукъ — плѣнитъ всю тварь.

(*) Первой части 3 я Ода Г-на Шиллера.

Полны гармоніи душой
Изъ струнъ роскошно устремленны,
Какъ Серафимы вновь раждаясь,
Изъ неба порхаютъ, кишатъ;
И какъ изтекши изъ хаоса
И вихремъ зиждущимъ взнесясь,
Изъ мрака солнцы возсіяли:
Твоихъ такъ гласовъ токъ златый
Пріятно, — какъ сребристый ключь
Журча по камышкамъ катится
Великолѣпно, важно вдругъ, —
Какъ грома съ облаковъ органы;
Стремительно, — вдали съ утеса,
Какъ шумный пѣнистый потокъ; —
Отрадно, — какъ межь липъ
Тѣнистыхъ, благовонныхъ,
И шепчущихъ осинъ
Влюбленны вѣтерки дыхаютъ;
Уныло, мрачно, тяжело
По мертвымъ дебрямъ ужасный шорохъ нощи
И вой, протяжно изчезая,
Влечется слезною Коцитовой волной.
Но стой! — и мнѣ повѣдай, Дѣва:
Въ связи ль съ духами ты небесъ,
И тотъ ли ихъ языкъ въ Едемѣ,
Музыка коимъ говоритъ?
Завѣса отъ очесъ упала!
Затворы слуха отперлись!

О Дѣва! я дышу живѣя.
Иль огнь эфирный очищая,
И вихремъ въ выспрь меня несетъ?
Мелькаютъ сквозь небесъ раздранныхъ
Младыхъ духовъ мнѣ въ солнцахъ троны!
За гробомъ утренняя заря!
Прочь, прочь съ понятьемъ насѣкомыхъ,
Кощуны . . . прочь! — есть Богъ!

Державинъ.

III.

О различныхъ способахъ измѣрять время, и о началѣ Календаря.

Удобность измѣрять продолженіе времени, и искуство, изобрѣтенное человѣческою хитростію, ловить малѣйшія, едва примѣтныя частицы онаго, для насъ весьма обыкновенны; намъ не приходитъ на мысль, какихъ трудовъ стоили удивительныя открытія, и выгоды, ими доставляемыя обществу. Такимъ образомъ мы наслаждаемся удобностями жизни, не заботясь, какъ онѣ достались намъ, и не безпокоясь о непріятностяхъ, которыя должно было бы терпѣть, лишась упомянутыхъ выгодъ. Представимъ себѣ безпорядокъ и запутанность въ дѣлахъ общественныхъ безъ вѣр-

наго способа измѣрять время! мы не могли бы отдавать себѣ отчетъ въ прошедшемъ, ни быть осторожными для будущаго; не могли бы въ порядкѣ представить себѣ историческія произшествія, оставшіяся въ памяти.

Мрачную неизвѣстность, господствующую въ Исторіи всѣхъ древнихъ народовъ, и труды любопытныхъ Ученыхъ, которымъ хотѣлось связать ходъ произшествій въ старинныхъ Лѣтописяхъ, надлежитъ приписывать тому, что не было точнаго способа измѣрять время, а особливо недостатку опредѣленной Эры, или начала лѣтосчисленія: безъ сего не можетъ быть вѣрнаго счета, равно какъ не зная точки, отъ которой начато путешествіе, не льзя знать и числа миль, назади оставленныхъ.

Въ новѣйшія времена Европа приобрѣла себѣ великую пользу отъ Христіянской Эры, которая при Карлѣ первомъ сдѣлалась почти общею. Сіе начало лѣтосчисленія открыло легчайшія средства къ связямъ и взаимнымъ сношеніямъ между Европейскими народами, и весьма много споспѣшествовало установленію между ними нѣкотораго рода братства.

Древніе народы не были такъ тѣсно соединены между собою. У нихъ Эры были

различныя. Греки считали время отъ установленія игръ Олимпійскихъ; Римляне вели свое лѣтосчисленіе отъ созданія города; на Востокѣ извѣстны были Эры Набонассарова и Селевкидовъ. Всѣ сіи Эры безъ сомнѣнія споспѣшествовали приведенію въ большій порядокъ Исторіи и Хронологіи; но ихъ не употребляли ни въ частныхъ актахъ, ни въ общественныхъ; имъ не всѣ слѣдовали даже тамъ, гдѣ онѣ были приняты. Каждая область, каждой городъ считали время по своему обыкновенію. Не было однообразія ни въ продолженіи годовъ, ни въ эпохахъ, отъ которыхъ годы начинались. У однихъ годъ начинался отъ поворота солнца, у другихъ — отъ равноденствія. Сіи различія происходили отъ того, что не умѣли найти точнаго измѣренія времени.

Должно признаться, что не легко было до того достигнуть. Время, будучи существомъ отвлеченнымъ и метафизическимъ, само по себѣ не имѣетъ частей. Хотя и раздѣляютъ его на прошедшее, настоящее и будущее; но прошедшее не имѣетъ начала; будущее не имѣетъ конца; а настоящее есть не что иное, какъ непримѣтная точка между прошедшимъ и будущимъ, — точка, безпрестанно отдающая первому то, что получаетъ отъ послѣдняго. — Одинъ изъ славныхъ Французскихъ Поэтовъ весьма хорошо выразилъ мысль сію, сказавъ:

Le moment, où je pense, est déjà loin de moi.

(Самое мгновенїе, когда думаю о семъ, уже отъ меня далеко.)

Сверхъ того, сїе раздѣленїе времени относится только къ существамъ, вразсужденїи продолженїя ихъ бытїя. Время само по себѣ не есть ни прошедшее, ни настоящее, ни будущее; оно не имѣетъ ни начала ни конца, слѣдственно не подлежитъ изчисленїю. Отдѣляя только нѣкоторыя части его, и назначая для нихъ извѣстные предѣлы, можно имѣть нѣкоторое понятїе о продолженїи времени.

Ясно, что всякое перїодическое явленїе, по видимому раздѣляющее продолженїе времени на равныя части, можетъ нѣкоторымъ образомъ служить вмѣсто промежутковъ. Одинъ изъ народовъ, обитающихъ въ Америкѣ, считаетъ свои годы по явленїю и отлетанїю извѣстныхъ птицъ; другїе — по паденїю листьевъ, или по наводненїямъ, бывающимъ въ одно время. Языкъ Поэзїи, древнѣйшїй изъ всѣхъ, и теперь означаетъ годы *жатвою*, *собиранїемъ винограда*, *зимою*; многїе сельскїе жители въ семъ случаѣ обыкновенно говорятъ языкомъ Поэзїи.

Но тотчасъ можно увидѣть, сколь недостаточенъ и невѣренъ такой способъ измѣ-

рять время. Для людей грубыхъ и дикихъ больше и не нужно; напротивъ того народъ, оказавшій успѣхи въ гражданскомъ общежитіи, требуетъ лучшей опредѣленности. Такимъ образомъ надлежало найти средство, которое болѣе удовлетворяло бы его нуждамъ.

Невтонъ говоритъ: все содержится во времени и въ пространствѣ; въ первомъ — по порядку *послѣдовательному*, во второмъ — по *положительному*. Это напоминаетъ мысль Лейбница, которой называетъ время *порядкомъ существъ послѣдовательныхъ*, а пространство — *порядкомъ существъ, имѣющихъ бытіе свое* (coexistans) *въ одно время* (*).

Такое сближеніе времени съ пространствомъ тѣмъ болѣе замысловато, что одно и другое взаимно служатъ себѣ способами для измѣренія, и что одно и другое равно неизмѣримы въ своей цѣлости, коей нѣкоторымъ только частямъ можно назначить мѣру, вмѣстивъ ихъ въ извѣстные предѣлы. Однакожъ легче измѣрять пространство, нежели время; въ послѣднемъ случаѣ необходимо нужно движеніе постоянное и неизмѣняемое, котораго періодическіе возвраты образовали бы части продолженія. Натура нигдѣ не представляетъ намъ подобнаго

(*) См. Энциклопедію, въ словѣ Chronologie.

движенія, кромѣ какъ въ тѣлахъ небесныхъ; измѣрять ими продолженіе времени есть выдумка весьма счастливая. Время, которое по необъятности своей прежде укрывалось отъ нашего разума, бывъ раздѣлено на части и получивъ предѣлы, начало существовать для человѣка. Такъ Платонъ, въ своемъ Тимеѣ, предполагаетъ, что время рождено отъ планетъ, которымъ опредѣлено измѣрять оное. Подобную мысль находятъ въ священныхъ книгахъ Индійскихъ, съ которыми Платоническая Философія имѣетъ во многомъ сходство.

Авторъ книги Бытія также говоритъ, что великія свѣтила небесныя назначены для раздѣленія дня отъ ночи, и чтобъ служить знаками для годовыхъ временъ, дней и лѣтъ (*). Но вѣроятно, Моисей писалъ, принаравливаясь болѣе къ своему времени, нежели къ тому, что происходило въ началѣ міра: ибо человѣку нужно сперва сдѣлать множество опытовъ, чтобъ дойти до сего открытія, сколь оно простымъ ни кажется; въ противномъ случаѣ должно предположить, что человѣкъ при рожденіи получилъ откровеніе о пользѣ бѣга небесныхъ тѣлъ, и о томъ, что онѣ могутъ служить къ измѣренію времени.

(*) Бытія гл. 1. ст. 14.

Прежде всего потребно было, чтобы человѣкъ почувствовалъ нужду въ точномъ измѣренїи времени; но это могло случиться уже тогда, какъ люди стали жить въ обществѣ, и оказали нѣкоторые успѣхи въ образованности. Народы дикїе думаютъ только о настоящемъ, не заботясь ни о прошедшемъ, ни о будущемъ; имъ совсѣмъ не знакома привычка дѣлать наблюденїя, необходимо нужныя для того, чтобъ изобрѣсть способъ измѣрять время течѣнїемъ тѣлъ небесныхъ.

Ежедневное обращенїе солнца, чаще всѣхъ другихъ бывающее, и болѣе ощутительное, безъ сомнѣнїя долженствовало привлечь вниманїе разить людей, ни мало не привыкшихъ къ наблюденїямъ; но сей перїодъ по короткости своей служитъ не весьма удовлетворительнымъ средствомъ измѣрять время. Нашли другой, должайшїй перїодъ въ движенїи луны относительно къ звѣздамъ; и хотя сей перїодъ, вмѣщающїй въ себѣ двадцать восемь дней, также не продолжителенъ, однакожь онъ имѣлъ уже то преимущество, что могъ быть раздѣляемъ на четыре части, смотря по разности перемѣнъ, являемыхъ луною въ продолженїе совершаемаго ею кругообращенїя. Симъ четыремъ отдѣленїямъ дано названїе седмицъ, которыя надлежитъ относить къ глубочайшей древ-

ности. Нѣкоторыя мѣста въ книгѣ Бытія заставляютъ думать, что такое раздѣленіе извѣстно было прежде Потопа (*). По крайней мѣрѣ ничего не льзя сказать, какому именно народу должно приписывать изобрѣтеніе онаго: ибо почти между всѣми націями видимъ болѣе или менѣе явные слѣды подобнаго раздѣленія, — у Евреевъ, у Египтянъ, у Индійцевъ, у Ассиріянъ, у Персовъ, у Арабовъ, у Китайцевъ, даже у древнихъ жителей Галліи, островов Бриттанскихъ, Германіи, Америки и проч. (**).

Раздѣленіе мѣсяца на Календы, Ноны Иды у Римлянъ, такъ говоритъ Буланжеръ въ своей *Открытой Древности*, есть не что иное, какъ испорченной способъ считать седмицами. Греки по своему суевѣрію почитали седмой день счастливымъ, а Римляне несчастнымъ; это подтверждаетъ, что раздѣленіе на седмицы издревле было извѣстно обоимъ народамъ.

(*) Смот. Les Réflexions sur les cinq livres de Moïse, par Allix.

(**) См. Бальи Ancienne Astronomie, pages 62, 408. Шардень говоритъ, что онъ не видѣлъ ни одного народа, которой не считалъ бы седмицами. Розница состоитъ только въ томъ, что одни начинаютъ прежде, другіе послѣ.

Каждой день седмицы имѣлъ названіе планеты. Г. Бальи думаетъ, что сіи наименованія получили начало свое прежде эпохи Потопа. Планеты у древнихъ были разположены въ такомъ порядкѣ, въ какомъ нынѣ у насъ дни недѣльные: Солнце, Луна, Марсъ, Меркурій, Юпитеръ, Венера, Сатурнъ. Почти одинъ и тотъ же порядокъ былъ у Египтянъ, Индіянъ и Китайцевъ (*); онъ установленъ не по разстоянію, не по величинѣ, не по качеству планетъ, но — кажется — по произволу, или по причинамъ, намъ неизвѣстнымъ. Г. Бальи упоминаетъ о причинахъ, которыя находимъ у Діона Кассія, и которыя сей древній Писатель справедливо почитаетъ весьма неосновательными.

Если періодъ лунный обратилъ на себя вниманіе первобытныхъ наблюдателей, то солнечный, которой знать любопытнѣе для насъ и полезнѣе, скоро въ свою очередь сдѣлался предметомъ изысканій. Періодъ солнечный есть, такъ сказать, подобіе человѣческой жизни: онъ имѣетъ свое младенчество, юность, зрѣлой возрастъ и ста-

(*) Г. Морисъ въ первомъ Томѣ своихъ *Индійскихъ древностей* замѣчаетъ, что въ древнихъ книгахъ Санскритскихъ дни седмичные означены именами тѣми же, какія были у Грековъ и Римлянъ.

рость. Между тѣмъ какъ солнце совершаетъ свое кругообращенїе, природа умираетъ и снова оживляется. Однакожь прошло много времени, пока не измѣрили солнечнаго кругообращенїя, потому что оно не столько ощутительно для глаза, какъ лунное, и что открытїе онаго долженствовало быть слѣдствїемъ наблюденїй долговременныхъ и безпрерывныхъ.

Выше сказано, что перїодъ лунный раздѣленъ на четыре части, названныя седмицами; равнымъ образомъ и солнечный раздѣленъ на четыре же части, которымъ даны наименованїя (*) *временъ года* (ſaiſons), означаемыя равноденствїями и поворотами (ſolſtices). Сперва перїодъ солнечный не былъ принятъ въ своей цѣлости; ибо считали время только отъ поворота до равноденствїя, или отъ одного поворота до другаго. По сей причинѣ у многихъ древнихъ народовъ годъ состоялъ или изъ трехъ, или изъ шести мѣсяцевъ (**). Можно привести ясные доводы, что еще кратчайшїй перїодъ назывался годомъ. Лѣтосчисленїе Халдеевъ достаточно показываетъ, что у нихъ дни почи-

(*) У нѣкоторыхъ народовъ на востокѣ, гдѣ климатъ смѣшивалъ времена года, считалось ихъ только три.

(**) См. Cenſorin. De Die Natal. Cap. 19.

тались годами; нѣкоторые дикїе народы и теперь еще ночь принимаютъ за годъ.

Слово *годъ* (annus, année) не всегда имѣло то знаменованїе, въ какомъ теперь у насъ употребляется; оно значило вообще *кругъ*, *обращенїе*, и симъ именемъ назывались всѣ перїоды, употребляемые для измѣренїя времени, какъ-то — дневной солнечный, мѣсячный, лунный, и проч. То же надлежитъ разумѣть и о словѣ *вѣкъ* (ſaeculum, ſiècle), которымъ Римляне, послѣ многихъ перемѣнъ, назвали *продолженїе ста лѣтъ*, — чему и мы нынѣ слѣдуемъ. Сперва оно значило длинной рядъ годовъ, сколько долголѣтнїй человѣкъ прожить можетъ. Ценсоринъ свидѣтельствуетъ, что многїе называли *вѣкомъ* продолженїе времени, заключавшее въ себѣ гораздо менѣе ста лѣтъ (*).

Извѣстно еще, что были народы, которые не знали нашего *дня искуственнаго* (сутокъ), составленнаго изъ дня и ночи, и считали въ немъ два отдѣленные перїода: денный и ночный. Самое раздѣленїе дня на четыре части, а ночи на четыре стражи, показываетъ уже, что день и ночь были два разные перїода: оно было въ употребленїи у Римлянъ и въ глубокой древности (**) у

(*) См. Cenſor. cap. 17.
(**) См. Bailli Aſtronomie ancienne, pag. 296, 313.

Индїянъ. Достойное примѣчанїя сходство между народами столь отдаленными!

Сїи способы раздѣлять время и считать годы, должны быть очень стары; потому что открытїе истиннаго года солнечнаго, гораздо позднѣйшее, относится къ глубокой древности. Эпоху сїю надлежитъ искать прежде Потопа. Перїодъ шести сотъ лѣтъ, о которомъ будемъ говорить послѣ, и которой былъ извѣстенъ до Потопа, заставляетъ думать, что тогдашнїй годъ солнечный почти сходствовалъ съ нынѣшнимъ. Индїяне, Китайцы и Египтяне, болѣе нежели за двѣ тысячи лѣтъ до нашего лѣтосчисленїя, уже имѣли точное свѣденїе о семъ годѣ.

Между тѣмъ люди, узнавъ продолженїе перїода солнечнаго, не только не переставали дѣлать наблюденїя надъ луннымъ, но еще старались соединить ихъ и уравнить ихъ теченїе. Къ сему побуждали многїя причины: во первыхъ, долгой солнечной перїодъ хотя и дѣлился на времена годовыя, однакожь все былъ неудобенъ. Увидѣли нужду въ лунномъ перїодѣ, для означенїя мѣсяцевъ и седмицъ, сихъ частей необходимо потребныхъ для точнаго измѣренїя времени: такъ малая монета въ денежныхъ счетахъ служитъ для дополненїя суммы. Однакожь мѣсяцы лунные, какъ мы скоро увидимъ,

были слишкомъ коротки, и не могли соотвѣтствовать періоду солнечному; не смотря на то; важныя причины заставляли принять оные.

Одна изъ сихъ причинъ состоитъ въ томъ, что религія предписывала отправлять торжествованія при каждомъ измѣненіи луны. Первой день каждаго мѣсяца, когда сіе свѣтило получало прежній блескъ свой, былъ днемъ торжественнаго празднованія, именуемаго *новомѣсячіемъ*, которое наблюдали всѣ народы безъ изключенія.

Праздники лунныхъ измѣненій столько же древни и столько же общи, какъ и праздники новомѣсячія. Они начались тогда, когда мѣсяцъ раздѣленъ на седмицы, то есть при началѣ общежитія. Сіе раздѣленіе извѣстно уже было во время Потопа; слѣдственно и празднованіе седмаго дня тогда уже было извѣстно. Въ древнемъ календарѣ Китайскомъ седмой день названъ *днемъ великимъ*; торговыя и судебныя дѣла тогда остановлялись. Въ книгѣ *Исхода* упоминается о субботѣ, какъ о праздникѣ, установленномъ во времена древнія. Извѣстно, что не одни Іудеи, но всѣ восточные жители чтили седмый день, только съ тою разницею, что у каждаго былъ день особой. Такъ напримѣръ Іудеи по своему закону торже-

ствовали субботу, а древнїе Арабы — пятницу. Магометъ, которой былъ только преобразителемъ старой религїи, удержалъ сей обычай. Пятница была послѣднимъ днемъ въ седмицѣ у Египтянъ по ихъ счету. Нѣкоторые народы въ Сибири, по свидѣтельству Гмелина, не работаютъ по пятницамъ, хотя впрочемъ дня сего не почитаютъ священнымъ. Наконецъ, если вѣрить Іосифу, не было ни одного народа ни Греческаго, ни варварскаго, гдѣ въ седмой день не переставали бы работать, или не зажигали бы свѣтильниковъ, или не наблюдали бы поста (*).

Праздники Календъ, Нонъ и Идъ, какъ выше сказано, въ несовершенствѣ представляли у Римлянъ раздѣленїе луннаго теченїя, и замѣняли собою праздники седмаго дня, съ точностїю наблюдаемые въ странахъ восточныхъ. Когда страны сїи покорены стали Риму, тогда ихъ обычаи сдѣлались извѣстными на Западѣ. Одинъ стихъ Овидїевъ показываетъ, что въ его время у Римлянъ имѣли почтенїе ко дню седмому (**). Сенека жаловался, какъ свидѣтельствуетъ блаженный Августинъ, что Іудейской обычай, почитать субботу, разпространился по всему мїру (***).

(*) См. Lib. 2, contra Apion, cap. 9.

(**) Nec pluvias vites, nec te peregrina morentur ſabbata. De rem. amor.

(***) De civit. Dei, VI, 11.

Безъ сомнѣнія тѣ же причины, — которыя заставляли праздновать первой день луннаго періода, и дни измѣненій луны — служили поводомъ установить празднованія при началѣ періода солнечнаго, также поворотовъ и равноденствій.

Кромѣ того что праздники солнечные гораздо новѣе лунныхъ, сіи послѣдніе всегда имѣли преимущество; начало солнечнаго періода было торжествуемо не прежде какъ по прошествіи ближайшей эпохи полнолунія. Такое обыкновеніе наблюдается нынѣ въ Китаѣ; тоже было у Египтянъ, Индіянъ, Цельтовъ, Германцевъ, Лакедемонянъ и другихъ Грековъ. Праздникъ Пасхи, принятый нами отъ Іудеевъ, подлежитъ тому же правилу. Извѣстно, сколько Христіянская Церковь почитала важнымъ сіе обстоятельство, и сколько употребляла стараній разположить такъ праздники, чтобы Пасха выходила въ полнолуніе, ближайшее къ эпохѣ весенняго равноденствія. Сіе обыкновеніе было главною побудительною причиною упражняться въ Астрономіи въ такъ называемые средніе вѣки.

Встарину Календарь былъ устроенъ не такъ хорошо, какъ нынѣ; способы предузнавать эпохи лунныхъ измѣненій и отношенія ихъ къ солнечному теченію, тогда

не были извѣстны каждому: ибо не всякой, кто захотѣлъ, могъ достать себѣ Календарь за дешевую цѣну. Чтобъ узнать, когда наступитъ праздникъ Пасхи, надлежало дѣлать ежегодно вычисленія. Сіи вычисленія сначала производились въ Александріи, хранилищѣ наукъ Астрономическихъ. Патріархъ давалъ извѣстіе главнымъ Церквамъ, которыя въ свою очередь увѣдомляли другія, себѣ подчиненныя. Но когда, по стеченію обстоятельствъ, трудно уже было посылать увѣдомленія, во многихъ городахъ и селахъ узнавали о днѣ Пасхи не прежде, какъ по прошествіи праздника. Особливо же по завоеваніи Египта Арабами, сношенія Патріарха Александрійскаго съ Церквами сдѣлались еще болѣе трудными. Каждая Церковь принуждена была дѣлать свои вычисленія, что и подало поводъ къ написанію множества книгъ о Пасхаліи въ средніе вѣки.

Возвратимся къ предмету. Изъ сказаннаго выше явствуетъ, что и послѣ открытія солнечнаго періода, праздники до вѣры относящіеся были разполагаемы по періоду лунному. Годъ солнечный по большой части примѣняемъ былъ къ дѣламъ гражданскимъ и полевымъ работамъ.

Были народы, напримѣръ древніе Арабы, которые съ суевѣрнымъ благочестіемъ

уважали годъ лунный, разполагали по немъ свои дѣла общественныя, и не хотѣли знать ни о какомъ другомъ. Отъ нихъ обыкновенїе сїе перешло къ Магометанамъ, у которыхъ годъ начинается попеременно весною, лѣтомъ, осенью и зимою; слѣдственно дѣлаетъ великое замѣшательство и въ календарѣ и въ лѣтосчисленїи. Это произходитъ отъ разности между годами солнечнымъ и лунным, — разности, которой, вопреки всѣмъ усилїямъ, никакъ не льзя уничтожить, чтобы согласить теченїе обоихъ свѣтилъ небесныхъ.

Всѣ труды Астрономовъ были тщетны. Хотѣли увеличить лунной перїодъ, чтобъ сравнить его съ солнечнымъ; но никакъ не могли сдѣлать круглаго счета, соотвѣтствующаго продолженїю года солнечнаго. Такъ, напримѣръ, двенадцать обращенїй луны, которымъ даютъ наименованїе года луннаго, составляютъ только триста пятьдесять четыре дня, восемь часовъ и нѣсколько минутъ; солнечный же годъ содержитъ въ себѣ триста шестьдесятъ пять дней и около шести часовъ (*). Слѣдственно

(*) Мѣсяцъ лунный есть двухъ родовъ: перїодическїй и синодическїй. Въ первомъ полагается двадцать семь дней и семь часовъ съ минутами; по прошествїи сего времени луна возвращается на ту точку неба, съ которой началось ея теченїе. Мѣсяцъ синодиче-

двенадцать періодовъ лунныхъ почти одиннадцатью днями короче одного солнечнаго, такъ что если оба свѣтила пустились бы въ путь свой съ одной точки на небѣ, то луна совершила бы кругъ свой одиннадцатью днями прежде, нежели солнце. На другой годъ разница выдетъ въ двадцати двухъ дняхъ, и такъ далѣе. Слѣдственно начало года луннаго безпрестанно удалялось отъ начала года солнечнаго; а какъ дни торжествованій были назначаемы по теченію луны, то и не могли они соотвѣтствовать временамъ года солнечнаго.

Кромѣ того, не было вѣрнаго способа узнавать минуту новолунія, отъ которой начинался мѣсяцъ. Іудеи и Римляне употребляли одно средство, а именно: когда приближалось время новолунія, посылали на возвышенныя мѣста людей, которые должны были ожидать появленія ночнаго свѣ-

---

скій есть время между удаленіемъ луны отъ солнца и ея соединеніемъ съ симъ свѣтиломъ; въ немъ считается двадцать девять дней, двенадцать часовъ, сорокъ четыре минуты. Сія разность происходитъ отъ того, что въ продолженіе луннаго теченія солнце подвигается далѣе на Эклиптикѣ, и что луна, не нашедши его на прежнемъ мѣстѣ, должна еще пройти нѣсколько пути, чтобъ съ нимъ соединиться.

тила. Примѣтивъ оное, тотчасъ доносили, кому надлежало; потомъ торжественно было объявляемо *новомѣсячіе*, или новая луна. Но извѣстно, что луна является не прежде, какъ нѣсколько дней спустя послѣ своего обновленія, а иногда, по причинѣ облачнаго неба, еще и позже; отъ того часто праздновали *новомѣсячіе*, когда луна уже переставала быть новою.

Кажется, что не лучшій былъ порядокъ и у Грековъ, которые, подобно прочимъ народамъ, назначали праздники свои по лунному теченію. Аристофанъ въ комедіи своей *Облака* заставляетъ говорить одно дѣйствующее лицо, что „боги ожидаютъ „жертвъ, которыя не приносятся уже въ „дни опредѣленные; что вмѣсто празднова„ній исполняются поценія, вмѣсто отдох„новеній совершаются тяжбы.“ Потомъ прибавляетъ: „на небѣ сердятся на луну „за то, что по ея небреженію у Аѳинянъ „календарь не исправленъ.“

Однакожь около временъ Аристофана Метонъ ввелъ въ употребленіе у Грековъ кругъ девятьнадцатилѣтній, по совершеніи котораго луна и солнце соединяются на прежней же точкѣ неба, и съ помощію котораго удобно можно вычислить эпохи новолунія. Нѣтъ сомнѣнія, что Метонъ заим-

ствовалъ кругъ сей на Востокѣ, гдѣ издревле былъ онъ извѣстенъ. Но Греки, привыкшіе присвоивать себѣ всѣ изобрѣтенія, приписали Метону открытіе сего періода, и въ жару восторга дали ему наименованіе *золотаго числа* сохранившееся до нашего времени.

Не всегда благоразуміе управляло восторгами Грековъ: они и по открытіи девятьнадцатилѣтняго періода не умѣли найти въ немъ всѣхъ выводъ, которыя сначала себѣ обѣщали. Брюмоа въ своемъ *Греческомъ Театрѣ* не смѣетъ рѣшительно утверждать, прежде или послѣ принятія сего періода Аристофанъ написалъ комедію *Облака*.

Намъ мало извѣстны обыкновенія временъ древнихъ; не льзя знать, какимъ образомъ въ продолженіе девятьнадцатилѣтняго періода соглашали лунное теченіе съ солнечнымъ для точнаго измѣренія времени. Впрочемъ кажется, что о семъ мало думали. Тѣ, которые хотѣли имѣть правильной годъ, держались періода солнечнаго, раздѣленнаго на двенадцать мѣсяцевъ, заключагшихъ въ себѣ по стольку дней, сколько было нужно для того, чтобы число мѣсяцовъ не превышало года. Такъ поступилъ Юлій Цезарь, когда исправлялъ Календарь Римскій. Надобно также думать, что сіе раздѣленіе извѣстно было

и древнимъ Египтянамъ, которые кромѣ седмицъ считали время еще десятками дней; отъ чего въ году содержалось тридцать шесть раздѣленій; каждымъ управлялъ особой Геній. Солнечной годъ ихъ состоялъ изъ трехъ сотъ шестидесяти дней, къ которымъ прибавляли еще пять дней, называемыхъ придаточными. По сему-то образцу составленъ во Франціи Календарь, несвойственно названный Республиканскимъ. Египтяне долго не заботились объ остающихся шести часахъ, которые надлежало прибавлять для дополненія года солнечнаго. Отъ того начало года по прошествіи пяти лѣтъ отставало однимъ днемъ, и приходило на прежнюю точку, спустя тысячу четыреста шестьдесять лѣтъ. Первой день года былъ посвященъ торжествованію въ честь Изидѣ; Египтяне думали, что дни будутъ отъ того счастливѣе, если каждой изъ нихъ въ свою очередь удостоится быть посвященнымъ богинѣ.

Грекамъ также извѣстны были мѣсяцы тридцатидневные, которые они раздѣляли на три равныя части; сіи части назывались мѣсяцами, *начальнымъ*, *среднимъ* и *конечнымъ*.

Упомянуто выше, почему годъ лунный имѣлъ преимущество передъ солнечнымъ.

До временъ Юлїя Цезаря, старались согласить оба года, и для того выдумали способъ прибавлять по нѣскольку дней къ году лунному, чтобы уравнить его съ солнечнымъ. Сїе обыкновенно возлагалось на жрецовъ, которые одни, бывъ просвѣщеннѣе своихъ единоземцевъ, могли надлежащимъ образомъ исполнить такое препорученїе. Способы прибавленїя были не вездѣ одинаковы, и хранились въ великой тайнѣ; по сей-то причинѣ дошли до насъ самыя невѣрныя и даже странныя о томъ преданїя.

Если вѣрить нѣкоторымъ Писателямъ, впрочемъ достойнымъ вѣроятїя, то годъ у первобытныхъ Римлянъ былъ весьма неправиленъ. Онъ состоялъ изъ десяти мѣсяцевъ, въ которыхъ считалось триста четыре дня; слѣдственно несоотвѣтствовалъ ни солнечному теченїю, ни лунному. Плутархъ говоритъ, что Нума исправилъ сей безпорядокъ, уполномочивъ жрецовъ дѣлать нужныя прибавки для составленїя полнаго года. Не извѣстно, какъ сначала жрецы исполняли сїе препорученїе; но около временъ Юлїя Цезаря ихъ обвиняли, будто они то увеличивали годъ въ пользу правительствующихъ особъ, отъ которыхъ получали деньги; то сокращали, чтобы приближить срокъ правленїя тѣхъ, коихъ не любили. Иногда дѣлали это для угожде-

нія откупщикамъ. Когда Юлій Цезарь приступилъ къ исправленію Календаря, все было въ такомъ безпорядкѣ, что праздники жатвы и собиранія винограда приходили совсѣмъ не въ тѣ времена года, когда надлежало имъ совершаться.

Народы — которыхъ праздники, впрочемъ разположенные по теченію лунному, назначены были въ извѣстныя эпохи года солнечнаго — конечно дѣлали прибавленія по особой методѣ, вѣрной и правильной; иначе, праздники ихъ не могли бы приходить ежегодно въ одно время. Ученые мужи думали, что Іудеямъ — которые праздновали Пасху обыкновенно въ полнолуніе, предшествующее весеннему равноденствію — извѣстенъ былъ тотъ самой кругъ (cycle), которой существовалъ во времена Іисуса Христа, и которой теперь знать было бы весьма полезно, для объясненія трудныхъ мѣстъ въ Новомъ Завѣтѣ, гдѣ Евангелисты повѣствуютъ о страданіи Спасителя.

Жрецы Элидскіе, безъ сомнѣнія, также имѣли вѣрное средство узнавать полнолуніе, предшествующее лѣтнему повороту солнца. Въ сію эпоху обыкновенно отправлялись игры Олимпійскія. Ихъ тайна была неизвѣстна въ прочихъ городахъ Греческихъ, изъ которыхъ,

какъ выше сказано, ни одинъ не имѣлъ Календаря правильнаго; точное опредѣленїе продолженїя года было причиною, что всѣ Греческїе Писатели считали время Олимпїядами. Самая исторїя ихъ начинаетъ быть порядочною и вѣрною со времени установленїя игръ Олимпїйскихъ. У Римлянъ не было такого праздника, для котораго надлежало бы соглашать теченїе солнечное съ луннымъ; потому-то Юлїй Цезарь мало думалъ о послѣднемъ. Онъ — по словамъ одного изъ Древнихъ — ничего болѣе не требовалъ отъ луны, кромѣ освѣщенїя, и установилъ годъ свой только по бѣгу солнечному. Мы приняли годъ сей для гражданскаго общежитїя; но годъ Церковный разполагается по соглашенному теченїю солнечному съ луннымъ.

Александрїйскїе Астрономы помогли Юлїю Цезарю устроить новое счисленїе времени. Многимъ казалось удивительно, почему Цезарь назначилъ началу года быть въ первой день Января, спустя семь дней послѣ зимняго поворота солнца, и почему бы не начинаться году съ эпохи поворота. Думаютъ, что во время исправленїя Календаря новолунїе случилось черезъ семь дней послѣ поворота солнца, и что Цезарь учредилъ начало своего года или по предразсудку, заставлявшему думать, будто новой годъ не-

премѣнно долженъ начинаться съ новолунія; или ласкаясь надеждою, что народы Имперіи, привыкшіе считать годы свои по теченію луны, не усомнятся принять новаго лѣтосчисленія.

Очень жаль, что потерянъ Указъ, обнародованный по сему случаю; въ немъ безъ сомнѣнія содержались начала, на которыхъ основано было новое счисленіе. Творецъ сего Указа не избѣжалъ насмѣшекъ даже отъ такихъ людей, которые могли видѣть всю пользу вводимаго порядка. Однажды въ присутствіи Цицерона говорили, что на другой день взойдетъ созвѣздіе Лиры. „Непремѣнно! — отвѣчалъ Ораторъ — по силѣ изданнаго Указа.“ Сія шутка показалась бы остроумною, еслибъ самъ Цицеронъ не жаловался въ своихъ сочиненіяхъ на безпрестанныя злоупотребленія, которыя жрецы дозволяли себѣ дѣлать вразсужденіи прибавки времени.

Цезарь, какъ сказано, не заботился о соглашеніи года луннаго съ солнечнымъ, слѣдственно не имѣлъ надобности въ другой прибавкѣ, кромѣ высокоса, которымъ по прошествіи каждыхъ четырехъ лѣтъ дополняется годъ солнечный, и которой остался въ употребленіи до нашего времени. Однакожъ Августъ почелъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя перемѣны, потому что жрецы не

совсѣмъ исправно выполнили препорученіе Юлія Цезаря.

Съ тѣхъ поръ Римляне имѣли годъ постоянный, хотя и не во всѣхъ провинціяхъ онъ былъ принятъ; многіе народы продолжали считать время по прежнему. Наконецъ годъ Юліанской выгодностію своею превзошелъ всѣ прочіе, и сдѣлался общимъ для всей Европы; въ концѣ шестьнадцатаго столѣтія Папа Григорій XIII исправилъ его, такъ что нынѣ Европа можетъ похвалиться самымъ лучшимъ порядкомъ въ лѣточисленіи.

Остается упомянуть еще о другихъ измѣреніяхъ времени, напримѣръ о періодахъ Астрономическихъ, извѣстныхъ подъ именемъ *великаго года*. Будемъ говорить о семъ предметѣ въ другой статьѣ.

Бернарди.

IV.

Якобъ Критонъ.

Шотландія произвела на свѣтъ многихъ людей знаменитыхъ; а особливо около половины прошлаго столѣтія въ ней образовались такіе Писатели, которыхъ слава до тѣхъ поръ сохранится во всемъ своемъ блескѣ, пока Европа останется въ нынѣшнемъ

положенїи. Въ Эдинбургѣ недавно вышла небольшая книжка, въ которой содержатся Бїографїи славныхъ мужей, родившихся въ Шотландїи. Переведемъ извѣстїе объ одномъ необыкновенномъ человѣкѣ, объ имени котораго, безъ сомнѣнїя, слыхали многїе изъ нашихъ читателей.

Яковъ Кричтонъ (*), извѣстный подъ именемъ *удивительнаго Кристона*, родился 1557 года въ Пертскомъ Графствѣ, въ Клуни, наслѣдственномъ своемъ помѣстьѣ. Онъ учился Грамматикѣ въ Пертской школѣ, а Философїи въ Сент-Андревсѣ. На двадцатомъ году отправился путешествовать. Желая возбудить вниманїе къ себѣ въ Парижѣ, и блеснуть своими знанїями, онъ объявилъ всѣмъ тамошнимъ Коллегїямъ, что имѣетъ намѣренїе поспорить съ Профессорами — съ каждымъ особо — во всѣхъ частяхъ учености на десяти разныхъ языкахъ, прозою или стихами. Въ назначенной день собралось три тысячи слушателей. Пятьдесятъ Магистровъ, которые тщательно приготовились къ ученому бою, предложили Кричтону труднѣйшїе вопросы. Онъ рѣшилъ всѣ задачи на тѣхъ языкахъ, на которыхъ были предложены; изъяснялся прилично, остроумно и съ непостижимою ученостїю. Четверо сла-

(*) Шотландцы произносятъ Крейтонъ.

вныхъ Докторовъ отважились вступить съ нимъ въ споръ; Кричтонъ опровергъ всѣ ихъ доказательства. Необъятныя знанія Шотландца возбудили во всѣхъ удивленіе и ужасъ; его сочли Антихристомъ. Сіи странные споры продолжались отъ девяти часовъ утра до шести вечера. Президентъ Университета торжественно превознесъ похвалами ученость Кричтона, потомъ, въ сопровожденіи четырехъ Профессоровъ, подошедши къ нему, вручилъ бриллiантовой перстень съ мѣшкомъ золота. Зрители громкими восклицаніями изъявили свое удовольствіе. Болѣе всего удивлялись тому, что Кричтонъ со дня вызова до самыхъ преній совсѣмъ не занимался науками, и нарочно показывалъ, что отъ книгъ бѣгаетъ; посѣщалъ общества, гдѣ играли въ карты, въ кости и въ мячь. Сіе страшное испытаніе ни мало не охладило въ немъ жару и не уменьшило обыкновенной живости. На другой день, въ присутствіи Французскихъ Принцовъ и многихъ придворныхъ Госпожъ, на играхъ каруселя пятьдесять разъ попалъ въ кольцо и переломилъ столько же копей. Почти два года спустя по одержаніи ученой побѣды въ Парижѣ, Кричтонъ пріѣхалъ въ Римъ, гдѣ равнымъ образомъ вызвалъ тамошнихъ Ученыхъ на пренія. Споры происходили въ присутствіи Папы, многихъ Кардиналовъ, Епископовъ и Докторовъ Богословіи. Всѣ удивля-

лись необыкновеннымъ его знаніямъ. Изъ Рима поѣхалъ въ Венецію; тамъ познакомился съ Альдомъ Мануціемъ, и въ честь сего славнаго возстановителя Литтературы сочинилъ стихи, которые и теперь многимъ извѣстны. Мануцій не столько удивлялся стихамъ, сколько необъятной учености бесѣды Кричтона, и отзывался объ немъ какъ о чудѣ. Наконецъ Кричтонъ, бывъ торжественно представленъ Дожу и Сенату, отправился въ Падуу. Слава предварительно возвѣстила о его прибытіи; Профессоры собрались для засвидѣтельствованія ему своего почтенія. Кричтонъ не готовясь произнесъ стихи въ похвалу города и собранія; потомъ шесть часовъ спорилъ съ Учеными о всякихъ предметахъ, до разныхъ наукъ относящихся.

Спустя нѣсколько времени онъ объявилъ, что намѣренъ открыть безчисленное множество заблужденій; которыми Университетъ обезобразилъ Аристотелеву Философію, — обнаружить высокомѣрное невѣжество ея изтолкователей, и опровергнуть мнѣнія многихъ славныхъ Математиковъ. Все сіе онъ вызвался рѣшить по обыкновенной методѣ Логической, или числами и Математическими фигурами, или стихами разныхъ родовъ и мѣръ. Извѣстно, что хвастовства тутъ совсѣмъ не было. Альдъ Мануцій, бывшій

при спорахъ, свидѣтельствуетъ, что Кричтонъ въ точности выполнилъ свое обѣщанїе.

Прежде отъѣзда его изъ Падуи, нѣкто по имени Архангелъ Мерценарїй захотѣлъ поспорить съ нимъ въ учености. Кричтонъ не только не отрекся удовлетворить его желанїе, но даже просилъ соперника выбрать для себя такую науку, въ которой онъ болѣе упражнялся. Сїя выгода, великодушно предложенная, послужила къ одержанїю блистательнѣйшей побѣды: Мерценарїй торжественно отдалъ преимущество Кричтону.

Достойно особливаго вниманїя, что такая необыкновенная ученость не была плодомъ безпрерывнаго упражненїя. Кричтонъ имѣлъ честолюбїе отличаться не только во всѣхъ наукахъ, но и въ искуствахъ: прїятно танцовалъ и ѣздилъ верьхомъ; превосходно рисовалъ и писалъ картины; пѣлъ и игралъ на музыкальныхъ инструментахъ. Въ каруселяхъ и турнирахъ никто не могъ съ нимъ равняться проворствомъ и искуствомъ.

Не на однѣхъ только примѣрныхъ битвахъ оказалъ онъ свое мужество. Одинъ шпажной боецъ, прославившїйся въ Европѣ своими побѣдами надо всѣми противниками, и удостоенный покровительства отъ Герцога Моденскаго, съ презрѣнїемъ вы-

зывалъ на сраженіе всѣхъ Рыцарей. Уже три воина пали подъ мечемъ сего Голіаѳа, и Герцогъ принужденъ былъ раскаеваться, что поспѣшилъ принять его подъ свое покровительство. Кричтонъ предложилъ ему сраженіе, и ударился объ закладъ о 1500 пистолей въ томъ, что одержитъ побѣду. Весь дворъ былъ свидѣтелемъ зрѣлища. Герцогу сперва не хотѣлось, чтобы человѣкъ, одаренный такими чудесными способностями, подвергалъ жизнь свою опасности противъ отчаяннаго бойца; но услышавъ о подвигахъ Кричтоновыхъ, далъ дозволеніе сражаться. Боецъ съ яростію бросился на противника. Кричтонъ съ хладнокровною неустрашимостію отражалъ удары; потомъ въ свою очередь напалъ на Италіянца. Утомленный боецъ не могъ отводить удары, наносимые рукою сильною и искусною; получилъ три раны, и — умеръ на мѣстѣ. Храбрый и благородный Кричтонъ не принялъ выигрыша, но предоставилъ его въ пользу вдовъ, которыхъ мужья лишились жизни отъ руки бойца.

Блистательныя дарованія и обширныя свѣденія Кричтона обратили на него вниманіе Герцога Мантуанскаго, которой выбралъ его въ Гофмейстеры для своего сына Винцентія Гонзаги, молодаго Принца, безпокойнаго и развращеннаго. Дворъ былъ весьма доволенъ симъ выборомъ. Желая изъ-

явить свою признательность Двору, а можетъ быть возбудить еще большее удивленіе къ своимъ талантамъ, Кричтонъ сочинилъ нѣкотораго рода Комедію, которую почитали самою остроумною сатирою на людей; самъ онъ представлялъ въ ней главныя лица. Съ неподражаемымъ искуствомъ и знаніемъ характеровъ игралъ здѣсь Ѳеолога, Философа, Юриста, Математика, Врача и солдата.

Судьбѣ угодно было прекратить жизнь Кричтона неожиданнымъ, ужаснымъ образомъ въ то время, когда онъ радовался своимъ новымъ званіемъ и осмѣивалъ свѣтскія глупости. Въ одинъ вечеръ на масленицѣ Кричтонъ ходилъ по улицамъ, играя на гитарѣ; вдругъ напало на него шесть человѣкъ въ маскахъ. Онъ тотчасъ прибѣгъ къ своему искуству и мужеству, которыя всегда были для него полезны. Всѣ незнакомые принуждены спасаться бѣгствомъ, кромѣ ихъ предводителя, которой будучи обезоруженъ, скинулъ маску и сказалъ: „Я Принцъ!“ Неустрашимый Гофмейстеръ узнавши, что это былъ въ самомъ дѣлѣ его воспитанникъ, не только даровалъ ему жизнь, но взявъ шпагу свою за клинокъ, поднесъ ее Принцу. Великодушной поступокъ не тронулъ развратнаго юноши. Извергъ, или будучи раздраженъ мужествомъ

противника, или же потерявъ разсудокъ отъ пьянства, ухватилъ шпагу, и вонзилъ ее въ грудь Кричтона.

Такимъ образомъ умеръ сей удивительной человѣкъ на тридцать второмъ году отъ рожденія. Дворъ Мантуанскій велѣлъ возложить общій трауръ по поводу сего печальнаго произшествія; безчисленное множество надписей и элегій оплакивало его кончину; явились вездѣ изображенія, гдѣ Кричтонъ былъ представленъ сидящимъ на конѣ верхомъ, держа въ правой рукѣ мечь, въ лѣвой книгу.

(*Изъ иностр. Журн.*)

V.

Смѣсь.

Въ началѣ Февраля мѣсяца умеръ въ Парижѣ извѣстный Писатель Ретифъ де ла Бретонъ, на 72 году отъ рожденія. Отецъ его былъ достаточной поселянинъ въ Саси, что близь Окзера. Ретифъ де ла Бретонъ, окончивъ свои науки, сдѣлался типографщикомъ въ Окзерѣ; потомъ опредѣлился въ Парижѣ къ факторской должности. Сочиненная имъ книга *Развращенный крестьянинъ*

здѣлала извѣстнымъ Решифа, и была причиною, что онъ, оставя ремесло типографщика, принялся за авторство. *Современники, Парижскія ночи* и болѣе тридцати, написанныхъ имъ, другихъ романовъ, составляютъ около *трехъ сотъ томовъ*. Онъ имѣлъ особливое дарованіе сочинять книги — не принимаясь за перо; приходилъ въ типографію, становился у ящика, выдумывалъ планъ и обстоятельства, и въ то же время набиралъ литеры. У него слогъ особенной, ему одному приличной; не совсѣмъ правильной, но сильной. Г. Решифъ былъ добръ и чистосердеченъ, слѣдственно имѣетъ право на сожалѣніе тѣхъ, которые знали его.

(*Изъ Фран. Журн.*)

❖

Искусный и остроумный художникъ, Г. Монъ, живущій съ нѣкотораго времени въ Берлинѣ, прошлаго года открылъ, въ старину извѣстное, средство писать на стеклѣ красками. Онъ успѣлъ уже изобразить сельскія мѣстоположенія, головы и гербы съ такимъ искуствомъ, которое достойно вниманія публики, хотя опыты сіи можно привести еще въ большее совершенство. Вообще думаютъ, что старинное искуство, нынѣ снова открытое, навсегда потеряно, и что объявленія художника суть выдумка шарлатана, которой хочетъ какъ-нибудь вы-

манить деньги. Однакожь публика конечно перемѣнитъ мнѣніе, когда узнаетъ; что Г. Монъ представлялъ работу свою Г-ну Клапроту; и получилъ отъ сего знаменитаго Химика вѣрнѣйшее свидѣтельство, что живопись его на стеклѣ не иначе можетъ разрушиться, какъ съ самимъ стекломъ. Кому изъ нашихъ читателей угодно будетъ пользоваться симъ прекраснымъ изобрѣтеніемъ, тотъ пусть отнесется къ самому художнику. Вотъ адресъ его: à M. Mohn, à Berlin, Friederichstrasse, No 62.

(*Изъ Фран. Журн.*)

*

Докторъ Струвъ, искусный Врачь, живущій въ Герлицѣ, Членъ *Лондонскаго Человѣколюбиваго Общества*, изобрѣлъ весьма полезную машину, съ помощію которой безъ дальнихъ приготовленій можно узнать, точно ли человѣкъ умеръ, или только кажется мертвымъ. Онъ назвалъ сію машину *испытателемъ жизни* (Lebensprüfer), и издалъ небольшое сочиненіе о томъ, какъ употреблять ее должно. Весь снарядъ приготовляется въ Герлицѣ подъ надзираніемъ самаго изобрѣтателя, и стоитъ 60 франковъ (около 20 рублей). Давно уже извѣстно, что Гальванизмъ имѣетъ свойство производить сильное раздраженіе, и польза его — относительно средства различать дѣйстви-

тельно мертваго человѣка отъ такого, которой кажется мертвымъ — уже признана учеными Мужами.

(*Изъ Фр. Журн.*)

Вотъ подробности страннаго произшествія, случившагося въ Геттингенѣ въ концѣ прошлаго года:

На другой день Рождества Христова нѣсколько Студентовъ на балѣ поссорилось съ молодыми мѣщанами и педелями Университета; дошло дѣло до драки; послѣдніе побѣдили первыхъ. Студенты, принеся жалобу въ Академическій Сенатъ, просили удовлетворенія, котораго однакожь не получили. Бывъ раздражены отказомъ, они рѣшились удалиться изъ города; 5 Января отправились въ дорогу, и пошли къ Миндену, Ганноверскому городу. Впереди ѣхалъ конной аван-гардъ; пѣхотной корпусъ шелъ по срединѣ, будучи сопровождаемъ вооруженными стрѣлками и нѣсколькими повозками для больныхъ и уставшихъ отъ дороги; конной арріер-гардъ заключалъ шествіе. Число всѣхъ Студентовъ простиралось до 500. У каждаго висѣлъ чемоданъ за плечами, и сабля на боку; на шляпѣ была пришита кокарда. Сіе войско, вышедши за

городскія ворота, затянуло военную пѣсню Шиллерову: *Мы ведемъ жизнь свободную* и проч. Такимъ образомъ питомцы Музъ пришли на ночлегъ въ самую дурную погоду, которая безпрестанно заглушала ихъ пѣніе. Четыре Квартермистра были посланы впередъ для занятія квартиръ. По прибытіи въ Минденъ воины разположились въ боевомъ порядкѣ передъ ратушею, и получивъ билеты, разошлись по квартирамъ, которыя назначены были въ гостинницахъ. Главная квартира помѣщена въ гостинницѣ подъ знакомъ *золотаго льва*; тутъ поставлена повозка съ военною казною подъ охраненіемъ особой стражи, которая въ назначенное время смѣнялась. Каждой Студентъ для составленія казны долженъ былъ взнести извѣстную денежную сумму, смотря по своему достатку. Въ девять часовъ били зорю. Въ Геттингенѣ осталось весьма немного Студентовъ — вмѣсто залога.

Академической Сенатъ, будучи въ крайне затруднительномъ положеніи, отправилъ нарочнаго курьера въ Ганноверъ, къ главному Правительству, которое немедленно издало прокламацію, обѣщающую всѣмъ Студентамъ, кромѣ трехъ начальниковъ мятежа, прощеніе. Войско, получивъ прокламацію, собралось на совѣтъ въ главную квартиру *золотаго*

льва. Прощенїе не принято; Студенты объявили, что оставятъ Геттингенъ на всегда, если три начальника ихъ не получатъ наравнѣ со всѣми прощенїя. Сенатъ принужденъ былъ согласиться. Студенты возвратились въ Геттингенъ.

Каждой Студентъ ежегодно издерживаетъ по 1000 франковъ, а многїе отъ 3 до 4000; слѣдственно тысяча Студентовъ приносятъ городу, каковъ Геттингенъ, около двухъ миллїоновъ. Вотъ причина, заставляющая смотрѣть сквозь пальцы на ихъ шалости, и давать имъ привилегїи, по которымъ освобождаются отъ подчиненности обыкновенной городской Полицїи, и состоятъ подъ вѣдомствомъ только Академическаго Сената.

ПОЛИТИКА.

I.

Историческое и политическое разсмотрѣніе торговли Венеціянъ и ихъ могущества на моряхъ, въ четырнадцатомъ и пятьнадцатомъ столѣтіяхъ.

Венеты, отъ которыхъ происходятъ Венеціяне, были однимъ изъ славнѣйшихъ и древнѣйшихъ народовъ Италіи. Они занимали страну обширную и плодоносную около Адріятическаго моря. Когда Римъ былъ еще только деревнею, въ то время въ Венетіи уже процвѣтали города Падуа, Алтинъ, Опитургіумъ и нѣкоторые другіе, намъ мало извѣстные. Гуны и Скиѳы, или Татары, предводимые Аттиллою, опустошили сіи прекрасныя области. Жители безпомощные, лишенные домовъ, объятые ужасомъ, бросились толпами на сосѣдственные острова; принесли туда свою дѣятельность, свою промышленность, и основали Венецію около пятаго столѣтія.

Новая республика, составленная изъ людей умныхъ и прилѣжныхъ, скоро уви-

дѣла, что отъ моря надлежитъ ожидать себѣ помощи, и что оно, служа ей оплотомъ противъ непріятелей, въ тоже время можетъ быть источникомъ богатства и могущества.

Привязанность къ Индійскимъ товарамъ, безъ которыхъ Европа никогда не могла обойтись, спустя потомъ нѣсколько времени, заставила учредить сообщеніе между Александріею, гдѣ производилась торговля, и пристанями западными. Купцы Венеціянскіе принимали въ сей торговлѣ самое большее участіе до того времени, пока Марсельцы не присвоили себѣ равнаго права пользоваться ея выгодами. Это случилось не задолго до эпохи Крестовыхъ походовъ.

Сіи походы, начавшіеся въ одиннадцатомъ столѣтіи, возбудили охоту къ мореплаванію въ народахъ Италіи, а особливо въ Венеціянахъ. Республика отдавала въ наемъ корабли свои Крестоносцамъ, и обязывалась доставлять имъ съѣстные припасы. Крестоносцы садились на корабли въ пристаняхъ Средиземнаго моря, плыли въ Далматію, а оттуда сухимъ путемъ отправлялись въ Константинополь. Пребываніе въ семъ городѣ, принадлежащемъ тогда Восточнымъ Императорамъ, въ обиталищѣ искуствъ и роскоши, родило новыя идеи и

новыя нужды въ ратникахъ. Возвратясь въ Европу, они принесли съ собою склонность къ наслажденіямъ и расточительности, къ которымъ привыкли въ Азіи. Съ того времени города западной Европы ощутили потребность въ большемъ количествѣ Индійскихъ произведеній. Венеціяне старались удовлетворять всѣ требованія тѣмъ съ большею ревностію, чѣмъ большую получали прибыль.

Торговля сія возрасла еще болѣе, когда Венеціяне вмѣстѣ съ военачальниками четвертаго Крестоваго похода покорили Константинополь. Области, бывшія во владѣніи преемниковъ Константиновыхъ, раздѣлены на четыре части: одна досталась новому Императору, а прочія три — Крестоносцамъ и Венеціянамъ. Тогда сіи послѣдніе сдѣлались обладателями обширныхъ провинцій, и особливо Греціи, откуда могли доставать шелкъ для тканія прекрасныхъ своихъ матерій. Могущество ихъ въ Константинополѣ послужило къ разпространенію торговли съ Индіею. Кромѣ средствъ, общихъ всѣмъ городамъ торговымъ, Венеція имѣла еще особливое преимущество и покупать и продавать съ великою для себя выгодою.

Шелкъ, жемчугъ и кисеи были привозимы изъ Индіи рѣками до Каспійскаго

моря, а оттуда черезъ Эвксинской Понтъ доставляемы въ Константинополь. Венеціяне, пользуясь свободнымъ доступомъ къ сему торговому городу, — которой изобиліемъ товаровъ превосходилъ всѣ другіе, кромѣ только одной Александріи — запасались тамъ произведеніями Индійскими и Китайскими. Во все время господствованія Латинъ въ столицѣ восточной Венеціяне имѣли на своей сторонѣ великія выгоды торговыя преимущественно передъ другими народами; ибо вся Европа черезъ нихъ получала восточные товары.

Генуазцы, — видя, какими преимуществами пользуются Венеціяне, ихъ соперники, отъ союза съ Константинопольскими Императорами, — соединились съ Греками, исповѣдающими вѣру восточную, и предположили свергнуть съ престола Императора, бывшаго подъ покровительствомъ Папы. Сіе, впрочемъ весьма отважное, намѣреніе увѣнчано желаемымъ успѣхомъ. Владычество Латинъ въ Константинополѣ опровергнуто, и возстановлена Греческая Монархія. Императоръ, награждая оказанную услугу, отдалъ Генуезцамъ предмѣстіе Перу въ ленное владѣніе, и столько уменьшилъ пошлины на ввозимые ими товары, что сіи республиканцы не имѣли соперниковъ въ торговыхъ своихъ оборотахъ.

Между тѣмъ Венеціяне старались вознаградить потерю, претерпѣнную ими сею

перемѣною; выпросили у Папы дозволеніе торговать съ Невѣрными, и вступили въ тѣснѣйшую связь съ Александріею. Республика заключила торговой договоръ съ Египетскими Князьями; опредѣлила Консуловъ въ Александріи и въ Дамаскѣ, поручивъ имъ должность разбирать торговыя распри подъ верьховнымъ управленіемъ тамошнихъ Владѣтелей. Прежде не было подобнаго обыкновенія; съ того времени начали отправлять торговыхъ Консуловъ въ приморскіе города Державъ чужестранныхъ.

Венеціянскій Нобль Сануто сочинилъ трактатъ о торговлѣ Индійской; въ немъ показано, сколь обширна была торговля Венеціянской Республики въ четырнадцатомъ столѣтіи.

Венеціяне получали товары свои двумя способами. Вещи мѣлкія по величинѣ, но дорогія цѣною, — напримѣръ: пряныя коренья, благовонныя вещества, шелкъ и драгоцѣнные камни — привозимы были Персидскимъ заливомъ, и вдоль по рѣкѣ Тигру, до Бассоры, а оттуда, черезъ Багдадъ, къ пристанямъ Средиземнаго моря; напротивъ того вещи большія препровождались по старинному пути торговому, которой былъ извѣстенъ при Птоломеяхъ; а именно, черезъ проливъ Бабельмандельской въ Чермное море,

оттуда сухимъ путемъ черезъ пустыни до рѣки Нила, и въ Александрію.

Въ семъ торговомъ городѣ Венеціяне всегда имѣли удобной случай получать товары, которые, бывъ доставляемы водою, продавались бы весьма дешево, если бы Князья Египетскіе не налагали тягостной пошлины, составлявшей третью долю цѣны; однакожь вопреки сей и многимъ другимъ невыгодамъ, надлежало покупать, потому что города торговые Франціи, Белгіи и Германіи безпрестанно требовали восточныхъ произведеній.

Путешествія Марка Павла (Марко Паоло), Сануто и многихъ другихъ Венеціянъ въ концѣ тринадцатаго вѣка и въ началѣ четырнадцатаго, еще болѣе способовъ производить торговлю доставили Республикѣ; они описали тѣ страны, въ которыхъ растутъ и приготовляются вещи, привозимыя въ Европу.

Произшествіе, случившееся въ половинѣ пятьнадцатаго столѣтія, разпространило морскую торговлю Венеціянской Республики. Магометъ II, Султанъ Турецкій, покоривъ Константинополь въ 1453 году, разрушилъ до конца остатокъ Восточной Имперіи. Непосредственно за сею перемѣною слѣдовало

изгнанїе Генуэзцовъ изъ Константинополя, а потомъ изъ Каффы, гдѣ они имѣли знатную контору. Такимъ образомъ Константинополь пересталъ быть мѣстомъ складки Индїйскихъ товаровъ, которые уже надлежало получать черезъ Египетъ и Сирїйскїя пристани, находившїяся во владѣнїи Мамелюковъ. Съ того времени Венецїяне — которые заключили договоры съ сими послѣдними, и умѣли воспользоваться благопрїятными обстоятельствами — захватили въ свои руки почти всю торговлю Индїи; они снабжали Европу восточными товарами до конца пятьнадцатаго столѣтїя, и распространили торговлю свою на морѣ такъ, что до тѣхъ поръ не было подобнаго примѣра.

Надобно замѣтить особливое средство, которое Венецїяне употребляли въ свою пользу. Въ древнїя времена Тиряне, Греки и Римляне вывозили изъ Индїи товары, и надѣляли ими страны западныя; нынѣ Португальцы, Голландцы и другїе народы Европы, слѣдуя ихъ примѣру, ѣздятъ тою же дорогою. Тогда жаловались, и нынѣ жалуются, что торговля необходимо лишаетъ Государства дорогихъ металловъ, которые, бывъ вывозимы на Востокъ, назадъ не возвращаются. Венецїяне не терпѣли сей потери; они не имѣли непосредственныхъ сношенїй съ Индїею, но находили въ Егип-

тѣ и Сиріи магазины, наполненные товарами, которые привозили Магометане. Оставшіяся извѣстія о подробностяхъ тогдашней торговли показываютъ, что Венеціяне болѣе *вымѣнивали* товары, нежели *покупали* на деньги. Они привозили въ Александрію и въ приморскіе города Сиріи: строевой лѣсъ, желѣзо, свинецъ, олово, мѣдь, сукна, шелковыя и шерстяныя матеріи, зеркала, оружіе, галантерейныя вещи, стекло и другіе товары, за которые получали въ Александріи: пряныя коренья, лѣкарственныя травы, дорогіе камни, жемчугъ, слоновую кость, хлопчатую бумагу, шелкъ и нѣкоторыя Египетскія произведенія; въ Алепѣ, Беритѣ и другихъ пристаняхъ Сиріи, кромѣ Индійскихъ товаровъ, привозимыхъ сухимъ путемъ, доставали еще ковры Персидскіе, прекрасный шелкъ сырецъ Дамасскій и нѣкоторыя произведенія Палестины и Аравіи. Если количество привозимыхъ товаровъ превосходило количество отпускаемыхъ, въ такомъ случаѣ золото и серебро, получаемыя отъ городовъ Ганзеатическихъ, употребляемы были на заплату за товары, купленные въ Египтѣ и Сиріи.

Правительство Венеціянское прилагало особливое стараніе о томъ, чтобы сдѣлать торговлю весьма выгодною для Государства. Извѣстное число большихъ кораблей на об-

щественномъ иждивеніи было посылаемо въ знатнѣйшія мѣста складки товаровъ на Средиземномъ морѣ; сіи корабли обыкновенно возвращались съ богатымъ грузомъ, которой продаваемъ былъ въ пользу казны общественной. Между тѣмъ правительство поощряло гражданъ всѣхъ состояній, а особливо дворянъ, принимать участіе во внѣшней торговлѣ. Кто отправлялъ корабль свой въ какую-нибудь чужестранную пристань, тотъ получалъ знатную награду. Такимъ образомъ Венеціяне — то на кораблях общественныхъ, то на судахъ, принадлежащихъ частнымъ людямъ — перевозили товары изъ Европы на Востокъ, и обратно.

Два обстоятельства показываютъ, съ нѣкоторою достовѣрностію, сколь великія выгоды доставляла сія торговля: вопервыхъ количество и цѣна товаровъ, продаваемыхъ въ Брюжѣ и въ городахъ Нѣмецкихъ; вовторыхъ, высокая цѣна процентовъ на деньги, — а это означаетъ, что деньги въ торговыхъ оборотахъ приносили большую прибыль.

Гишардинъ, отъ котораго мы имѣемъ превосходное описаніе Нидерландъ, сдѣлалъ подробной списокъ товаровъ, которые привозимы были въ сію часть Европы; упомянутые товары состояли изъ Индійскихъ произ-

веденій, служащихъ для роскоши, изъ прекрасныхъ шелковыхъ матерій, наконецъ изъ драгоцѣнныхъ утварей. Города Нидерландскіе, въ которыхъ Венеціяне складывали свои товары, имѣли участіе въ выгодахъ торговли; а особливо жители Брюжа въ одеждѣ, въ домахъ своихъ и въ образѣ жизни показывали чрезвычайную расточительность. Гишардинъ говоритъ, что Анна Наварская, супруга Филиппа Пригожаго, Короля Французскаго, проживши нѣсколько дней въ Брюжѣ, столько поражена была великолѣпіемъ и богатствомъ города, что отъ удивленія, а можетъ быть и отъ зависти, воскликнула: „Я думала, что одна буду здѣсь Королева; но теперь вижу ихъ цѣлыя сотни!“ Анверъ, сдѣлавшись также складкою товаровъ, въ свою очередь обогатился. Въ городахъ Нѣмецкихъ, а особливо въ Авгсбургѣ, гдѣ находились складки Индійскихъ товаровъ, нѣкоторые домы, бывшіе въ связи по торговлѣ съ Венеціянами, нажили несмѣтныя сокровища.

Сіи обстоятельства заставляютъ думать, что прибытки отъ торговли были чрезвычайны. Обратимъ еще вниманіе на денежные проценты. Отъ конца одиннадцатаго столѣтія до начала шестьнадцатаго, то есть пока торговля Венеціянская была въ цвѣтущемъ состояніи, проценты часто под-

нимались выше 20, и никогда не опускались ниже 12 въ городахъ Европейскихъ. Если прибытки отъ торговли столь обширной, какова была Венеціянская, соотвѣтствовали числу процентовъ, то остается заключить, что она служила обильнымъ источникомъ для обогащенія Республики и частныхъ гражданъ.

Правда, видимъ примѣръ, что Карлъ VIII, Король Французскій, едва могъ достать денегъ за *тридцать* и за *сорокъ* процентовъ, между тѣмъ какъ Венеціянскіе Сенаторы платили только по *пяти* и по *шести*. Но Робертсонъ замѣчаетъ, что послѣднее обстоятельство надлежитъ приписывать не другому чему, какъ патріотическому усердію гражданъ, которые хотѣли оказать пособіе правительству. Во время войны съ Феррарою, въ 1472 году, Сенатъ Венеціянскій велѣлъ всѣмъ гражданамъ представить правительству свою золотую и серебряную посуду, и обѣщалъ, по окончаніи войны, заплатить за нее деньги съ прибавкою по *пяти* процентовъ. Опредѣленіе было выполнено съ ревностію; но сіе обстоятельство равнымъ образомъ надлежитъ приписывать угрожавшей опасности и республиканскому духу, возбуждавшему въ Венеціянахъ любовь къ отечеству.

Историки четырнадцатаго вѣка и пятьнадцатаго упоминаютъ о богатствѣ и мо-

гуществѣ Венеціянъ не иначе, какъ съ крайнимъ удивленіемъ; нѣкоторыя событія показываютъ, что Венеція почиталась первымъ изъ морскихъ государствъ въ Европѣ.

Г. Денина въ книгѣ своей *О перемѣнахъ Италіи* замѣчаетъ, что морская сила Венеціянской Республики была равна, взятымъ вмѣстѣ, силамъ всѣхъ Государствъ, производившихъ торговлю на Средиземномъ морѣ. У Мураторія находимъ, что въ 1420 году Республика имѣла 3000 кораблей купеческихъ разной величины, на которыхъ считалось 17,000 матросовъ; далѣе — 300 огромнѣйшихъ кораблей и 8000 матросовъ, наконецъ 45 галеръ и 11000 матросовъ. *Шесть тысячъ* плотниковъ работало на верфтяхъ для правительства и для людей частныхъ (*).

Венеціяне, весьма сильные на морѣ, удобно могли покорять острова Леванта; могущество ихъ было очень твердо, и потери на землѣ очень мало вредили господствованію ихъ надъ влажною стихіею.

Амуратъ II, Султанъ Турецкій, въ 1422 году отнялъ у Венеціянъ Салонику, богатѣйшую изъ ихъ конторъ въ Македоніи; Магометъ II, въ 1451, — островъ Негре-

(*) См. Hist. Ital. Muratori, Tom. 22.

понтъ, и часть Мореи и Албанїи; Баязетъ II, въ 1481 — Лепантъ, Модонъ, Коронъ и Дураццо; Селимъ II, въ 1566 — Королевство Кипрское; наконецъ Магометъ IV, въ 1641 — островъ Кандїю.

Сїи потери были бы нечувствительны для Венецїи, и торговля скоро вознаградила бы ея ущербъ, если бъ не послѣдовали важныя перемѣны по случаю открытїя новаго пути въ Индїю, мимо мыса Доброй Надежды въ 1497 году. Отъ сей-то эпохи начинается упадокъ мореходства Венецїянской Республики и великихъ ея дѣйствїй на морѣ. Лиссабонъ и пристани Океана сдѣлались мѣстами складки Индїйскихъ произведенїй; торговля болѣе и болѣе разпространялась въ приморскихъ городахъ Атлантическаго Океана, вопреки всѣмъ усилїямъ Республики, которая вмѣстѣ съ Селимомъ II старалась тому воспрепятствовать.

Венецїя долго еще владычествовала на Средиземномъ морѣ. Ея изключительное господствованїе, кажется, приготовлено было такимъ произшествїемъ, которое свидѣтельствуетъ о славѣ ея и могуществѣ.

Папа Александръ III, гонимый Императоромъ Фридерикомъ Рыжебородымъ, въ 1177 году убѣжалъ въ Венецїю, гдѣ принятъ былъ со всѣми почестями, приличными

его сану. Раздраженный Императоръ послалъ противъ Венеціянъ своего сына Отона съ 75 галерами. Дожъ, Себастіянъ Зіани, съ тридцатью галерами встрѣтилъ непріятеля; не смотря на такое неравенство въ силахъ, вступилъ въ сраженіе при берегахъ Истріи, совершенно разбилъ флотъ Императорскій, плѣнилъ 48 галеръ и самаго Отона, котораго привелъ въ Венецію.

Папа, встрѣтивъ Дожа, подалъ ему кольцо съ руки своей, и сказалъ: „Пускай кольцо сіе служитъ цѣпью для удержанія морскихъ волнъ подъ властію Республики; обручитесь съ моремъ; впредь ежегодно въ день сей вы и ваши преемники возобновляйте торжество обрученія. Да знаетъ потомство, что вы оружіемъ приобрѣли господство надъ водами, и что море покорно вамъ, какъ жена своему мужу.“

Республика Венеціянская въ минувшемъ еще столѣтіи была довольно сильнымъ морскимъ государствомъ. Изъ обнародованнаго по повелѣнію правительства, въ 1788 году, показанія о состояніи Республики, видно, что морская сила Венеціи — раздѣленная на двѣ эскадры, надъ которыми начальствовали Кавалеръ Эмо и Кавалеръ Кондульмаръ — состояла изъ *шести* кораблей о 88 пушкахъ, *трехъ* о 80, *одномъ* о 54, *четырехъ* о 42, *одномъ* о 40, *трехъ* о 30, и *двухъ* о 16.

Кромѣ того Республика имѣла: въ Леванте — двенадцать галеръ, три галїота и двенадцать бригантинъ; при берегахъ Далматїи — тринадцать галїотовъ, четыре шебеки и столько же другихъ мѣлкихъ судовъ; всего кораблей и мѣлкихъ судовъ военныхъ восемьдесять.

Узаконенїя, до Венецїянскаго мореходства относящїяся, вообще весьма уважаются; въ нихъ особенно видны мудрость и порядокъ, почему онѣ и почитаются образцовыми въ морскомъ законодательствѣ.

Пристань Венецїянская есть одна изъ лучшихъ и безопаснѣйшихъ въ Европѣ какъ для кораблей купеческихъ, такъ и для военныхъ. Восхитительно смотрѣть на нее, а особливо отъ стороны моря: мачты съ своими вымпелами возвышаются между городскими зданїями.

Надобно думать, что сїя великолѣпная картина, сїе плѣняющее мѣстоположенїе подало Саннацару мысль сочинить слѣдующїе стихи о Венецїи:

Viderat Adriacis Venetam Neptunus in undis
Stare urbem, et toto ponere jura mari.
Nunc mihi Tarpejas quantumvis, Jupiter, arces
Objice, et illa tui moenia Martis, ait:
Si Tiberim pelago proefers, urbem aſpice utramque;
Illam homines dices, hanc poſuiſſe Deos.

Положенїе Венецїи весьма выгодно для торговли Леванта и Грецїи; сосѣдству ея съ Италїею и дѣятельному духу жителей надлежитъ приписывать степень благоденствїя, на которой находилась она въ минувшїя столѣтїя.

Пеше.

II.

Что разныя Государства приобрѣтаютъ, и чего лишаются по силѣ Пресбургскаго трактата?

Австрїя теряетъ: 2,595 квадратныхъ миль земли, 2,716.711 жителей и 16,060,000 флориновъ годоваго доходу.

Баварїя теряетъ Вирцбургъ и Швейнфуртъ, въ которыхъ 163 кв. мили земли, 243,000 жителей, и 2,850,000 флориновъ доходу. За то съ другой стороны приобрѣтаетъ: 1,227 кв. миль земли, 933,877 жителей, и 6,756,000 флориновъ доходу; слѣдственно выигрываетъ: 1,064 кв. миль земли, 690,877 жителей, и 3,900,000 флориновъ доходу. Нынѣшнее пространство Баварскаго, такъ называемаго, Королевства содержитъ въ себѣ 3,219 кв. миль земли; его населенїе простирается до 3,042,877

человѣкъ; доходъ состоитъ изъ 16,736,000 флориновъ.

Виртембергъ приобрѣтаетъ: 113 кв. миль земли, 155,524 жителей, и 866,000 флориновъ доходу. Все Королевство содержитъ въ себѣ 484 кв. миль земли, 924,463 жителя, 5,130,000 флориновъ доходу.

Баденъ приобрѣтаетъ: 125 кв. миль земли, 183,000 жителей, и 700,000 флориновъ доходу. Все Курфиршество содержитъ въ себѣ: 380 кв. миль земли, 615,794 жителя, и 3,700,000 флориновъ доходу.

Курфирстъ Сальцбургскій теряетъ: 418 кв. мили земли, 275,237 жителей, и 2,100,000 флориновъ доходу; получаетъ: 177 кв. миль земли, 259,331 жителя, и 2,900,000 флориновъ доходу.

Королевство Италіи приобрѣтаетъ: 1,422 кв. мили земли; 1,850,000 жителей и 10,000,000 флориновъ доходу; оно теперь содержитъ въ себѣ: 3,342 кв. мили земли, 5,657,062 жителя, и получаетъ 24,000,000 флориновъ доходу.

(*Изъ Нѣм. Журн.*)

III.

Письмо отъ Римскаго Императора къ Эрцгерцогу Карлу.

Любезный Братъ!

Послѣ случившихся несчастныхъ произшествій, и по заключеніи мира, стоившаго такихъ великихъ пожертвованій, необходимо нужно войска Монархіи привести въ новой порядокъ, которой соотвѣтствовалъ бы числу жителей и состоянію доходовъ Государственныхъ, и дать имъ способы усердно защищать мои наслѣдственныя области.

Для достиженія сей цѣли, вопервыхъ считаю нужнымъ пожаловать васъ Генералиссимомъ, и ввѣрить вамъ главное начальство надо всѣми моими войсками. Когда онѣ узнаютъ, что въ случаѣ новой войны будутъ находиться въ вашихъ повелѣніяхъ; то люди, служившіе уже подъ вашимъ предводительствомъ, приведутъ себѣ на память лавры, многократно приобрѣтенные ими на полѣ сраженій, гдѣ вы управляли; а другіе, бывъ одушевлены увѣренностію въ дарованіяхъ своего Начальника, въ его мужествѣ и нѣжной попечительности, вступятъ въ бой съ тою надежностію, которая обыкновенно предшествуетъ побѣдѣ.

Вмѣстѣ съ достоинствомъ Генералиссима, поручаю вамъ, любезный Братъ, начальство надо всѣми моими войсками въ мирное время; вы будете управлять военнымъ Совѣтомъ и всѣми Офицерами, къ нему принадлежащими. Сего дня получите, въ собственноручномъ письмѣ моемъ, подробное свѣденіе о моихъ намѣреніяхъ; въ немъ будетъ опредѣлено пространство власти вашей, и тѣхъ, которые находятся подъ вашимъ начальствомъ. Отъ вашего обширнаго ума и неутомимой дѣятельности ожидаю краткаго начертанія плановъ, которые почитаете нужными для приведенія къ совершенству великаго дѣла, вамъ поручаемаго. Я увѣренъ, что частыя путешествія, которыя предпринимать будете для обозрѣнія всего собственными глазами, и попеченія о томъ, чтобы ваши повелѣнія въ точности были выполняемы, совершатъ мои надежды, и увѣнчаютъ успѣхомъ ваши подвиги.

Вѣна. Подписано: *Францъ.*

10 Февр. 1806.

IV.

Извѣстія и замѣтанія.

Извѣстно, что Прусскій Министръ Графъ Гаугвицъ съ нѣкотораго времени живетъ въ Парижѣ, и ведетъ важные переговоры съ Французскимъ Министерствомъ. Теперь уже сіи переговоры приходятъ къ концу; слѣдствіемъ ихъ — какъ сказываютъ — должны быть великія перемѣны въ сѣверной Германіи. Маркизъ Лукезини, Прусскій Посолъ при Французскомъ правительствѣ находящійся, пріѣхалъ изъ Парижа въ Берлинъ, и лично имѣлъ съ Королемъ многократныя сношенія въ присутствіи Кабинетнаго Министра Барона Гарденберга и Фельдмаршала Меллендорфа; обратной отъѣздъ его во Францію послѣдуетъ весьма скоро. Не безъ причины полагаютъ, что тѣсной союзъ Фридриха Вильгельма съ Наполеономъ готовитъ многія безпокойства для Европы. Еще одно яблоко раздора брошено между Государствами. Пруссія, по силѣ соглашенія съ Франціею, уступила сей Державѣ Невшатель и Валенжень, Баваріи — Аншпахъ, Эрцгерцогу Фердинанду — Клевъ; а въ замѣну сама заняла Ганноверъ (*). Это

(*) Княжество Аншпахское содержитъ въ себѣ $62\frac{3}{4}$ кв. миль земли и 270,000 жителей; Княжество Невшательское и Графство Ва-

ничего еще не значитъ въ сравненіи съ тѣмъ, что — по увѣренію публичныхъ листковъ — должно впредь случиться. Пишутъ, что городъ Везель уступленъ будетъ Батавской Республикѣ, и что Лудовикъ Бонапарте получитъ достоинство Короля Голландскаго; далѣе — что Курфирстъ Гессенъ-Кассельскій также возведенъ будетъ на степень Королевскую и проч. и проч. — Достойно примѣчанія, что Прусскій Дворъ прежде всѣхъ призналъ Королемъ Курфирста Баварскаго. Примѣру его послѣдовалъ и Дворъ Дрезденскій.

Въ рѣчи, которую Наполеонъ Бонапарте произнесъ на тронѣ въ собраніи Членовъ Законодательнаго корпуса, можно замѣтить слѣдующія слова: „Домъ Неаполитанской „навсегда лишился своей короны. Весь полу„островъ Италіи составляетъ часть *великой* „Имперіи. . . . Неосторожно начавъ сраженіе, „мы потеряли *нѣсколько кораблей отъ бури.* „Однако жь я не могу выхвалить довольно „великодушія и усердія, изъявленныхъ при „семъ случаѣ Королемъ Испанскимъ для

ленженское — 17 кв. миль земли и 47,600 жителей; Герцогство Клевское на правомъ берегу Рейна — 23 кв. миль земли и 54,000 жителей; всего $99\frac{3}{4}$ мили и 371,600 жителей. Въ Курфиршествѣ Ганноверскомъ считается 570 кв. миль земли и около милліона жителей.

„общей пользы.“ Догадаются ли читатели, о какой потерѣ упоминаетъ Г. Бонапарте такъ коротко и съ такимъ хладнокровіемъ? О корабляхъ, потопленныхъ и отведенныхъ въ Англійскія пристани съ Адмиралами и матросами! словомъ, о Трафальгарскомъ сраженіи, и его слѣдствіяхъ! Это еще очень скромно.

Іосифъ Бонапарте въѣхалъ въ Неаполь 15 Февраля, остановился во дворцѣ Королевскомъ, и принималъ поздравленія отъ Членовъ правительства. На другой день былъ у обѣдни, которую совершалъ Кардиналъ Руффо. Извѣстно, что народъ имѣетъ великое уваженіе ко Святому Януарію; Іосифъ, желая полюбиться народу, на первой случай подарилъ сему Святому богатое алмазное ожерелье.

Болѣе ста тысячь Французскаго войска находится на правой сторонѣ Рейна; кажется, что оно стоять будетъ здѣсь еще очень долго. Аншпахъ, уступленный — какъ выше сказано — Баваріи, занятъ Французами. Маршалъ Бернадотъ издалъ прокламацію слѣдующаго содержанія: „Начальство и жители области Аншпахской! въ слѣдствіе соглашенія между Франціею и Пруссіею, Его Прусское Величество уступилъ Королю Баварскому Аншпахъ, которой и долженъ быть занятъ Французскими войсками въ то самое время,

когда войска Его Прусскаго Величества займутъ Ганноверъ. Но какъ Пруссія теперь дѣйствительно уже беретъ въ свое владѣніе Курфиршество Ганноверское, то мой Государь и повелѣлъ мнѣ приступить къ завладѣнію Аншпахомъ. Войско, мнѣ ввѣренное, потщится наблюдать доброй порядокъ; я стану весьма строго наказывать всякаго солдата, которой осмѣлился бы нарушить спокойствіе жителей. Доходы и налоги поземельные взяты будутъ въ постороннее вѣдомство мое для содержанія войскъ, находящихся въ области. Я съ своей стороны надѣюсь, что жители Аншпаха примутъ войско, мнѣ ввѣренное, и будутъ обходиться съ нимъ, какъ надлежитъ."

Жители города Криспино, что въ Италіянскомъ Королевствѣ, явившіе доброхотство Австрійцамъ при началѣ войны, наказаны отъ Наполеона Бонапарте слѣдующимъ образомъ: они теряютъ право гражданства, и почитаются колонистами, неимѣющими отечества; состоятъ подъ правленіемъ военнымъ; вмѣсто тюремнаго заключенія за вины, будутъ наказываемы палками; на нихъ наложена двойная подать. У городской ратуши будетъ прибита слѣдующая надпись: „Наполеонъ I, Императоръ Французовъ и Король Италіи, опредѣлилъ жителямъ Криспино не быть гражданами."

Г. Бонапарте переименовалъ республиканскій Пантеонъ храмомъ Св. Женевьевы, покровительницы Парижа; а церковь Св. Дениса, прежнее Аббатство, назначилъ быть мѣстомъ погребенія Императоровъ. Переведемъ декретъ, подписанный 20 Февраля.,, I. Церковь Св. Дениса назначается быть мѣстомъ погребенія Императоровъ. II. При ней будетъ Капитулъ, состоящій изъ десяти Каноническовъ, назначаемыхъ для священнодѣйствія. III. Каноники сего Капитула будутъ выбираемы изъ Епископовъ, имѣющихъ отъ роду болѣе 60 лѣтъ, которые не могутъ отправлять должность свою въ Епархіяхъ. Они въ семъ убѣжищѣ будутъ пользоваться всѣми почестями, преимуществами и денежнымъ жалованьемъ по своему сану. Великій Раздаватель милостыни будетъ начальникомъ Капитула. IV. Въ церкви Св. Дениса будутъ воздвигнуты четыре часовни, изъ которыхъ три должны быть тамъ, гдѣ находились гробницы трехъ Королевскихъ поколѣній, а четвертая на мѣстѣ, назначаемомъ для погребенія Императоровъ. V. Въ каждой часовнѣ Королевскихъ поколѣній будутъ поставлены мраморныя доски, съ означеніемъ именъ тѣхъ Королей, которымъ памятники воздвигнуты были въ церкви Св. Дениса. VI. Церковь Св. Женевьевы будетъ отдѣлана и возвращена религіи, сообразно съ намѣреніемъ ея основателя. VII. Ея назна-

ченіе остается тоже, какое опредѣлено Конституціоннымъ Собраніемъ: въ ней будутъ погребаемы великіе Сановники и великіе Офицеры Имперіи и Короны, Сенаторы, великіе Офицеры почетнаго Легіона, и — въ слѣдствіе особаго нашего опредѣленія — тѣ изъ гражданъ, которые на поприщѣ военномъ, или гражданскомъ, или ученомъ, окажутъ отличныя услуги отечеству. Тѣла ихъ, по намащеніи благоуханіями, будутъ полагаемы въ церкви подъ землею. VIII. Гробницы, хранящіяся въ Музеѣ Французскихъ памятниковъ, будутъ перенесены въ сію церковь и поставлены по порядку. IX. На главный Капитулъ церкви Богоматери, которой умножится шестью Членами, возложена будетъ обязанность совершать священнослуженіе въ церкви Св. Женевьевы. Наблюденіе надъ церковью будетъ поручено одному Протоіерею, выбранному изъ Каноников. X. Торжественное служеніе совершаемо будетъ 3 Января, въ праздникъ Св. Женевьевы, 15 Августа въ праздникъ Св. Наполеона и въ воспоминаніе заключенія Конкордата, въ день поминовенія за умершихъ, въ первое воскресенье Декабря въ воспоминаніе коронаціи и сраженія при Аустерлицѣ (!), и каждой разъ въ случаѣ погребенія; безъ нашего дозволенія въ упомянутой церкви не совершать никакого особаго священнодѣйствія. — Такія разпоряженія могутъ ввести

въ соблазнъ многихъ изъ читателей, и подать поводъ къ догадкамъ, не захочетъ ли набожный Г. Бонапарте на главу свою возложить тройственную корону съ ключами Св. Петра, и быть главою западной Церкви!

Поговоривъ о пастырѣ, разскажемъ теперь анекдотъ о словесныхъ овцахъ его. Въ Руанѣ слухи объ открытіи кометы разпространили великое безпокойство въ народѣ. Февраля 15, между жителями, собравшимися на набережной, ввечеру разнеслась молва, что въ слѣдующую полночь совершится *преставленіе свѣта*; всѣ толпами побѣжали въ церкви для приготовленія себя къ толь страшному произшествію. Вездѣ есть обманьщики и простяки, вездѣ есть хитрецы и грубые суевѣры; но можетъ быть нигдѣ невѣжество народа столько не полезно для правительства, какъ нынѣ во Франціи.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

АПРѢЛЬ, 1806.

№ 8.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Письма изъ Франціи къ одному Вельможѣ въ Москву.

(*Продолженіе.*)

ПАРИЖЪ $\frac{20}{31}$ Марта 1778 года.

Я видѣлъ *Лангедокъ*, *Провансъ*, *Дофине*, *Ліонъ*, *Бургонь*, *Шампань*. Первыя двѣ провинціи считаются во всемъ здѣшнемъ Государствѣ хлѣбороднѣйшими и изобильнѣйшими. Сравнивая нашихъ крестьянъ въ лучшихъ мѣстахъ съ тамошними, нахожу, безпристрастно судя, состояніе нашихъ несравненно счастливѣйшимъ. Я имѣлъ честь В-у С-у описывать частію причины оному въ прежнихъ моихъ письмахъ: но главною поставляю ту, что подать въ казну пла-

тится неограниченная, и слѣдственно собственность имѣнія есть въ одномъ только воображеніи. Въ семъ плодоноснѣйшемъ краю на каждой почтѣ карета моя была всегда окружена нищими, которые весьма часто, вмѣсто денегъ, имянно спрашивали, нѣтъ ли съ нами куска хлѣба. Сіе доказываетъ неоспоримо, что и посреди изобилія можно умереть съ голоду.

Осмотрѣвъ все то, что заслуживало любопытство въ сихъ провинціяхъ, пріѣхалъ я въ *Парижъ*, въ сей мнимый центръ человѣческихъ знаній и вкуса. Не имѣлъ я еще довольно времени въ немъ осмотрѣться, но могу увѣрить В. С., что стараюсь употребить каждой часъ въ пользу, примѣчая все то, что можетъ мнѣ подать справедливѣйшее понятіе о національномъ характерѣ. Неприлично изъясняться объ ономъ откровенно отсюда; ибо могутъ здѣсь почитать меня или льстецомъ, или осуждателемъ: но не могу же не отдать и той справедливости, что надобно отрещись вовсе отъ общаго смысла и истины, если сказать, что нѣтъ здѣсь весьма много чрезвычайно хорошаго и подражанія достойнаго. Все сіе однакожь не ослѣпляетъ меня до того, чтобъ не видѣть здѣсь столько же, или и больше, совершенно дурнаго, и такого, отъ чего насъ Боже избави. Словомъ:

сравнивая и то и другое, осмѣлюсь В — у С — у чистосердечно признаться, что если кто изъ молодыхъ моихъ согражданъ, имѣющій здравой разсудокъ, вознегодуетъ, видя въ Россіи злоупотребленія и неустройства, и начнётъ въ сердцѣ своемъ отъ нее отчуждаться; то для обращенія его на должную любовь къ отечеству, нѣтъ вѣрнѣе способа, какъ скорѣе послать его во *Францію*. Здѣсь конечно узнаетъ онъ самымъ опытомъ очень скоро, что всѣ разсказы о здѣшнемъ совершенствѣ сущая ложь; что люди вездѣ люди; что прямо умной и достойной человѣкъ вездѣ рѣдокъ, и что въ нашемъ отечествѣ, какъ ни плохо иногда въ немъ бываетъ, можно однако быть столько же счастливу, сколько и во всякой другой землѣ, если совѣсть спокойна и разумъ правитъ воображеніемъ, а не воображеніе разумомъ.

Будучи увѣренъ, что о здѣшнихъ политическихъ дѣлахъ В. С. увѣдомляетесь изъ Петербурга, не вхожу въ подробность оныхъ, но вообще имѣю честь донесть вамъ, Мил. Гос., что положеніе здѣшнихъ дѣлъ съ Англіею столь худо, что война конечно неизбѣжна. Франція употребила къ вооруженію своему все то время, въ которое Англія истощала силы свои въ войнѣ междоусобной; а приготовясь такимъ образомъ, сдѣлала трактатъ съ Американцами, какъ съ Державою

независимою. Сей трактатъ содержанъ былъ въ тайнѣ по тотъ часъ, въ которой Англичане рѣшились послать къ Американцамъ своихъ Коммисаровъ съ такими мирными кондиціями, какихъ имъ не принять почти нельзя. Для отвращенія сего примиренія, здѣшній Дворъ повелѣлъ своему въ Лондонѣ Послу объявить Англинскому Королю о подписаніи трактата. Говорятъ, что Король, выслушавъ отъ Посла объявленіе, сказалъ ему точно сіи слова: „Я „увѣренъ, что вашъ Государь предвидѣлъ „всѣ тѣ слѣдствія, кои отъ сего произой„дутъ.“ Сказавъ сіе, поворотился къ нему спиною. Потомъ дано было знать Послу, чтобъ онъ ко Двору болѣе не ѣздилъ, и отправленъ тотчасъ сюда курьеръ къ Послу Лорду Стормонту, чтобъ онъ немедленно безъ аудіенціи изъ Парижа выѣхалъ. Съ здѣшней стороны также изъ Лондона Посла своего воротили. Словомъ, война хотя формально и не объявлена, но сего объявленія съ часу на часъ ожидаютъ. *Франклинъ*, Повѣренной Американской у здѣшняго Двора, сказываютъ, на сихъ дняхъ акредитуется полномочнымъ Министромъ отъ Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ.

Я не примѣчаю, чтобъ приближеніе войны производило здѣсь большое впечатлѣніе. Въ первой день, какъ Англинской Посолъ

получилъ курьера съ отзывомъ, весь городъ заговорилъ о войнѣ; на другой день ни о чемъ болѣе не говорили, какъ о новой Трагедїи; на третїй объ одной женщинѣ, которая отравилась съ тоски о своемъ любовникѣ; потомъ о здѣшнихъ корабляхъ, которые Англичанами остановлены. Словомъ, одна новость заглушаетъ другую, и новая пѣсенка столько же занимаетъ Публику, сколько и новая война. Здѣсь ко всему совершенно равнодушны, кромѣ вѣстей. Напротивъ того всякїя вѣсти разсѣваются по городу съ восторгомъ, и составляютъ душевную пищу жителей Парижскихъ.

Обращусь теперь къ описанїю двухъ произшествїй, кои по приѣздѣ моемъ занимали Публику. Первое, поединокъ Дюка де Бурбона съ Королевскимъ братомъ Графомъ д' Артуа; а второе, прибытїе сюда Г-на. Вольтера.

Графъ *д' Артуа*, бывъ хмѣльной въ маскарадѣ, показалъ неучтивость Дюшессѣ *де Бурбонъ*, сорвавъ съ нее маску. Дюкъ, мужъ ея, не захотѣлъ стерпѣть сей обиды. А какъ не водится вызывать формально на дуэль Королевскихъ братьевъ, то Дюкъ сталъ вездѣ являться въ тѣхъ мѣстахъ, куда приходилъ Гр. д' Артуа, чѣмъ показывалъ ему, что его ищетъ, и требуетъ

неотмѣнно удовольствія. Нѣсколько дней Публика любопытствовала, чѣмъ сіе дѣло кончится. Наконецъ Гр. д' Артуа принужденнымъ нашелся выдти на поединокъ. Сраженіе минутъ съ пять продолжалось, и Дюкъ оцарапалъ его руку. Сіе увидя одинъ стоявшій подлѣ нихъ Гвардіи Капитанъ, доложилъ Дюку, что Королевской братъ пораненъ, и что какъ драгоцѣнную кровь щадить надобно, то не время ль окончать битву? На сіе Графъ сказалъ, что обиженъ Дюкъ, и что отъ него зависитъ, продолжать или перестать. Послѣ сего они обнялись, и поѣхали прямо въ спектакль, гдѣ Публика свѣдавъ, что они дрались, обернулась къ ихъ ложѣ и аплодировала имъ съ несказаннымъ восхищеніемъ, крича: *браво, браво, достойная кровь Бурбона! Я* свидѣтелемъ былъ сей сцены, о которой весьма бы желалъ видѣть мнѣніе В. С.

Прибытіе Вольтера въ Парижъ произвело точно такое въ народѣ здѣшнемъ дѣйствіе, какъ бы сошествіе какого-нибудь божества на землю. Почтеніе, ему оказываемое, ни чѣмъ не разнствуетъ отъ обожанія. *Я* увѣренъ, что еслибъ глубокая старость и немощи его не отягчали, и онъ захотѣлъ бы проповѣдывать теперь новую какую секту, тобъ весь народъ къ нему оборотился. В. С. изъ послѣдующаго усмотрѣть изволи-

те, можноль иное заключать изъ приему, которой сдѣлала ему Публика.

По прибытіи его сюда, сколько стихотворцы, ему преданные, пишутъ въ его славу, столько ненавидящіе его посылаютъ къ нему безъименныя сатиры. Первыя печатаются, а послѣднія нѣтъ; ибо Правительство запретило особливымъ указомъ печатать то, что Вольтеру предосудительно быть можетъ. Такое уваженіе сдѣлано ему сколько за великіе его таланты, столько и ради старости. Сей осьмидесяти-пятилѣтній старикъ сочинилъ новую Трагедію: *Ирена*, или *Алексій Комининъ*, которая была и представлена. Нельзя никакъ сравнять ее съ прежними: но Публика приняла ее съ восхищеніемъ. Самъ Авторъ за болѣзнію не видалъ первой репрезентаціи. Онъ только вчера въ первой разъ выѣхалъ. Былъ въ Академіи, потомъ въ Театрѣ, гдѣ нарочно представили его новую Трагедію.

При выѣздѣ со двора карета его препровождена была до Академіи безчисленнымъ множествомъ народа, непрестанно рукоплескавшаго. Всѣ Академики вышли на встрѣчу. Онъ посаженъ былъ на Директорскомъ мѣстѣ, и минуя обыкновенное балатированіе, выбранъ единодушнымъ восклицаніемъ въ

Директоры на Апрѣльскую четверть года. Когда сходилъ онъ съ лѣстницы и садился въ карету, тогда народъ закричалъ, чтобъ всѣ снимали шляпы. Отъ Академіи до Театра препровождали его народныя восклицанія. При вступленіи въ ложу Публика аплодировала многократно съ неописаннымъ восторгомъ; а спустя нѣсколько минутъ, старшій актеръ *Бризаръ* вошелъ къ нему въ ложу съ вѣнкомъ, которой и надѣлъ ему на голову. Вольтеръ тотчасъ снялъ съ себя вѣнокъ и съ радостными слезами въ слухъ сказалъ Бризару: „*Ah Dieu, vous voulez donc* „*me faire mourir!*„ (*) Трагедія играна была гораздо съ большимъ совершенствомъ, нежели въ прежнія представленія. По окончаніи ея новое зрѣлище открылось. Занавѣсъ опять былъ поднятъ. Всѣ актеры и актрисы, окружа бюстъ Вольтеровъ, увѣнчевали его лавровыми вѣнками. Сіе приношеніе Публика препроводила рукоплесканіемъ, продолжавшимся близь четверти часа. Наконецъ представлявшая *Ирену* актриса, Гжа *Вестрисъ*, обратясь къ Вольтеру, читала похвальные стихи. Для показанія своего удовольствія, Публика велѣла повторить чтеніе стиховъ, и аплодировала съ великимъ крикомъ. — Какъ же скоро Вольтеръ сѣлъ въ свою карету, то народъ остановивъ кучера закричалъ:

(*) Вы хотите уморить меня.

„*des flambeaux*, *des flambeaux*.“ По принесенїи факеловъ велѣли кучеру ѣхать шагомъ, и безчисленное множество народа съ факелами проводило его до самаго дому, крича непрестанно: *vive Voltaire!* — Сколь ни много торжествъ имѣлъ Г. Вольтеръ въ теченїи вѣка своего, но вчерашнїй день былъ безъ сомнѣнїя наилучшїй въ его жизни, которая однако скоро пресѣчется, ибо сколь онъ теперь благообразенъ, В. С. увидѣть изволите по приложенному здѣсь его портрепу, весьма на него похожему.

Чтожь надлежитъ до другаго чудотворца *Сен-Жермена*, я разстался съ нимъ дружески, и на предложенїе его, коимъ сулилъ мнѣ золотыя горы, отвѣтствовалъ благодарностїю, сказавъ ему, что если онъ имѣетъ толь полезные для Россїи проэкты, то можетъ отнестися съ ними къ находящемуся въ *Дрезденѣ* нашему Повѣренному въ дѣлахъ. Лѣкарство его жена моя принимала, но безъ всякаго успѣха; за изцѣленїе ея обязанъ я Монтпельевскому климату и орѣховому маслу; а славному Доктору Г. де ла Муру одолженъ я тѣмъ, что онъ не забылъ сего простаго лѣкарства между многими премудрыми, за которыя съ меня брали все, что взять могли.

ПАРИЖЪ $\frac{14}{25}$ Іюня 1778 года.

Употребляя все время моего въ Парижѣ пребыванія на осмотрѣніе сего пространнаго города, медлилъ я увѣдомлять васъ, Мил. Гос., о моихъ на него примѣчаніяхъ для того, что хотѣлъ сдѣлать ихъ съ большимъ основаніемъ и точностію. Вотъ истинная причина, для которой пишу отсюда другое только письмо къ В. С. Въ первомъ описывалъ я между прочимъ приемъ здѣсь Вольтера и бывшій поединокъ. Безпокоитъ меня, что о полученіи онаго не имѣлъ я счастія быть увѣдомленъ. Весьма было бы досадно, еслибъ оно, или ваше, было гдѣ нибудь удержано.

Не могу конечно сказать, чтобъ я и теперь зналъ Парижъ совершенно; ибо надобно жить въ немъ долго, чтобъ хорошенько съ нимъ познакомиться. По крайней мѣрѣ въ то короткое время, которое здѣсь живу, старался я узнать его по всей моей возможности. Беру смѣлость обременить В. С. весьма длиннымъ описаніемъ того, на что обращалъ я здѣсь мое вниманіе. Къ сему ободренъ я и послѣднимъ письмомъ вашимъ, которое имѣлъ я честь получить отъ 22 Февр., и изъ котораго къ сердечному моему удовольствію вижу, что продолженіе моихъ увѣдомленій вамъ угодно.

Счастїе сїе приписываю главному достоинству всѣхъ моихъ къ вамъ писемъ, что перо мое и сердце руководствуются искреннимъ къ вамъ усердїемъ и правдою, которую во всѣхъ описанїяхъ моихъ соблюсти стараюсь.

Парижъ можетъ по справедливости назваться сокращенїемъ цѣлаго мїра. Сїе титло заслуживаетъ онъ по своему пространству и по безконечному множеству чужестранныхъ, стекающихся въ него отъ всѣхъ концовъ земли. Жители Парижскїе почитаютъ свой городъ столицею свѣта, а свѣтъ своею провинцїею. Бургонїю, напримѣръ, считаютъ близкою провинцїею, а Россїю дальнею. Французъ, прїѣхавшїй сюда изъ Бурдо, и Россїянинъ изъ Петербурга, называются равномѣрно чужестранными. По ихъ мнѣнїю, имѣютъ они не только наилучшїе въ свѣтѣ обычаи, но наилучшїй видъ лица, осанку и ухватки, такъ что первой и учтивѣйшїй комплиментъ чужестранному состоитъ не въ другихъ словахъ, какъ точно въ сихъ: Monsieur, vous n'avez point l'air étranger du tout, je vous en fais bien mon compliment (*). Возмечтанїе ихъ о своемъ разумѣ дошло до такой глу-

(*) Вы совсѣмъ не походите на чужестраннаго; поздравляю васъ!

ности, что рѣдкой Французъ не скажетъ самъ о себѣ, что онъ преразуменъ. — Видя, что разумъ вездѣ рѣдокъ, и что въ одной Франціи имѣетъ его всякой, примѣчалъ я весьма прилѣжно, нѣтъ ли какой розницы между разумомъ Французскимъ и разумомъ человѣческимъ; ибо казалось мнѣ, что весьма унизительнобъ было для человѣческаго рода, рожденнаго не во Франціи, еслибъ надобно было необходимо родиться Французомъ, чтобъ быть неминуемо умнымъ человѣкомъ. Дабы сдѣлать сіе изысканіе, примѣнивалъ я къ здѣшнимъ умницамъ знаменованіе разума въ цѣломъ свѣтѣ. Я нашолъ, что для нихъ оно слишкомъ длинно; они гораздо его для себя поукоротили. Чрезъ слово разумъ по большой части понимаютъ они одно его качество, а именно остроту его, не требуя отнюдь, чтобъ она управляема была здравымъ смысломъ. Сію остроту имѣетъ здѣсь всякой безъ выключенія; слѣдственно всякой безъ затрудненія умнымъ здѣсь признается. Всѣ сіи умные люди на двѣ части раздѣляются: тѣ, которые не очень словоохотны, и какихъ однакожь весьма мало, называются *Philosophes* (*); а тѣмъ, которые врутъ неумолкно, и каковы почти всѣ, дается титутъ *aimables* (**). Судятъ всѣ обо всемъ

(*) Философы.
(**) Любезные.

рѣшительно. Мнѣніе перваго есть мнѣніе наилучшее; ибо спорить не любятъ, и тотчасъ съ великими комплиментами соглашаются; потому что не быть одного мнѣнія съ тѣмъ, кто сказалъ уже свое, хотя бы и преглупое, почитается здѣсь совершеннымъ *незнаніемъ жить*: и такъ, чтобъ слыть умѣющимъ жить, всякой отказался имѣть о вещахъ свое собственное мнѣніе. Изъ сего заключить можно, что за истиною не весьма здѣсь гоняются. Не о томъ дѣло, что сказать, а о томъ, какъ сказать. Я часто примѣчалъ, что иной говоритъ цѣлой часъ къ удовольствію своихъ слушателей, не будучи ими вовсе понимаемъ, и точно для того, что самъ себя не разумѣетъ. Со всѣмъ тѣмъ по окончаніи вранья называютъ его *aimable et plein d'esprit* (*). Сколько излишне здѣсь говоря думать, столь нужно какъ наискорѣе перенять самыя мѣлочи въ обычаяхъ, потому что нѣтъ вѣрнѣе способа прослыть на вѣкъ дуракомъ, потерять репутацію, погибнуть невозвратно, какъ если, напримѣръ, спросить при людяхъ пить между обѣдомъ и ужиномъ. Кто не согласится скорѣе умереть съ жажды, нежели напившись влачить въ презрѣніи остатокъ своей жизни? Сіи мѣлочи составляютъ цѣлую науку, занимающую время и умы боль-

(*) Любезнымъ и умнымъ.

шей части путешественниковъ. Они тѣмъ ревностнѣе въ нее углубляются, что живутъ между націею, гдѣ *ridicule* (*) всего страшнѣе. Нужды нѣтъ, если говорятъ о человѣкѣ, что онъ имѣетъ злое сердце, негодной нравъ; но если скажутъ, что онъ *ridicule*, то человѣкъ дѣйствительно пропалъ, ибо всякой убѣгаетъ его общества. — Нѣтъ способнѣе Французовъ усматривать смѣшное, и нѣтъ націи, въ которой бы самой было столь много смѣшнаго. Разумъ ихъ никогда самъ на себя не обращается, а всегда устремленъ на внѣшніе предметы, такъ что всякой, осмѣивая другаго, никакъ не чувствуетъ, сколько самъ смѣшонъ. Упражняясь весь свой вѣкъ, можно сказать, не въ себѣ, но внѣ себя, никто слѣдственно не проницаетъ въ подробность, а довольствуется смотрѣть на одну вещей поверхность; ибо познавать подробности не возможно, не разсматривая операціи своего собственнаго разума, чтобъ видѣть, не ошибаюсь ли самъ въ моихъ разсужденіяхъ. Я думаю, что сія причина мѣшаетъ здѣшней націи успѣвать въ наукахъ, требующихъ постояннаго вниманія, и что отъ того считаютъ здѣсь одного Математика на двѣсти Стихотворцовъ, разумѣется дурныхъ и хорошихъ. Европа почитаетъ Французовъ хитрыми. Не знаю, не

(*) Быть смѣшнымъ.

предразсудокъ ли заставляетъ имѣть о нихъ сіе мнѣніе. Кажется, что вся ихъ прославляемая хитрость отнюдь не та, которая располагается и производится разсудкомъ, а та, которая обьемлется вдругъ воображеніемъ и очень скоро наружу выходитъ. Слушаться разсудка и во всемъ прибѣгать къ его суду, скучно; а Французы скуки терпѣть не могутъ. Чего не дѣлаютъ они, чтобъ избѣжать скуки, т. е. чтобъ ничего не дѣлать! И дѣйствишельно всякой день здѣсь праздникъ. Видя съ утра до ночи безчисленное множество людей въ непрестанной праздности, удивиться надобно, когда что здѣсь дѣлается. Не упоминая о садахъ, всякой день пять театровъ наполнены. Всѣ столько любятъ забавы, сколько трудовъ ненавидятъ; а особливо чорной работы народъ терпѣть не можетъ. За то нечистота въ городѣ такая, какую людямъ, не вовсе оскотинившимся, переносить весьма трудно. Почти нигдѣ нельзя отворить окошка лѣтомъ отъ зараженнаго воздуха. Чтобъ имѣть все подъ руками и ни за чемъ далеко не ходить, подъ всякимъ домомъ подѣланы лавки. Въ одной блистаетъ золото и наряды, а подлѣ нее въ другой вывѣшена битая скотина съ текущею кровью. Есть улицы, гдѣ въ сдѣланныхъ по бокамъ стокахъ течетъ кровь, потому что не отведено для бойни особливаго мѣста. Такую же мерзость нашолъ

я и въ прочихъ Французскихъ городахъ, которые всѣ такъ однообразны, что кто былъ въ одной улицѣ, тотъ былъ въ цѣломъ городѣ; а кто былъ въ одномъ городѣ, тотъ всѣ города видѣлъ. Парижъ передъ прочими имѣетъ только то преимущество, что наружность его несказанно величественнѣе, а внутренность сквернѣе. Напрасно говорятъ, что причиною нечистоты многолюдство. Во Франціи множество маленькихъ деревень, но ни въ одну нельзя въѣзжать не зажавъ носа. Со всѣмъ тѣмъ привычка, отъ самаго младенчества жить въ грязи по уши, дѣлаетъ, что обоняніе Французовъ ни мало отъ того не страждетъ. — Вообще сказать можно, что вразсужденіи чистоты перенимать здѣсь нечего, а вразсужденіи благонравія еще меньше. Удостовѣрясь въ сей истинѣ, искалъ я причины, что привлекаетъ сюда такое множество чужестранныхъ.

Общество: но смѣло скажу, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ чужестранцу войти въ здѣшнее общество; слѣдственно и вошло ихъ очень мало. Внутреннее ощущеніе здѣшнихъ господъ, что они даютъ тонъ всей Европѣ, вселяетъ въ нихъ гордость, отъ которой защититься не могутъ всею добротою душъ своихъ; ибо дѣйствительно въ большой ихъ части душевныя расположенія весьма похваляются. — Сколько надобно стараній,

исканій, низкостей, чтобъ впущену быть въ знатной домъ, гдѣ однакожь ни словомъ гостя не удостоиваютъ. Имѣя сей примѣръ предъ собою въ моихъ любезныхъ сограждданахъ, разчелъ я, что по краткости времени моего здѣсь пребыванія не для чего покупать такъ дорого знакомство, или, справедливѣе сказать, собственное свое униженіе. Я нашелъ множество другихъ интереснѣйшихъ вещей къ моему упражненію; а видѣть здѣшнихъ вельможъ и ихъ обращеніе довольствовался я при случаяхъ, удачею мнѣ представлявшихся. Впрочемъ, чтобъ В. С. имѣть ясное понятіе, какъ здѣсь наши и прочіе вояжиры принимаются, то надлежитъ себѣ представить въ Петербургѣ К. К. М. и сему подобное. Всякой, увидясь съ ними взглянетъ на нихъ ласково, за визитъ пришлетъ карточку, равно какъ и дамы наши отдаютъ женамъ ихъ визиты: но кто имѣетъ или имѣть захочетъ съ ними всегдашнее общество? Вотъ точное здѣсь положеніе между прочими и нашихъ господъ и госпожъ, относительно знатныхъ здѣшнихъ домовъ. Чувствуя, что Богъ создалъ насъ не хуже ихъ людьми, каково же быть Волохами? Не понимаю, какъ можно, почитая самаго себя, кланяться, добиваться и ставить за превеличайшее счастіе и честь такія знакомства, въ которыхъ не можетъ быть ника-

кого удовольствія, потому что есть большое униженіе.

Ученые люди: но изъ невѣроятнаго множества чужестранныхъ можетъ быть тысячной человѣкъ пріѣхалъ сюда съ намѣреніемъ воспользоваться своимъ здѣсь пребываніемъ для приращенія знаній своихъ. А притомъ и о здѣшнихъ Ученыхъ можно по справедливости сказать, что весьма мало изъ нихъ соединили свои знанія съ поведеніемъ. *Томасъ*, сочинитель переведеннаго мною Похвальнаго Слова Марку Аврелію, *Мармонтель* и еще нѣкоторые, ходятъ ко мнѣ въ домъ. Весьма учтивое и пріятельское ихъ со мною обхожденіе не ослѣпило глазъ моихъ на ихъ пороки. Изключая Томаса, котораго кротость и честность мнѣ очень понравились, нашелъ я почти во всѣхъ другихъ много высокомѣрія, лжи, корыстолюбія и подлѣйшей лести. Конечно ни одинъ изъ нихъ не поколеблется сдѣлать презрительнѣйшую подлость для корысти или тщеславія. Я не нахожу, чтобъ въ свѣтѣ такъ мало другъ на друга походило, какъ Философія на Философовъ.

По точномъ разсмотрѣніи, вижу я только двѣ вещи, кои привлекаютъ сюда чужестранныхъ въ такомъ множествѣ. *Спектакли* и — съ позволенія сказать — *дѣвки*. Если двѣ

сіи приманки отнять сегодня, то завтра двѣ трети чужестранныхъ разъѣдутся изъ Парижа. Безчинство дошло до такой степени, что знатнѣйшіе люди не стыдятся сидѣть съ дѣвками въ ложахъ публично. Сіи твари осыпаны бриліантами. Великолѣпные домы, столы, экипажи... словомъ, онѣ однѣ наслаждаются всѣми благами міра сего. Съ какимъ искуствомъ умѣютъ онѣ соединять прелести красоты съ пріятностью разума, чтобъ уловить въ сѣти жертву свою! Сею жертвою по большой части бываютъ чужестранцы, кои привозятъ съ собою обыкновенно денегъ сколь можно больше, и если не всегда здравой умъ, то по крайней мѣрѣ часто здравое тѣло; а изъ Парижа выѣзжаютъ, потерявъ и то и другое, часто невозвратно. Я думаю, что если отецъ не хочетъ погубить своего сына, то не долженъ посылать его сюда ранѣе двадцати пяти лѣтъ, и то подъ присмотромъ человѣка, знающаго всѣ опасности Парижа. Сей городъ есть истинная зараза, которая хотя молодаго человѣка не умерщвляетъ физически, но дѣлаетъ его на вѣкъ шалуномъ и ни къ чему неспособнымъ, вопреки тому, какъ его сдѣлала Природа, и какимъ бы онъ могъ быть не ѣздя во Францію.

Что же надлежитъ до спектаклей, то Комедія возведена здѣсь на возможную сте-

пень совершенства. Не льзя, смотря ее, не забыться до того, чтобъ не почесть ее истинною исторіею, въ тотъ моментъ происходящею. Я никогда себѣ не воображалъ видѣть подражаніе Натурѣ столь совершеннымъ. Словомъ, Комедія въ своемъ родѣ есть лучшее, что я въ Парижѣ видѣлъ. Напротивъ того Трагедію нашелъ я посредственною. По смерти Лекеневой она гораздо поупала. Оперу можно назвать великолѣпнѣйшимъ зрѣлищемъ. Декораціи и танцы прекрасны, но пѣвцы прескверны. Удивился я, какъ можно безстыдно такъ ревѣть, а еще болѣе, какъ можно такой ревъ слушать съ восхищеніемъ!

Обременилъ я В. С. моимъ пространнымъ описаніемъ. Чувствую, что письмо мое сколь длинно, столь и нескладно: но посылаю его, будучи увѣренъ, что вы, Мил. Госуд. взирать будете не на слогъ его, но на усердіе, съ которымъ я хотѣлъ исполнить повелѣніе ваше въ доставленіи вамъ моихъ примѣчаній на Францію.

(Окончаніе въ слѣд. Нумерѣ).

II.

Нотное размышленіе.

Уже ко западу склонилось
Ты, солнце; кроешься — сокрылось; —
Зари вечерней блѣдный цвѣтъ
Древесъ струится на вершинахъ;
Престолъ свой ставитъ ночь въ долинахъ,
Ей скипетръ отдалъ дневный свѣтъ,
И въ видѣ зарева багрова,
Земныхъ паровъ изъ за покрова,
Чело возвысила луна —
Предтечей звѣздъ въ нощи она.

*

Никакъ чертогъ открылся брачный!
Мелькаютъ, какъ сквозь флеръ прозрачный,
На небѣ тысящи лампадъ,
Невидимой рукой возженны;
Картины тамъ изображенны,
Красящія лазурный градъ. —
И мѣсяцъ какъ женихъ явился,
Съ землею будто обручился;
Сребристый изливая свѣтъ,
Ей въ даръ жемчужну росу шлетъ.

*

Златой порфирой облеченный,
Какъ Царь, во славѣ окруженный
Блестящей свитою своей:
Такъ мѣсяцъ межь планетъ сіяетъ,

И тихо, тихо путь свершаетъ,
Любуясь зримою землей;
Съ ней чаетъ будто съединиться,
Въ водахъ прозрачныхъ погрузиться,
Смотря на рощи и цвѣты,
Скатиться хочетъ съ высоты.

*

Но кто мірамъ даетъ законы,
Безчисленные легіоны
Кто движетъ стройно въ ихъ кругахъ?
Текутъ, какъ войски ополченны,
Висятъ ни чѣмъ не подкрѣпленны,
Органъ составя въ небесахъ! —
Се Тотъ, Кто зримую вселенну,
Въ ничтожности запечатлѣнну,
Единымъ словомъ сотворилъ;
Воззрѣлъ, — и свѣтомъ озарилъ.

*

Чудесъ такихъ не понимаю.
Въ восторгѣ, Боже! преклоняю
Мои колѣна предъ Тобой;
Для смертнаго необычайны,
Въ Твои проникнуть вѣчны тайны
Не созданъ бренный разумъ мой;
Тебѣ я созданъ покланяться,
Твоимъ твореньемъ восхищаться,
Всѣмъ сердцемъ Господа любить,
И прахомъ предъ Тобою быть.

*

Но если Бога ощущаю,
Люблю Его, — о Немъ вѣщаю,
Льзяль быть мнѣ мертвымъ существомъ?
Нѣтъ! — я безсмертный духъ имѣю,
Наречься Божьимъ сыномъ смѣю,
Могу сліяться съ Божествомъ; —
Вѣщаютъ: будто вся вселенна
Во бытіи моемъ вмѣщенна;
Въ немъ солнца и луны краса,
И въ маломъ кругѣ небеса.

*

Въ задумчивость меня приводитъ,
Когда на горизонтъ восходитъ
Дрожащимъ шествіемъ луна;
Природа вся умолкнувъ дремлетъ,
Не видитъ око, — слухъ не внемлетъ,
Но шепчетъ мнится тишина,
Что нѣчто свыше есть такое,
Которое на все земное,
Когда явится звѣздный тронъ,
Спасительный наводитъ сонъ.

*

Подъ синимъ сводомъ ясной ночи
Дерзаю мысленныя очи
Къ селеньямъ горнимъ вознести;
Взношусь! — среди міровъ летаю,
Предѣловъ имъ не обрѣтаю,
Ни имъ числа не льзя найти; —

Остановилась мысль смущенна! —
На всѣхъ планетахъ положенна
Божественной руки печать! —
Творенью льзяль Творца понять?

*

Отъ неба искра отдѣлилась,
Она звѣздою мнѣ явилась,
Огнистою струей течетъ, —
Изчезла! — знать міровъ Создатель,
Надменной гордости Каратель,
Къ намъ вѣстника на землю шлетъ,
И смертному урокъ дается,
Что выше мѣры кто взнесется,
Занявъ ученья ложный свѣтъ,
Тотъ въ бездну глубоко падетъ.

*

Не умствуйте о Богѣ ложно,
Понять Его умомъ не можно;
А намъ и нощь, и дневный свѣтъ,
И небо, и земля, и воды,
Былинка, камень, гласъ Природы,
Что есть Создатель, вопіетъ;
Натуры дремлющей въ молчаньѣ,
Мнѣ звѣзды, лунное сіянье,
Путь млечный зримый къ небесамъ,
Вѣщаютъ громко: Богъ твой тамъ!

*

Тамъ Богъ мой въ вышнихъ обитаетъ,
Но мысль къ творенью обращаетъ,

Дхновеньемъ міръ животворитъ;
Въ нощи сіяетъ со звѣздами,
Во дни является съ лучами,
Въ цвѣтахъ цвѣтетъ, — въ громахъ гремитъ;
Единымъ взглядомъ міръ объемлетъ,
Движенію песчинки внемлетъ;
Непостижимый! — вѣчный Свѣтъ!
Гдѣбъ не былъ Онъ, творенья нѣтъ.

М. Херасковъ.

III.

Тиціенъ.

Говорятъ, что Тиціенъ произходитъ отъ дворянскаго рода — въ этомъ нѣтъ большой нужды; гораздо важнѣе то, что всѣ произведенія Тиціеновы достойны благороднаго человѣка. Карлъ Пятый съ гордостію признавался, что три раза получилъ безсмертіе отъ руки Тиціена: многіе Монархи говорили то же о своихъ живописцахъ, людяхъ, неимѣвшихъ отличныхъ дарованій; но они, равно какъ художники, ихъ изображавшіе, забыты. Слова Карла Пятаго остались въ памяти, и потому, что произнесены великимъ Монархомъ, и потому, что онѣ справедливы.

Отличительное свойство Тиціенова искуства состоитъ въ томъ, что онъ первой достигъ совершенства въ согласномъ разположеніи красокъ, — что почитается превосходнѣйшимъ Художникомъ въ семъ родѣ, — и что наконецъ во многихъ другихъ не уступаетъ лучшимъ живописцамъ. Нельзя большей похвалы приписать картинѣ, какъ сказать, что она имѣетъ прекрасной колоритъ Тиціеновъ; въ самомъ дѣлѣ колоритъ сего Художника — пышный, натуральный, пріятный, выразительный, согласный — живо изображаетъ и яркость одежды и свѣжесть тѣла. Если справедливо почитаютъ Рафаэля Апелломъ новѣйшихъ временъ, то безъ сомнѣнія Тиціенъ есть нашъ Зевксисъ. Современники и потомство назначили ему сію высокую степень, на которую чрезвычайной талантъ его имѣетъ неоспоримое право. Тиціенъ обязанъ своею знаменитостію еще и тѣмъ, что жилъ долѣе Жіоржіона: сей ученикъ Жана Беллина усовершенствовалъ искуство своего учителя, и первой умѣлъ дать картинамъ своимъ яркія пріятныя краски, и возвышенное согласіе; но онъ умеръ на 34 году отъ рожденія, и немногое число картинъ его извѣстно только нѣкоторымъ художникамъ. Напротивъ того Тиціенъ жилъ 99 лѣтъ; былъ любимъ, уважаемъ богачами, вельможами, учеными мужами и сильными Монархами; онъ *налол-*

нилъ Европу своими картинами, которыя прославляемы были отъ всѣхъ современныхъ Стихотворцовъ. Еслибъ Жіоржіонъ жилъ лѣта Тиціена, можетъ быть сей послѣдній занималъ бы вторую степень. Достойно примѣчанія, что во всѣхъ искуствахъ человѣческихъ успѣхи очень медленно идутъ до нѣкоторой точки, отъ которой до совершенства достигаютъ весьма скоро. Какое разстояніе отъ Жана Беллина до ученика его Тиціена!

Произведенія Тиціеновы всегда были предметомъ наблюденій колористовъ. Молодые живописцы должны внимательно разсматривать ихъ: тамъ увидятъ, что красоты искуства состоятъ въ природѣ; увидятъ, что совершенство въ расположеніи красокъ и въ рисовкѣ есть точное подражаніе, управляемое разборчивостію, и употребляемое кстати.

Большая часть картинъ Тиціеновыхъ находится въ Венеціи; есть и въ Парижѣ нѣкоторое оныхъ количество, которое даетъ достаточное понятіе о свойствѣ Художника. Если, разсматривая славную картину *Страданіе Св. Петра Доминикана*, вывести заключеніе о прочихъ, то оно будетъ несправедливо. Въ семъ удивительномъ произведеніи господствуетъ такая живость, такой восторгъ, какихъ совсѣмъ нѣтъ въ другихъ картинахъ Тиціеновыхъ — можетъ

быть отъ того, что предметъ болѣе обыкновеннаго разгорячилъ его воображенїе; или потому, что Художникъ тогда преимущественно наслаждался удовольствїемъ бытїя, которое питаетъ силы генїя. Ни одинъ предметъ не былъ изобрѣтенъ и обработанъ съ такимъ жаромъ, съ такою пылкостїю; ни одна картина не представляетъ столь живыхъ, столь точныхъ выраженїй. Но по одной картинѣ не надлежитъ судить объ отличительномъ характерѣ живописца, а особливо если онъ оставилъ намъ множество другихъ произведенїй. Надобно ли, смотря на сцены нѣжныя и трогательныя въ Сидѣ, заключать о характерѣ всѣхъ Трагедїй Корнелевыхъ? Вообще картины Тицїеновы болѣе возбуждаютъ удивленїе, нежели восторгъ; онѣ показываютъ, что Художникъ имѣлъ здравой умъ, благородную и спокойную душу; что былъ человѣкъ ученой, работалъ легко и непринужденно, и пользовался общимъ уваженїемъ. Его мысли благоразумны и естественны; положенїя лицъ его всегда правильны; ничего нѣтъ необыкновеннаго, ничего такого, что приводило бы въ изумленїе. Хотя рисовка его и не Римской Школы, однакожь въ ней есть болѣе учености, нежели сколько кажется съ перваго взгляда. Тицїенъ не учился по древнимъ статуямъ, и болѣе занимался усовершенствованїемъ красокъ, нежели рисовки.

Въ картинѣ: *Увѣнчаніе терніемъ*, голова Іисуса Христа имѣетъ особенную выразительность: на челѣ Бога видите изображенную скорбь смертнаго. Картина: *Положеніе во гробъ Іисуса Христа*, можетъ быть болѣе всѣхъ показываетъ отличительныя черты искуства Тиціенова. Это есть совершеннѣйшее произведеніе. Не многія картины представляютъ столько красотъ въ разныхъ родахъ; правильность колорита, рисовки и выраженія сохранена въ строгой точности.

Въ портретной живописи Тиціенъ превосходитъ всѣхъ, кромѣ Ванъ-Дика; въ одномъ болѣе возвышенности, въ другомъ болѣе огня; портреты Ванъ-Диковы болѣе нравятся, Тиціеновы — внушаютъ почтеніе. Не упоминая объ изяществѣ колорита и другихъ красотахъ живописнаго искуства, которому удивляются въ произведеніяхъ Тиціеновой кисти, скажемъ, что всѣ онѣ отличаются единственнымъ величіемъ характера, и что самыя лица, бывшія образцами, много тому споспѣшествовали. Тиціенъ писалъ портреты особъ, знаменитыхъ по сану или по дарованіямъ: человѣкъ, привыкшій начальствовать, получаетъ наружность повелительную; черты лица его показываютъ нѣчто величественное; человѣкъ, котораго голова всегда занята возвышенными идеями и которой трудится для безсмертной славы,

носитъ на лицѣ своемъ признаки ума и дарованій. Художникъ, имѣя передъ глазами такіе образцы, самъ возвышается духомъ; чувство и воображеніе помогаютъ ему изображать на картинѣ великіе характеры — чего безъ сомнѣнія не могъ бы онъ сдѣлать, еслибъ писалъ портреты людей обыкновенныхъ.

Тиціенъ — кромѣ портретовъ, писанныхъ съ Карла Пятаго, которой осыпалъ Художника своими благодѣяніями — оставилъ потомству изображенія Франциска I, Папы Павла III, Князей и знаменитѣйшихъ вельможъ, великихъ полководцевъ, Аріоста, Аретина, и почти всѣхъ славныхъ особъ своего вѣка, обильнаго геніями. Можно подумать, что великіе люди имѣли нужду въ томъ, чтобы дарованіе Тиціеново засвидѣтельствовало о нихъ предъ лицемъ свѣта, и что потомство сомнѣвалось бы въ ихъ знаменитости, если бъ кисть Художника не предала ихъ именъ безсмертію.

Хотя прелесть не была отличительнымъ свойствомъ Тиціенова искуства, однакожь онъ понималъ ее, весьма живо чувствовалъ ея очаровательность. Иногда онъ давалъ женщинамъ наружность такую плѣнительную, такую любезную, что смотря на нихъ, не льзя не ощутить сладостнаго впечатлѣнія. Едва ли кто-нибудь изъ живопис-

цевъ, подобно Тиціену, имѣлъ чудесной даръ отличиться успѣхами въ столь многихъ родахъ и частяхъ своего искуства. Долго почитали его первымъ Художникомъ въ живописи сельскихъ видовъ; но тогда еще не было образцовыхъ произведеній ни Лоренневыхъ, ни Пуссеневыхъ. Однакожь надлежитъ признаться, что въ историческихъ картинахъ никто не показалъ такого вкуса въ изображеніи отдаленныхъ сельскихъ видовъ, какъ Тиціенъ.

Обладая великимъ богатствомъ, онъ наконецъ не хотѣлъ брать платы за свою работу. Генрихъ III, на возвратномъ пути изъ Польши посѣтивъ Тиціена, получилъ отъ него въ подарокъ нѣсколько картинъ, которыя болѣе другихъ ему понравились. Сей Художникъ умеръ, какъ сказано, на девяносто девятомъ году отъ моровой заразы. Общее уваженіе къ нему было столь велико, что граждане, забывъ опасность, торжественно предали землѣ тѣло его съ отличнымъ великолѣпіемъ и почестями. Великій талантъ, долговѣчная жизнь и постоянное счастіе внушаютъ благоговѣніе къ памяти Художника; и можно ли не имѣть почтенія къ Мужу, котораго Небо осыпало всѣми благами сего міра, и котораго, кажется, самое время берегло отъ разрушенія?

Телассонъ.

IV.

Мысли изъ Попа, Англійскаго Поэта.

Въ заговорахъ, крамолахъ, сектахъ и скопищахъ глупѣйшіе люди обыкновенно ревностнѣе всѣхъ дѣйствуютъ; ибо никакое животное, ниже пчела, столько не работаетъ, какъ невѣжда: сіи люди необходимо нужны для Политиковъ, можетъ быть потому, что Государства походятъ на городскіе часы, гдѣ тяжесть помогаетъ дѣйствовать пружинамъ, болѣе полезнымъ, но малымъ.

Хотѣть тронуть народную толпу тонкою замысловатостію и остроуміемъ, значитъ тоже, что бритвою рубить мраморъ.

Острой умъ и возвышенной умъ не столько полезны, какъ здравой смыслъ: кто сталъ бы носить при себѣ золото, не имѣя мѣлкой монеты, тому ежедневно встрѣчалось бы множество затрудненій.

Знанія тоже что ртуть, которая, будучи въ рукахъ человѣка искуснаго, служитъ полезнѣйшимъ лѣкарствомъ, въ рукахъ неискуснаго — опаснѣйшимъ ядомъ.

Многосложные планы правительства имѣютъ сходство съ мастерскими произ-

веденіями часоваго искуства: точность въ нихъ зависитъ отъ множества пружинъ и колесъ, подверженныхъ скорому разрушенію.

Тщеславіе въ человѣкѣ всегда бываетъ въ противуположномъ содержаніи съ разсудительностію: чѣмъ болѣе одного, тѣмъ менѣе другаго.

Скромность сама себя оказываетъ съ хорошей стороны, и не имѣетъ нужды въ похвалахъ. Смиренномудрый человѣкъ всегда наслаждается спокойствомъ и непринужденностію; напротивъ того тщеславный безпрестанно мучится, желая казаться тѣмъ, чѣмъ не есть въ самомъ дѣлѣ. Если я уменъ — скромность служитъ тому доказательствомъ; если очень простъ — она закрываетъ во мнѣ недостатокъ. Краска въ лицѣ развратной прелестницы иногда бываетъ причиною, что ее почитаютъ честною женщиною: такъ скромность не рѣдко выдаетъ глупца за умнаго.

Польза человѣка состоитъ не столько въ томъ, чтобы совсѣмъ не подлежать погрѣшностямъ, какъ въ умѣньи исправляться. Съ заблужденіемъ ума бываетъ тоже, что съ негодною травою, которую сожигая, удобряютъ землю, и дѣлаютъ ее плодороднѣе, нежели какою была бы она безъ вредныхъ растеній.

За чѣмъ краснѣться, признаваясь въ своемъ заблужденіи? это показываетъ, что вы сего дня стали умнѣе, нежели какимъ были вчера.

Предаваться гнѣву, значитъ наказывать себя за вину другаго.

Суевѣріе есть чахотка души.

Безбожникъ есть глупецъ, безразсудно презирающій религіею: но лицемѣръ хладнокровно издѣвается надъ святынею; для него легче упасть на колѣна, чѣмъ сдѣлать доброе дѣло. Такой человѣкъ походитъ на безстыднаго должника, которой ежедневно посѣщаетъ своего заимодавца, не заботясь о платежѣ денегъ.

Въ молодости мы неутомимо трудимся, желая столько приобрѣсть, сколько достало бы для пріятной жизни въ старости; но дождавшись старыхъ лѣтъ, видимъ, что уже поздно жить такъ, какъ мы предполагали.

Человѣкъ, обладающій высокимъ талантомъ, безъ сомнѣнія способенъ отправлять обыкновенныя дѣла общественныя; но дѣла сіи не достойны, чтобъ онъ занимался ими. Гордой, красивой конь также способенъ носить тягости, какъ и оселъ; однакожь его не употребляютъ на такое низкое дѣло.

Если благоразумно сомнѣваться во многомъ, то еще благоразумнѣе сомнѣваться, не заблуждается ли нашъ разумъ, принимаясь объяснять всѣ тайны.

Дурные критики, поносящіе дурныхъ писателей, походятъ на шарлатановъ, которые безпрестанно совѣтуютъ остерегаться отъ мнимыхъ лѣкарствъ, для того чтобы скорѣе продать свои.

Я не знаю ни одного человѣка, которой не могъ бы съ Христіянскою твердостію перенести несчастія своего ближняго (*).

Люди точно столько же благодарны, сколько мстительны.

Разсѣянная жизнь есть счастіе для тѣхъ, которые не умѣютъ мыслить.

Большая часть стариковъ походитъ на древнія лѣтописи. Они разсказываютъ намъ подробности скучныхъ, но истинныхъ произшествій — и болѣе ни къ чему не годятся.

Глазъ у критиковъ обыкновенно походитъ на микроскопъ, сдѣланный съ великимъ стараніемъ. Онъ открываетъ тончайшія жилки, самыя мѣлкія частицы; но не обнимаетъ

(*) Ларошфуко сказалъ: „Мы всѣ имѣемъ довольно силы для перенесенія несчастій, терпимыхъ другими.“

всего предмета, не соединяетъ всѣхъ частей, и не даетъ видѣть гармонїи въ цѣломъ.

Женщина не можетъ ненавидѣть мущину, если онъ чувствуетъ къ ней любовь; но легко станется, что она возненавидитъ его, если мущина питаетъ въ сердцѣ своемъ только дружбу.

Люди вопїютъ противъ неблагодарности; какая несправедливость! надлежало бы кричать противъ гордости; всѣмъ извѣстно, что явная, умышленная неблагодарность есть удѣлъ гнусной души. Но оказывающїй услугу обыкновенно думаетъ, что дѣлаетъ болѣе, нежели должно; а одолжаемый почти всегда увѣренъ, что для него дѣлаютъ менѣе, нежели сколько онъ заслуживаетъ — вотъ гордость!

Душа никогда не бываетъ чище и яснѣе, какъ въ то время, когда открываетъ собственныя погрѣшности: такъ рѣчка показываетъ на днѣ своемъ тину, которой никто не видалъ бы, еслибъ вода не была чиста и прозрачна.

Хорошїе писатели обыкновенно платятъ страшную пеню за свою славу. Ктожь налагаетъ сїю пеню? — люди ничего незначущїе.

Шалость (folie) имѣетъ свои прїятности; она въ нѣкоторомъ смыслѣ есть соль земли: двѣ, три крупинки на языкѣ весь-

ма вкусны; всыпьте въ ротъ пригоршню — будетъ несносно!

Душа честнаго человѣка не боится злыхъ людей. Только упрекъ можетъ нарушить ея спокойствіе — а ей упрекать себя не въ чемъ. Злоба и несправедливость иногда успѣваютъ въ своихъ предпріятіяхъ, но не иначе, какъ подлыя насѣкомыя, которыя больно ужаливъ, тутъ же умираютъ.

Всего лучше мстить завистникамъ подобно солнцу, которое отмщаетъ нетопырямъ . . . яркостію блеска.

Попъ написалъ къ Гею: „пока не будешь ничьимъ слугою, до тѣхъ поръ можешь быть чьимъ-нибудь другомъ.“

Женщины поступаютъ съ любовниками какъ съ картами: онѣ играютъ ими нѣсколько времени; выигравши бросаютъ; велятъ подать новыя: играя сими, часто лишаются того, что выиграли прежними.

Умъ у нѣкоторыхъ людей походитъ на потайной фонарь, которой обыкновенно свѣтитъ только тому, кто несетъ его въ рукахъ своихъ.

Малыя души то же, что малыя бутылки съ узкимъ горломъ: чѣмъ менѣе въ нихъ напитку, тѣмъ болѣе бываетъ шуму, когда онъ выливается.

Человѣкъ, желающій переправиться на другой берегъ рѣки, видитъ вокругъ себя толпу лодочниковъ. Каждой предлагаетъ ему свои услуги; можно подумать, что всѣ они, забывъ о своихъ дѣлахъ, о немъ одномъ помышляютъ. Но когда этотъ человѣкъ переплыветъ на другой беретъ; шумъ утихаетъ, никто не заботится о путешественникѣ. Не то же ли бываетъ съ Министромъ при вступленіи въ должность и при его увольненіи?

V.

КРИТИКА.

Сочиненія и Переводы И. Дмитріева. Часть Третія, Москва, въ Типографіи *Платона Бекетова.* 1805. Съ эпиграфомъ:

Il veut le ſouvenir de ceux qu'il a chéri.

Это одна изъ малаго числа тѣхъ книгъ, которыя немедленно по напечатаніи являются на учебныхъ столахъ Литтераторовъ и на уборныхъ столикахъ свѣтскихъ женщинъ, — одна изъ тѣхъ книгъ, по которымъ судятъ о степени образованности, просвѣщенія, вкуса, и объ успѣхахъ Литтературы. Многія изъ піесъ, въ послѣдній

разъ напечатанныхъ въ двухъ предшедшихъ Частяхъ (1803 года), а особливо басни (*) и сказки (**), почитаются превосходными; нѣкоторыя пѣсни (***) сдѣлались всеобщими.

Сія третья Часть содержитъ въ себѣ два отдѣленія: *Басни* и *Смѣсь*. Будемъ говорить о первомъ, состоящемъ изъ тридцати басень, по большой части переведенныхъ изъ Лафонтена и Флоріана.

Въ Поэзіи, равно какъ въ военномъ дѣлѣ, то называется похищеннымъ, что взято у своихъ земляковъ; но все, что ни беремъ у чужестранцевъ, есть завоеваніе, славная добыча. Лабрюйеръ сказалъ: *выбрать мысли значитъ — изобрѣсть*. Какая нужда читателямъ, у кого Авторъ взялъ содержаніе басни — у Индійца, Грека, или Француза? дѣло въ томъ, какъ онъ разсказалъ ее на нашемъ языкѣ. Самъ Лафонтенъ, Корифей баснописцевъ, ничего отъ себя не выдумалъ; ибо извѣстно, что ни одна басня собственно ему не принадлежитъ. Конечно трудно выдумать прекрасное содержаніе для басни, какова напримѣръ *Фуріи*

(*) Лафонтеневы: *Дубъ и Тростъ*; *Мышь удалившаяся отъ свѣта*; *Двѣ голубя*.
(**) *Модная жена*, *Причудница*, *Картина*.
(***) *Что съ тобою, ангелъ, стало?*
и *Стонетъ сизой голубочекъ*.

и Граціи у Геллерта, или *Три путешественника* у Садія, и другіе апологи; однакожь, не оспоривая славы у изобрѣтателей, можно сказать, что хорошій подражатель долженъ имѣть столько, или почти столько дарованія, сколько предполагается въ баснописцѣ, изъ котораго переводитъ. Прочтите у Пильпая (или Пидьпая) басни: *Два голубя*, *Два друга*; онѣ не сдѣлаютъ въ васъ никакого впечатлѣнія. Первая наскучитъ своею продолжительностію, сухостію, однообразіемъ; другая заставитъ васъ жалѣть, для чего древній баснописецъ не умѣлъ обработать такой счастливой мысли. Напротивъ того, обѣ сіи басни какъ милы, какъ трогательны, съ какимъ искуствомъ разсказаны у Лафонтена, а первая и у Дмитріева! Пускай другой стихотворецъ, котораго природа не одарила изящнымъ вкусомъ, чувствительностію, талантомъ, — пускай другой напишетъ сіи самыя басни: онѣ будутъ несносны. Кто нерадитъ о прелестяхъ слога, — тотъ худо знаетъ людей, въ томъ не пылаетъ ревность быть полезнымъ; онъ не имѣетъ понятія ни о выгодахъ своей славы, ни объ истинѣ и точности; онъ мыслитъ, но не имѣя рѣдкаго дарованія писать слогомъ красивымъ, доброзвучнымъ, плѣнительнымъ, худо выражаетъ свои мысли — и сочиненія его скоро забываются. Вопреки странному мнѣнію, коимъ хотятъ прославиться нѣкоторые люди, ска-

жемъ рѣшительно, что одинъ слогъ дѣлаетъ книги долговѣчными; одинъ слогъ возбуждаетъ въ насъ охоту снова читать то, что было уже двадцать разъ прочитано; одинъ слогъ назначаетъ Авторамъ знаменитую степень между соотечественниками.

Третія Часть *Сочиненій и Переводовъ* Господина Дмитріева начинается баснею: *Мудрецъ и Поселянинъ*, переведенною изъ Флоріана. Сей Авторъ прославился баснями столько же, какъ и другими своими сочиненіями. Хотя не льзя ставить его на-ровнѣ съ Лафонтеномъ, однакожь многіе знатоки опредѣляютъ ему мѣсто подлѣ неподражаемаго Баснописца. Флоріанъ разсказываетъ натурально и пріятно; лица, выводимыя имъ на сцену, иногда разговариваютъ *умнѣе*, нежели сколько нужно для басни; но это самое и возвышаетъ достоинство его дарованія, потому что простота (naïvete), главное украшеніе аполога, у него не пренебрежена для остроумія и учености, какъ напримѣръ у Гея и Ламотта. Вотъ другія отличительныя черты Флоріана: стопосложеніе легкое и пріятное, языкъ чистой и правильной, изобрѣтеніе и разположеніе счастливыя. Одно только обстоятельство можно назвать противнымъ Піитикѣ, именно то, что Флоріанъ иногда выходитъ за предѣлы, на-

значенные для басни. Напримѣръ, *Мудрецъ и Поселянинъ* и *Калифъ*, по содержанію своему и по качеству дѣйствія болѣе принадлежатъ къ роду сказокъ, нежели аполога. Много было писано о томъ, какое надлежитъ давать опредѣленіе баснѣ. Слѣдующее кажется ближайшимъ къ истинѣ, потому что основано на большемъ числѣ хорошихъ примѣровъ: *Баня есть краткое повѣствованіе* аллегорическаго *дѣйствія, изъ котораго извлекается полезное наставленіе.* Поэтъ непремѣнно обязанъ соображаться съ *коренными* правилами; иначе, басня, часъ отъ часу болѣе измѣняясь, со временемъ можетъ превратиться въ эпиграмму или оду. Нѣтъ сомнѣнія, что вѣкъ, въ которомъ сочинены Басни Езоповы, отъ нашего во многомъ отличенъ. Древніе (Езопъ, Федръ, Афтоній, Авіенъ, Габріасъ) повѣствовали коротко и просто; нынѣ отъ баснописца требуютъ украшеній — пріятнаго разсказа, очаровательнаго слога, живописи, огня, оттѣнокъ въ характерахъ; но главная основа должна оставаться одна и таже. — *Путешествіе* (стр. 72) не походитъ ни на басню, ни на сказку; Г. Переводчикъ поступилъ справедливо, назначивъ мѣсто симъ безыменнымъ стихамъ въ *Смѣси*, вопреки Флоріану, которой выдалъ ихъ за басню. Нравоученіе есть единственный предметъ басни; украшеніе же служитъ только позоло-

мою сей пилюли. Нѣтъ нужды, въ началѣ или въ концѣ помѣщенъ смыслъ нравоучительный, но онъ непремѣнно долженъ быть въ баснѣ. Лафонтенъ говоритъ: апологъ состоитъ изъ двухъ частей, которыя можно назвать одну тѣломъ, другую душею. Тѣло — басня; душа — нравоученіе. Аристотель требуетъ, чтобы въ баснѣ говорили и дѣйствовали только однѣ животныя, не люди и не растенія. Сіе правило основано болѣе на приличіи, болѣе на предполагаемомъ свойствѣ аполога, нежели на необходимости; ибо ни Езопъ, ни Федръ, ниже другой кто-либо изъ Баснописцевъ ему не слѣдовали: но никто изъ нихъ не дозволялъ себѣ писать безъ нравоучительной цѣли.

Sans cela toute fable, eſt oeuvre imparfait, говоритъ Лафонтенъ. Иногда онъ отступалъ отъ сего необходимаго правила, но только тамъ, гдѣ всякой читатель самъ легко можетъ вывести моральное слѣдствіе.

Мудрецъ и Поселянинъ (апологъ, сказка, или анекдотъ въ стихахъ — какъ угодно) есть переводъ, хотя не во *всемъ* правильной, по крайней мѣрѣ во многомъ весьма удачной. Авторъ говоритъ самъ отъ себя (стр. 8):

Люблю ихъ (*) общество! — согласенъ я, конечно,
Есть и у нихъ свой плутъ, сутяга и пролазъ,
И хуже этого; но *Я* чистосердечно скажу вамъ *между насъ*:
Опаснѣй тварей всѣхъ словесную считаю,
И *плутъ за плута*, я лису предпочитаю!
Такихъ же мыслей былъ покойникъ мой землякъ,
Не авторъ, ниже чтецъ, но *очень не-дуракъ*,

Этотъ землякъ, за честность и благоразумїе, былъ уважаемъ всею округою, мирилъ ссорящихся, подавалъ совѣты.

„Ты правъ! ты виноватъ!“ бывало скажетъ онъ,
И этотъ *приговоръ прiемлемъ* былъ въ законъ;
И ни одинъ не смѣлъ ни впрямь, ни стороною,
Скрыть правды предъ его почтенной сѣдиною.

Однажды, помню я, имѣлъ съ нимъ разговоръ

(*) То есть: животныхъ.

Проѣзжій — моралистъ, натуры испытатель;
Скажи мнѣ, онъ спросилъ, какой тебя писатель
Наставилъ мудрости?

Какихъ Философовъ ученію — продолжалъ Моралитъ — ты слѣдовалъ: Зенона, Пиѳагора, Эпикура, или Платона?

А я ихъ и не зналъ ниже по именамъ!
Отвѣтствовалъ ему смиренно сельскій житель:
Природа мнѣ *букварь*, а сердце мой учитель.

Въ сихъ и слѣдующихъ стихахъ Авторъ съ удивительнымъ искуствомъ умѣлъ соединить двѣ противности: умъ и милую простоту. Г. Переводчикъ идетъ съ нимъ ровнымъ шагомъ.

Вселенну населилъ животными Творецъ;
Въ наукѣ нравственной я ихъ *бралъ* въ *образецъ*;
У кроткихъ голубковъ я перенялъ быть нѣжнымъ;
У муравья къ труду прилѣжнымъ,
И на зиму запасъ копить;
Воломъ я наученъ терпѣнью;
Овечкою — смиренью;
Собакой — неусыпнымъ быть;

А естьлибЪ мы дѣтей невольно не любили:
То куры бы меня любить ихЪ научили:
По мнѣ же такЪ *легко* и всякаго любить!
Я зависти не знаю;
ДоволенЪ тѣмЪ, что есть — богатый пусть богатЪ;
А бѣднаго всегда, какЪ брата, обнимаю,
И сЪ нимЪ дѣлиться радЪ.
Стараюсь, наконецЪ, разсудка быть подЪ властью
И только, — вотЪ и вся моя наука счастью!

ЕслибЪ надлежало замѣчать всѣ хорошїе стихи нашего Автора, то статья сїя по крайней мѣрѣ заняла бы столько же листовЪ, сколько содержитЪ вЪ себѣ его книга. Осмѣливаемся сдѣлать замѣчанїя другаго рода, будучи увѣрены, что онѣ могутЪ имѣть полезную цѣль для многихЪ читателей.

ФлорїанЪ далЪ баснѣ своей названїе: Le Savant et le Fermier; нашЪ АвторЪ переводитЪ: *МудрецЪ и ПоселянинЪ*. Кажется ФлорїанЪ хочетЪ представить мудрецомЪ послѣдняго, а перваго — только *ученымЪ*.

C'eſt ainſi que penſait un ſage,
Un bon fermier de mon pays.
Depuis quatre-vingts ans, de tout le voiſinage
On venait écouter et ſuivre ſes avis.
Chaque mot qu'il diſait était une ſentence.

Французской Авторъ, не видя надобности шутить, разсказываетъ о своемъ Мудрецѣ тономъ важнымъ и благороднымъ. Г. Переводчикъ тоже предлагаетъ другимъ образомъ:

Такихъ же мыслей былъ покойный мой землякъ,
Не Авторъ, ниже чтецъ, но *очень недуракъ*,
Честнѣйшій человѣкъ, *оракулъ всей округи*.

Очень недуракъ поставлено потому, что, вокреки Флоріану, *Мудрецомъ* названъ Ученый. Стихъ:

Et, fripon pour fripon, je préfère un renard.

на Русскомъ выраженъ:

И *плутъ за плута*, я лису предпочитаю.

Не льзя ближе! но сомнительно, многіе ли поймутъ, что это значитъ слѣдующее: „еслибъ надлежало выбирать плута изъ людей или изъ животныхъ, то я предпочелъ бы лисицу.“

. . . . mon livre eſt nature;
Природа мнѣ *буквар* . . . . . .

Въ подлинникѣ стоитъ: *книга.* Умной Поселянинъ можетъ быть не зналъ, въ какихъ книгахъ содержатся высокія науки; но вѣрно ему было извѣстно, что таинствъ Философіи ищутъ не въ букварѣ.

Перейдемъ къ третей баснѣ: *Лисица проповѣдница*, взятой также изъ Флоріана. Старая и больная, но ученая, краснорѣчивая и хитрая Лисица вздумала проповѣдывать о пользѣ смиренія, благонравія и честности; никто, или почти никто, не хотѣлъ слушать ее. Догадливая Лисица загремѣла противъ насильства львовъ, тигровъ, медвѣдей: стекалось множество звѣрей, и проливало слезы умиленія. Набожный Левъ, царь страны, захотѣлъ послушать проповѣдницу, и велѣлъ призвать ее ко двору; Лисица съ чрезвычайнымъ искуствомъ описывала состояніе угнетенной невинности. Разтроганный Монархъ спросилъ, какой награды требуешь за свои наставленія? Лисица отвѣчала: *нѣсколько индѣекъ.* Въ этомъ состоитъ басня у Флоріана. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ перевода отступлено отъ подлинника. Здѣсь сказано, что Лисица начала проповѣдывать въ пустынѣ, se mit à prêcher au desert; а въ переводѣ стоитъ:

Уединилася отъ свѣта и отъ зла,
И проповѣдывать въ пустыню перешла.

Еслибъ и можно было сказать на Русскомъ языкѣ *уединиться отъ чего нибудь*, а особливо *отъ зла*, то все-таки Лисицѣ не за чемъ уединяться въ пустынѣ для проповѣдыванія: ей нужны были слушатели. Въ слѣдующихъ стихахъ Г. Переводчикъ превзошелъ Автора; Флоріанъ далеко остается назади — относительно разсказа:

Тамъ кроткія свои бесѣды разтворяла
Хвалой воздержности, смиренью, правотѣ;
То плакала, то воздыхала
О братіи, въ мірской утопшей суетѣ;
А *братій* и всего на проповѣдь сбиралось
Пять, шесть на перечотъ,
А иногда случалось
И менѣе того, и то сурокъ, да кротъ,
Да двѣ, три набожныя лани,
Звѣришки бѣдные, безъ связей, безъ подпоръ;
Какой *же ожи*дать отъ нихъ Лисицѣ дани?

Замѣтимъ однакожь и здѣсь, что вмѣсто *а братій* надлежало бы сказать: а братіи, какъ стоитъ въ предъидущемъ стихѣ. *Безъ связей, безъ подпоръ* есть галлицизмъ едва примѣтной; но такіе галлицизмы, будучи употреблены кстати, какъ напримѣръ у нашего Автора, не только не безобразятъ, но украшаютъ и обогащаютъ Россійское слово.

Но лисій дальновиденъ взоръ;
Она перемѣнила струны,
Взяла суровой видъ, и бросила перуны
На кровожаждущихъ медвѣдей и волковъ,
На тигровъ даже и *на* львовъ!
Что жь? слушателей тьма стеклася!
И слава о ея витійствѣ донеслася
До самаго царя звѣрей;
Которой, не смотря, что въ немъ порода львина,
Былъ *смирный*, *такъ сказать*, *дѣтина*,
И набожный подъ старость дней.

Мы не знаемъ, надобно ли перемѣнять струны для того, чтобы бросить перуны. По крайней мѣрѣ въ баснѣ до сихъ поръ не было говорено о музыкальномъ орудіи. *Перемѣнить тонъ* употребляется въ общемъ разговорѣ, и значитъ — перемѣнить содержаніе, иногда — перемѣнить голосъ, наружной видъ, обхожденіе. Такъ напримѣръ, человѣкъ малаго чина, разсказывая о Министрѣ или Сенаторѣ — которой, прежде обходившись съ нимъ пріятельски, вздумалъ бы заговорить повелительно и грозно — можетъ сказать: *онъ вдругъ перемѣнилъ тонъ*; и это будетъ понятно для каждаго. Но *перемѣнить* струны употребляется не иначе, какъ только въ собственномъ знаменованіи;

то есть, значитъ: снять однѣ струны, и навязать, или нацѣпить другія. Бросать перуны *на кого*, не столько правильно и значительно, какъ: *въ кого*. Вотъ и примѣръ, взятой изъ сей же басни:

Въ тирановъ громъ она бросала.

Главное и первое искуство Лафонтена состоитъ въ томъ, что онъ разсказываетъ съ такою простотою, съ такою невинностію, съ такимъ милымъ добродушіемъ, что вы противъ воли своей думаете, будто онъ самъ увѣренъ въ истинѣ повѣствуемаго произшествія. Мармонтель говоритъ о неподражаемомъ Баснописцѣ: онъ не только слышалъ то, что самъ разсказываетъ, но даже видѣлъ, даже думалъ, что видитъ еще тогда, когда разсказываетъ. Это не поэтъ, котораго воображеніе занимается работою; это не сказочникъ, которой хочетъ повеселить васъ шутками — нѣтъ! это очевидецъ повѣствуемаго дѣйствія. — Поэтъ не заставитъ меня принимать участія въ его лицахъ, если самъ не говоритъ о нихъ тономъ, приличнымъ каждому характеру. Пусть Лисица, сказывая проповѣдь, *лѣзетъ изъ кожи вонъ*; читатель не безпокоится, что о ней говорятъ съ пренебреженіемъ, какъ о твари хитрой, которая для корысти надѣла на себя личину. Но что выходитъ, когда Льва, стараго набожнаго царя

звѣрей, называютъ *смирнымъ*, *такъ сказать*, *дѣтиною*? Очарованіе изчезаетъ, а съ нимъ вмѣстѣ и то, что составляетъ прелесть басни.

Лисица сказала проповѣдь въ присутствіи царя.

Какуюжь проповѣдь? Изъ кожи лѣзла вонъ!
Въ тирановъ громъ она бросала.
И *тутъ же* стонъ
И слезы извлекала,
Представя, какъ отъ нихъ
Невинность *унываетъ*
И каждый день въ мученьяхъ злыхъ
На небо лишь взираетъ,
Откуда праведный судья и царь царей
Не скоро, но воздастъ гонителямъ и ей.

Въ подлинникѣ есть нѣкоторая разница:

. . . . Il prêche, et cette fois,
Se ſurpaſsant lui-même, il tonne, il épouvante
Le féroces tyrans des bois,
Peint la faible innocence à leur aſpect tremblante,
Implorant chaque jour la juſtice trop lente
Du mâitre et du juge des rois.

Нашъ Авторъ продолжаетъ:

Придворные оцѣпенѣли:
Какъ можно при Дворѣ такъ дерзко *говорить*!

Другъ на друга глядятъ, но *говорить* не
смѣли,
Смекнувъ, что царь Лису изволилъ по-
хвалить;
Какъ новость иногда и правда намъ по
нраву!
Короче вамъ: Лиса вошла и въ честь и
въ славу;
Царь Левъ давъ лапу ей, привѣтливо ска-
залъ:
Тобой я истину позналъ,
И болѣ прежняго *гнушаться* сталъ *по-*
рокомъ;
Чегожь ты требуешь во мзду твоихъ
уроковъ?
Скажи безъ всякаго *зазрѣнья и стыда*;
Я твой должникъ. — Лиса глядь, глядь
туда, сюда,
Какъ будто совѣсти почувствуя улику: —
Всещедрый царь — отецъ!
Отвѣтствовала Льву съ запинкой на-
конецъ:
Индѣекъ . . . *жалую* — *толику*.

У Флоріана: придворные дивились дерзости Лисицы, но не смѣли ничего говорить, видя, что царю проповѣдь *нравится*; Левъ (au ſortir du ſermon) велѣлъ позвать къ себѣ проповѣдницу, похвалилъ ее, предложилъ ей

награду. Порядокъ весьма натуральной! Въ переводѣ: въ то самое время, когда Лисица бросала громъ въ тирановъ, придворные говорить не смѣли, потому что царь Лису изволилъ *похвалить*; Лиса вошла и въ честь и въ славу; Царь, давъ ей лапу, спросилъ, чего требуешь, и проч. Все это сдѣлалось въ нѣсколько минутъ, на мѣстѣ проповѣдыванія! — Глаголъ *гнущаться* требуетъ падежа творительнаго: гнущаться пороками. Льву, которой былъ весьма доволенъ Лисою, ни въ чемъ не подозрѣвалъ ее, и не предполагалъ никакой хитрости неприлично говорить: скажи безъ всякаго *зазрѣнья и стыда.* Положимъ, что *стыдъ* здѣсь должно разумѣть вмѣсто *застѣнчивости*, но *зазрѣніе* всегда значитъ *безпокойство*, или *упрекъ совѣсти.* Ученая и краснорѣчивая Лисица не могла не знать, что титло *Всещедраго Царя* приписывается Богу, не земному Монарху, и что *малую-толику* едва ли входитъ въ словарь языка, которымъ говорятъ предъ лицемъ Государя.

Изъ напечатанныхъ въ сей Части тридцати басень публикѣ извѣстны весьма немногія; четыре или пять помѣщены въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. *Смерть и Умирающій* — очень близкое подражаніе Лафонтену — и *Орелъ и Змѣя*, — переводъ изъ одного Парижскаго Журнала (басни, по

нравоученію, по изобрѣтенію и разположенію, наконецъ по искусному переводу, безъ сомнѣнія изъ лучшихъ на Русскомъ языкѣ) — напечатаны были въ семъ Журналѣ прошлаго года.

Съ хорошею книгою жаль разстаться. Чтобы продлить удовольствіе, доставляемое разсматриваніемъ басень нашего Автора, обратимъ вниманіе на апологъ: *Человѣкъ* и *Конь*, котораго изобрѣтеніе приписываютъ Стезихору, древнему Греческому Поэту. Федръ и Горацій переложили его въ Латинскіе стихи, съ нѣкоторыми перемѣнами. Въ Греческой баснѣ Конь, желая отомстить Оленю, которой испортилъ лугъ, спросилъ Человѣка, не льзя ли наказать Оленя? Человѣкъ отвѣчалъ: можно, и если Конь дозволитъ взнуздать себя, если приметъ на спину свою сѣдока со стрѣлами. Конь былъ взнузданъ и остался въ рабствѣ. У Федра: Конь разсердился на Кабана, которой мутилъ воду; окончаніе аполога почти сходно съ Греческимъ. У Горація — Олень не дозволялъ Коню пастися на общемъ лугу. Сіи отмѣны служили поводомъ къ различнымъ нравоученіямъ: изъ Стезихоровой и Федровой басни слѣдуетъ, что лучше стерпѣть обиду, нежели мщеніемъ купить себѣ рабство. Горацій изъ своей басни выводитъ заключеніе: „кто не умѣетъ довольствоваться малымъ, тотъ лишается без-

ѣнной свободы." Рѣчь идетъ о человѣкѣ, которой изъ доброй воли налагаетъ на себя ярмо зависимости, соглашается быть игрушкою прихотей и странныхъ затѣй какого-нибудь покровительствующаго Вельможи, за то что сей дозволяетъ ему сидѣть за лакомымъ столомъ своимъ. Лафонтенъ, изъ котораго переводилъ нашъ Авторъ, воспользовался сочиненіями своихъ предшественниковъ, взявъ изъ каждаго, что находилъ нужнымъ для составленія своей басни! Вотъ переводъ:

Читатели! хотите ль знать,
Какъ Лошадь намъ покорна стала?
Когда *семья людей за лакомство считала*.
Коренья, жолуди жевать;
Когда еще, не такъ какъ нынѣ,
Не знали *столько* шоръ, каретъ и хомутовъ;
На стойлахъ не было коней, ни лошаковъ,
И вольно было жить, гдѣ хочетъ, всей скотинѣ;
Въ тѣ времена Олень, поссорившись съ Конемъ,
Пырнулъ его рогами.

И Стезихоръ, и Федръ, и Горацій упоминаютъ причины, за что именно поссорились выводимыя лица; а причины очень нуж-

ны, ибо имѣютъ связь съ нравоучительнымъ смысломъ. Лафонтенъ оставилъ это безъ вниманія; но древніе знали, что и для чего дѣлали. Въ подлинникѣ стоитъ:

Lorsque le genre humain de gland se contentoit,

и очень правильно; Лафонтенъ говоритъ о младенчествѣ всего *человѣческаго рода*, котораго нельзя назвать семьею. Замѣтимъ еще, что коренья и жолуди въ тѣ времена не считались лакомствомъ, но были обыкновенною пищею. По свойству Русскаго языка лучше бы сказать: не знали *такого множества* шоръ и проч.; для соблюденія же большей точности, не взирая на Лафонтена, приличнѣе было бы перевести: совсѣмъ не знали шоръ и проч.;

Конь былъ и самъ съ огнемъ,
И могъ бы отплатить, да на бѣду ногами
Не такъ проворенъ какъ Олень:
Гоняяся за нимъ напрасно, сталъ онъ въ пень.

Конь прибѣгнулъ къ искуству Человѣка, которой взнуздалъ Лошадку,

Вспрыгнулъ къ ней на спину, и столько рыси далъ,

Что Лошадь впрямь и вкось безъ памяти
скакала,
Настигла своего врага, и затоптала.

Начтожь Коню былъ надобенъ Человѣкъ, если дѣло состояло только въ томъ, чтобъ догнать Оленя? лучше бы ему, не опутывая головы уздою, не обременяя себя лишнею тяжестїю, гоняться за непрїятелемъ. У Лафонтена Конь прибѣгнулъ къ искуству Человѣка, для того, чтобы *поймать и убить* Оленя; у Греческаго Поэта Человѣкъ, садясь на лошадь, имѣлъ при себѣ *стрѣлы*; у Федра Человѣкъ поражаетъ Кабана метательными копьями. Сумороковъ, написавшїй подражанїе сей баснѣ, отгадалъ, чѣмъ можетъ Человѣкъ помочь Оленю; вотъ его собственныя слова:

Сѣдокъ ружье имѣетъ,
Стрѣлять умѣетъ.

Нашъ Авторъ продолжаетъ:

Потомъ помощника она благодаритъ;
Ты мой *спаситель*! говоритъ:
Мнѣ *это* не забыть, пока жива я буду;
А между тѣмъ... уже не въ мочь моей
спинѣ;
Не льзя ль сойти съ меня? пора мнѣ въ
стенъ отсюду.
За чѣмъ же не ко мнѣ?

Сказалъ ей Человѣкъ: въ степи какой ждать холи?
А у меня живи въ опрятствѣ и красѣ
И по брюхо всегда въ овсѣ.
Увы! что сладкой кусъ, когда нѣтъ милой воли!
Увидѣлъ бѣдной Конь и самъ, что сглуповалъ,
Да поздно: подъ ярмомъ *состарѣлся*, и палъ.

У Лафонтена слѣдуетъ нравоученіе: „какъ ни пріятно мстить, но слишкомъ дорого стоитъ удовольствіе, покупаемое такимъ благомъ (то есть: свободою), безъ котораго всѣ прочія не значатъ ничего.“ Въ переводѣ оно столько же нужно, какъ и въ подлинникѣ. Человѣкъ помогъ только отомстить, слѣдственно Конь несправедливо называетъ его своимъ *спасителемъ*. *Это* — поставлено вмѣсто: *этого*. Въ словѣ *состарѣлся* удареніе должно быть на предпослѣднемъ слогѣ. Прекрасной стихъ, достойной остаться въ памяти у всѣхъ читателей,

Увы, что сладкой кусъ, когда нѣтъ милой воли!

весьма удачно выражаетъ два Французскіе:

Helas! que fert la bonne - chere
Quand on n'a pas la liberté!

Но мораль сїя не есть цѣль басни; тѣмъ очевиднѣе потребность въ нравоученїи, которое должно бы стоять на концѣ.

(*Окончанїе впредь.*)

VI.

Смѣсь.

Комитетъ общественнаго благосостоянїя предписалъ военному Министру Ноэлю Бушотту отправить *конныхъ* жандармовъ на правой берегъ рѣки Луары для усмиренїя возмутившихся жителей въ нѣкоторыхъ департаментахъ. Министръ, приказавъ выдать лошадей по числу солдатъ, отнесся въ Комитетъ съ представленїемъ, повелѣно ли будетъ отпустить и сѣдла? Извѣстный Дантонъ прислалъ Министру слѣдующїй отвѣтъ, подписанный еще другими двумя Депутатами: „Отъ Членовъ Комитета общественнаго благосостоянїя военному Министру и его товарищамъ. Вольность, равенство, братство! . . . (*) Пускай чортъ

(*) Нѣсколько словъ, очень неблагопристойныхъ, выпущено. *Изд.*

„возметъ васъ за то, что просите разрѣше-
„нія о выдачѣ сѣделъ, когда уже сказано,
„чтобы лошади были отпущены! Не надобно
„ли послать вамъ еще одно повелѣніе о
„выдачѣ уздъ?“ — *Дантонъ. Роберъ Линде.*
„*Камбонъ, старшій сынъ.*

*

Пиронъ, Французскій стихотворецъ, гуляя въ саду Тюйльерійскомъ, сѣлъ отдохнуть на лавкѣ подлѣ воротъ. Почти всѣ мимоходящіе, поровнявшись съ нимъ, кланялись; Пиронъ безпрестанно снималъ шляпу, и отвѣчалъ поклонами, болѣе или менѣе низкими, смотря по наружному достоинству тѣхъ, которые оказывали ему сію вѣжливость. — Я не думалъ — сказалъ самъ себѣ Пиронъ — чтобы меня всѣ знали. Какъ жаль, что теперь нѣтъ здѣсь Вольтера, этого гордеца, которой сего дня поутру на низкой поклонъ мой едва кивнулъ головою! онъ увидѣлъ бы, какъ меня уважаютъ. — Разсуждая такимъ образомъ, Поэтъ безпрестанно отвѣчалъ на поклоны; наконецъ утомясь, принужденъ уже былъ сидѣть безъ шляпы, и платить за поклоны движеніемъ головы. Идетъ пожилая женщина, и становится передъ нимъ на колѣна. Удивленный Пиронъ, не понимая, что это значитъ: „встаньте, сударыня — сказалъ женщинѣ — вѣрно вы почитаете меня Поэтомъ эпическимъ или трагическимъ; ошибаетесь; я не

имѣю сей чести, и до сихъ поръ писалъ только для куколъ." Старуха остается въ прежнемъ положеніи; не слушая Пирона, которой примѣтивъ, что она шевелитъ губами; подходитъ къ ней и наклоняется, желая понять слова ея. Женщина читала молитву (*Богородице Дѣво радуйся*) передъ образомъ, стоявшимъ прямо надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ сидѣлъ Пиронъ. Тутъ Стихотворецъ, взглянувши вверхъ, догадался, что заставляло мимоходящихъ кланяться. „Таковы Поэты! — сказалъ онъ идучи далѣе — они думаютъ, что все имъ удивляется; думаютъ, что все лежитъ у ногъ ихъ, между тѣмъ какъ въ самомъ дѣлѣ никто не заботится, живутъ ли они на свѣтѣ!"

Жители Египта никакъ не могли понять, какая причина заставила Французовъ посѣтить ихъ землю. Тщетно говорили имъ сіи пришельцы объ Англичанахъ, своихъ непріятеляхъ, о славѣ, о любви къ древностямъ, и такъ далѣе; все сіе не объясняло имъ труднаго недоразумѣнія, и не согласовалось съ обыкновеннымъ ихъ образомъ мыслей. Одинъ житель Египта предложилъ Французу нѣсколько вопросовъ: „Въ вашемъ отечествѣ конечно не бываетъ дождей, и нѣтъ сладкой воды, подобной нашей Нильской?" — Напротивъ — отвѣчалъ Французъ — у насъ множество рѣкъ, большихъ

и лучшихъ вашего Нила. — „Такъ вѣрно вы терпите недостатокъ въ хлѣбѣ?“ — У насъ столько хлѣба, что мы отпускаемъ его за границу; для продовольствія государствъ чужестранныхъ. — „Ну, такъ вы невольники Бонапарте, которой дѣлаетъ изъ васъ, что хочетъ?“ — Мы то же, что онъ былъ прежде; каждой изъ насъ, подобно ему, можетъ дослужиться до Генеральскаго чина. — „Развѣ у васъ нѣтъ отцовъ и матерей? для чего вы таскаетесь по свѣту?“ — Ахъ! — отвѣчало вдругъ нѣсколько человѣкъ — мы разсталися съ родными, съ друзьями, съ любовницами! — „Странные люди! — вскричалъ Египтянинъ — чего жь вамъ надобно?.... У васъ есть также и финики?“ — Нѣтъ! фениковъ мы не имѣемъ. — „А! хвала Магомету и всѣмъ Пророкамъ! — съ изумленіемъ вскричали бывшіе тутъ Египтяне, поднявъ руки къ небу — теперь мы знаемъ, что привлекло васъ въ нашу землю!“

За нѣсколько лѣтъ передъ симъ, въ верхней Италіи одинъ инвалидной Офицеръ объявилъ въ Вѣдомостяхъ, что по долговременныхъ испытаніяхъ и изслѣдованіяхъ, наконецъ онъ открылъ искуство *летать*; и что посредствомъ машины, состоящей изъ четырехъ колесъ и четырехъ же крылевъ, онъ поднимается до потолка въ своей ком-

натѣ. Прежде нежели тайна его сдѣлается извѣстною свѣту, ему хотѣлось быть увѣреннымъ, что сїе открытїе не навлечетъ пагубныхъ слѣдствїй для человѣческаго рода. Онъ боялся, 1 е. чтобы безопасность лицъ и имѣнїй не была нарушена; 2 е. чтобы нынѣшнїя военныя системы не сдѣлались безполезными; 3 е. чтобы политическїя учрежденїя не были изпровергнуты; и 4 е. чтобы порядокъ въ обществахъ не разрушился. Въ слѣдствїе того добродушный Офицеръ требовалъ отъ публики несомнительнаго удостовѣренїя, что ничего изъ упомянутаго выше не случится; иначе тайна не будетъ объявлена. До сихъ поръ болѣе не слышно о слѣдствїяхъ объявленїя, или потому, что изобрѣтатель, движимый любовїю къ роду человѣческому, отрекся отъ суетныхъ выгодъ славы и почестей, или же по той причинѣ, что, можетъ быть, сломилъ себѣ шею.

*

Въ Генуѣ объявлено въ Вѣдомостяхъ о новомъ переводѣ Горацїевыхъ сочиненїй, изданномъ Профессоромъ Челестино Мазуно. Достойно примѣчанїя, что это *сорокъ седьмой* переводъ Горацїя на Италїянскомъ языкѣ!

*

Г. Гарнеренъ, извѣстный воздухоплаватель, открылъ въ Парижѣ физическїй кабинетъ, гдѣ, для удовольствїя зрителей своихъ, дѣлаетъ разные опыты относительно

свойствъ электрической матерїи, разрѣшенїя газовъ; тяжести воздуха, дѣйствїй Оптики, называемыхъ *Фантазмогорїею* и проч. Г. Гарнерень, показывая опыты, предлагаетъ нужныя замѣчанїя и объясненїя, понятныя для всѣхъ слушателей. Онъ доказываетъ со всею откровенностїю, что *Фантазмогорїя* есть не иное что, какъ волшебный фонарь, исправленный и приведенный къ совершенству, — хотя *нѣкто*, называющїй себя Физикомъ, и утверждаетъ, будто *Фантазмагорїя* есть искуство, недавно *имъ* изобрѣтенное (*), которое въ самомъ дѣлѣ онъ перенялъ у братьевъ Дюмотьеровъ.

❋

Астроному Лаланду не даютъ покоя люди, которыхъ онъ помѣстилъ въ своемъ Спискѣ атеистовъ, не изпрося отъ нихъ дозволенїя. Покажутся странными причины, на которыхъ основываясь Г. Лаландъ приписываетъ многимъ особамъ почтенное, по его мнѣнїю, титло безбожниковъ: „Славный Ораторъ Флешье, Епископъ Нимскїй, атеистъ;

(*) Статья сїя взята изъ La Revue Philosophique, Littéraire et Politique. Полагаясь на объявленїя, печатаемыя въ Вѣдомостяхъ, мы по простотѣ своей думаемъ, что изобрѣтатель живетъ теперь въ Москвѣ, и что ему дана была привилегїя за открытїе; между тѣмъ въ Парижѣ говорятъ другое. *Изд.*

ибо онъ гдѣ-то сказалъ, что *способности ума человѣческаго въ старости слабѣютъ.* Монтескїё атеистъ, потому что въ его Персидскихъ письмахъ Узбекъ говоритъ: *я вѣрю безсмертїю души по полугодно* (par semestre); *мнѣнїя мои зависятъ отъ варенїя желудка, отъ воздуха, отъ пищи.* Монгольфьеръ атеистъ, потому что онъ *виновникъ многихъ открытїй!!*" — Въ Спискѣ большею частїю помѣщены имена особъ, нынѣ живущихъ. Слѣдующїя статьи достойны примѣчанїя: „Г. Пїо, Профессоръ Италїянскаго языка, атеистъ; потому что, желая оказать мнѣ вѣжливость, въ письмѣ своемъ увѣряетъ меня, что *со мною одинаково думаетъ.* — Макъ Магонъ, Лѣкарь при военномъ училищѣ — атеистъ. Нѣкогда въ присутствїи Г-на Джефферсона утверждали, что безбожниковъ совсѣмъ нѣтъ на свѣтѣ; Макъ Магонъ, мужичина шести футовъ, закричалъ во все горло: я безбожникъ! — Дюбуа, Кардиналъ и первый Министръ во время Регентства, атеистъ; ибо говорилъ самъ о себѣ, что всѣ Кардиналы вмѣстѣ не составляютъ такого великаго атеиста, каковъ онъ есть. — Дезодре, основатель Лицея художествъ, атеистъ; ибо говоритъ, что земля есть одушевленное животное." и проч. Въ доказательство, что добродѣтель есть слѣдствїе физическаго побужденїя, Г. Лаландъ при-

водитъ примѣръ: „У меня была прекрасная кошка; она умерла отъ того, что долго лизала чирей у чужаго котенка. Я изъ сей кошки сдѣлалъ новое созвѣздїе на южной половинѣ неба. Инстинктъ дѣйствуетъ до тѣхъ поръ, пока страсти не испортятъ его. Удивляюсь Королевѣ, которая высосала матерїю изъ раны своего супруга; удивляюсь потому, что у людей знатнаго состоянїя природный инстинктъ часто бываетъ испорченъ!“ — Понятно ли? Доказательство самое сильное, неоспоримое! — О книгѣ Шатобрїана: *Духъ Христїанства* (Génie du Christianisme) Г. Лаландъ говоритъ слѣдующее: „Я всячески старался въ ней найти хотя одну мысль, *достойную* опроверженїя — но не могъ найти ни одной.“ — Далѣе: „Книгопродавецъ Агассъ показалъ мнѣ въ Лагарповомъ сочиненїи мѣсто, гдѣ покойникъ бранитъ меня немилосердо. Я отвѣчалъ книгопродавцу: пусть онъ бранится, сколько хочетъ; чѣмъ онъ глупѣе, тѣмъ болѣе я имѣю передъ нимъ преимущества.“

ПОЛИТИКА.

I.

Письмо изъ Таганрога.

17 Февраля, 1806.

Журналъ вашъ читаютъ многіе изъ такихъ людей, которымъ хотѣлось бы находить въ немъ, кромѣ иностранныхъ статистическихъ извѣстій, статьи, относящіяся до успѣховъ промышленности и торговли въ благоденствующемъ нашемъ отечествѣ. Сообщаю вамъ записку, засвидѣтельствованную нашимъ почтеннѣйшимъ Градоначальникомъ. Если и другіе ревнители общей пользы послѣдуютъ моему примѣру, то вашъ *Вѣстникъ* заохотитъ ко чтенію даже тѣхъ земляковъ нашихъ, которые ничего, кромѣ счетныхъ выписокъ, не читаютъ.

Съ нѣкотораго времени Таганрогъ сдѣлался однимъ изъ знатнѣйшихъ портовъ Россійскихъ. Число приходящихъ и отходящихъ кораблей если не столь еще здѣсь велико; какъ въ *Одессѣ* — по причинѣ отдаленности, продолжительной зимы, и по другимъ обстоятельствамъ, — за то грузъ ихъ бываетъ тяжелѣе и многообразнѣе, коммерческіе обороты важнѣе. Нашъ пошлинной сборъ превышаетъ сборы всѣхъ портовъ Черноморскихъ, каждаго особо.

Въ количествѣ привозныхъ товаровъ Таганрогской портъ уступаетъ только Петербургскому и Рижскому.

Кораблей было въ приходѣ въ послѣднїе 4 года:

Въ	1801	году	93
—	1802	—	64
—	1803	—	177
—	1804	—	279
—	1805	—	335

Слѣдующая таблица показываетъ успѣхи нашей торговли въ послѣднїе три года:

годы	привезено на:	отпущено на:	и того въ оборотѣ было на:
1803	1,237,257	1,560,189	2,797,446 рублей.
1804	2,525,842	1,965,274	4,491,116
1805	2,693,618	2,871,005	5,564,623
И того въ 3 г.	6,456,717	6,396,468	12,853,185 руб. привезено и отпущено.

Пошлинной сборъ.

Въ	1803	году - - 208,610 рублей.
—	1804	— - - 495,595
—	1805	— - - 405,000
	И того	- - 1,109,205 рублей.

Пошлинной сборъ 1805 года, въ сравненїи со сборомъ 1804 года, былъ меньше потому, что въ продолженїе прошлогодняго мореплаванїя къ здѣшнему порту привезено

гораздо болѣе наличныхъ денегъ, кои полагаются въ общую сумму привозныхъ товаровъ. Въ 1805 году привезено было Гишпанскими и Голландскими талерами 292,260, червонцами 55,366. Напротивъ 1804 года привезено было только 6,100 талеровъ и 5,800 Голландскихъ червонцовъ. Сверьхъ того въ послѣднемъ году гораздо превосходнѣйшая часть противу прежняго винъ и фруктовъ привозныхъ испортилась, вѣроятно по причинѣ мокраго лѣта; слѣдственно и пошлины съ нихъ собрано менѣе.

Превосходное число отпущенныхъ товаровъ за границу въ прошедшемъ году не составляетъ существенной разности въ общихъ таможенныхъ доходахъ, потому что пошлина съ отпускной части очень малозначуща; она въ 1804 году простиралась не съ большимъ до 37,600 рублей, а въ 1805 году до 47,650.

Отпускная часть изъ Таганрогскаго порта состоитъ въ нижеслѣдующихъ товарахъ:

Вопервыхъ: въ пшеницѣ и желѣзѣ. Пшеница Бахмутской, Павлоградской и другихъ ближайшихъ округъ есть наилучшая. Въ 1804 году какъ оной, такъ и муки пшеничной вывезено за границу изъ здѣшняго порта болѣе 183,000 четвертей, а въ 1805 году болѣе 241,000. Она отправляется почти во всѣ порты Средиземнаго моря. Въ прошед-

шемъ году цѣна ея возвышалась отъ $5\frac{1}{2}$ до $9\frac{1}{2}$ рублей за четверть. *Желѣзо* полосное и другихъ сортовъ привозится сюда изъ *Пермской* Губерніи на баркахъ по *Волгѣ* и *Дону*. Въ 1804 году выпущено его за границу болѣе 444,000, а въ 1805 году до 729,000 пудовъ въ разные порты Средиземнаго моря и въ Натолію, гдѣ покупатели не слишкомъ разборчивы; ибо *Натольцы* принимаютъ и такое желѣзо, которое въ другихъ портахъ не покупаютъ. Однакожь замѣчено, что въ Таганрогѣ желѣзо лучшаго сорта не совсѣмъ выгодно для оборотовъ. За пудъ полоснаго платилось въ прошедщемъ году отъ 1 р. 30 к. до 2 рублей.

Вовторыхъ, важнѣйшіе товары, суть: *икра* паясная, привозимая изъ Астрахани въ бочкахъ; *масло* коровье Сибирское въ кожахъ воловьихъ, и *юфть*. — Въ 1804 году вывезено *икры* въ разные порты Средиземнаго моря до 38,000, а въ 1805 году до 23,400 пудовъ. Цѣны были въ послѣднемъ году около 8 рублей и даже до $9\frac{1}{2}$ за пудъ. Не мудрено, если возрастутъ онѣ еще болѣе; ибо извѣстно, что Греки великіе охотники до сего постнаго, у нихъ рѣдкаго, кушанья. *Юфти* въ 1804 году вывезено слишкомъ 6,300 пудовъ; въ 1805 мъ болѣе 3,200; каждой пудъ продавался отъ 15 до 17 рублей въ послѣднемъ году.

Въ третьихъ: великое количество разнаго званія прочихъ Россійскихъ и Сибирскихъ произведеній, которыя намъ доставляются *Волгою* и *Дономъ*, а отчасти и сухопутно. Симъ послѣднимъ способомъ привозимые товары суть: *канатъ*, *парусина*, *равендукъ*, *холстъ*, *сырыя кожи* и *юфть*, *мѣха*, *сало*, *свѣчи* и проч.; но все сіе въ маломъ количествѣ, отъ того что нѣтъ капиталистовъ, которые снабжали бы портъ сей упомянутыми вещами. *Рожь*, а особливо *ржаная* мука, не составляли прежде важной торговли по части вывоза. Въ 1804 году отпущено ее съ небольшимъ 2000, а въ 1805 до 22,000 четвертей по причинѣ продовольствія Россійскихъ войскъ, въ Корфу находящихся. Четверть муки продавалась въ Таганрогѣ отъ 3 до 4 рублей.

Привозимые товары изъ иностранныхъ портовъ.

Важнѣйшіе доставляются къ намъ изъ Греціи, Архипелага и Натоліи; менѣе важные изъ портовъ Адріатическаго залива, Италіи и другихъ пристаней Средиземнаго моря. Вотъ главнѣйшіе: *сухіе фрукты*, *сиролы*, *вино*, *деревянное масло*; далѣе: *ладанъ*, *мыло*, *табакъ*, *дерево*, *сѣра горючая* и прочее; матеріи же Турецкія и другія рукодѣлья никогда не составляли значущихъ предметовъ. Въ 1804 году *сухихъ фруктовъ* и *фруктоваго сиролу* привезено болѣе

405,000, а въ 1805 около 307,000 пудовъ. Важнѣйшіе изъ нихъ: *изюмъ*, разныхъ родовъ *орѣхи*, Кандійскіе и Кигускіе пряные *рожки*, *винныя ягоды*, *нардекъ* и *бекмесъ*; потомъ, въ меньшемъ количествѣ: *финики*, *оливки*, *миндаль* и другія. *Сухіе фрукты* привозятся по большей части изъ Греціи и Архипелага, и отпускаются отъ насъ на разныя внутреннія ярмарки и въ Москву. Испортившійся изюмъ употребляется на Французскую водку, которую здѣсь дѣлаютъ на многихъ фабрикахъ. *Нардекъ* и *бекмесъ*, сиропы изъ винограду и другихъ фруктовъ, употребляемые на водку же, приходятъ изъ *Натоліи*. Въ 1804 году привезено, болѣе изъ Архипелага, до 32,500, а въ 1805 около 26,500 оксофтовъ *вина*. Доставляется также, но въ маломъ количествѣ, *Смирнской мушкатель*, *Кипрское*, *Мессинское*, *Флорентинское*, *Бурдо*, *Фронтиньякъ*, и проч.

Къ лучшимъ Архипелажскимъ столовымъ винамъ принадлежатъ: *Бакчатское* изъ острова Тенедоса, и *Санторинское*; послѣднее часто продается за *Мадеру*, такъ какъ и вообще привозимыя Архипелагскія вина, внутри Россіи продаются обыкновенно за Гишпанскія и Португальскія.

Въ Таганрогъ доставляется ихъ превосходное количество, въ сравненіи съ другими Черноморскими портами; ибо въ сосѣд-

ственныя Губерніи привозятся по большей частис дабыя вина *Молдавскія*, *Воложскія* и *Крымскія*. *Архипелажское вино* обыкновенно бываетъ крѣпко, но совсѣмъ тѣмъ подвержено скорой порчѣ; *Италіанскія* — еще болѣе; испортившіяся употребляются на водочныхъ фабрикахъ. Въ 1804 году деревяннаго *масла* привезено сюда было 57,200, а въ 1805 около 36,000 пудъ, которое, такъ какъ и *ладанъ*, идетъ по большой части на церковное употребленіе. *Ладану*, для котораго есть здѣсь Браковщикъ съ особою на то инструкціею, доставлено сюда въ 1804 году до 3,140, а въ 1805 году до 3,130 пудовъ

	1804,	1805 годы
Греческаго мыла пудовъ	3,567,	2,066
Турецкаго табаку -	1220,	1070

Судовъ мореходныхъ двухъ- и трехъ-мачтовыхъ выстроено здѣсь въ два послѣдніе года 15, кромѣ лодокъ, изъ коихъ нѣкоторыя ходятъ и въ Архипелагъ. Строенію кораблей главнымъ поощреніемъ до сего времени служило здѣсь награжденіе отъ Правительства, нынѣ во всѣхъ портахъ, кромѣ *Архангельскаго*, убавленное половиною, равно какъ и во времени продолженія привилегіи убавлено 4 года. — Лѣсъ и рабочіе люди чрезвычайно здѣсь дороги, и сомнительно, найдутся ли охотники строить.

По векселямъ иностраннымъ, также и по внутреннимъ, большею частїю деньги переводятся сюда изъ Вѣны и изъ Москвы. Цѣна золотой и серебряной монеты теперь слѣдуетъ за Московскою, однакожь всегда ниже тамошней; напротивъ того, когда таможенная пошлина была собираема серебромъ и золотомъ, здѣшнїй *курсъ* много превышалъ Московской.

За провозъ моремъ платили отсюда въ прошедшемъ году отъ кантаря (132 фунта Россїйскїе) по 3 и по $3\frac{1}{8}$ пїастра до *Константинополя*, до *Смирны* отъ $3\frac{1}{4}$ до $3\frac{1}{2}$ пїастровъ, до *Ливорны* и *Трїеста* около $4\frac{1}{2}$ пїастровъ. *Пїастръ*, смотря по курсу, переводится на наши деньги отъ 42 до 46 копѣекъ.

Застраховываютъ корабли и грузъ обыкновенно въ *Трїестѣ*, нѣкоторые въ *Амстердамѣ* и *Марсели*, платя дороже негоцїантовъ Одесскихъ. Страховая плата, или проценты, была въ прошломъ году въ *лѣтнїе* мѣсяцы отъ 5 до $5\frac{1}{2}$, въ *осеннїе* отъ 7 до 9 процентовъ. — Изъ Константинополя увѣдомляли, что въ Январѣ сего года требовали Страховыя конторы отъ 19 до 20 процентовъ.

II.

Извѣстія и замѣчанія.

Люди, преданные Правительству въ Англіи, приписываютъ счастью нынѣшнихъ Министровъ овладѣніе мысомъ Доброй Надежды, и почитаютъ сіе достославное событіе предзнаменованіемъ будущихъ успѣховъ. Начальники, которымъ было поручено завоевать столь важную крѣпость, исполнили долгъ свой весьма удачно. Согласіе, между морскими служителями и высаднымъ войскомъ господствовавшее, помогло преодолѣть всѣ препятства. Сопротивленіе со стороны Голландцевъ было весьма упорно, что доказывается великимъ числомъ убитыхъ и раненыхъ. Губернаторъ Янсенъ удалился во внутренность Африки; полагаютъ, что и онъ долженъ будетъ сдаться Англичанамъ. Вѣроятно, скоро дойдетъ очередь до Иль-де-Франса, потомъ до острововъ Манильскихъ.

✠

Въ Новомъ свѣтѣ горизонтъ политическій покрывается тучами, которыя предвѣщаютъ военную грозу. Конгрессъ не доволенъ тѣмъ, что Англія и Франція стѣсняютъ торговлю Соединенныхъ Областей. Испанскому Послу дано знать, что будетъ отправлена экспедиція для покоренія острова Кубы; пишутъ даже, что вооруженная эскадра поплыла уже къ Испанскимъ колоніямъ для начатія военныхъ дѣйствій.

Бонапарте еще не вывелъ своихъ войскъ изъ Германіи. Собираніе контрибуцій продолжается. Раздача Нѣмецкихъ областей новымъ Владѣльцамъ по видимому есть не что иное, какъ средство мало по малу поработить всю Германію. Ганноверъ объяснилъ, что значили сіи непонятныя откладыванія, сія нерѣшительность со стороны Пруссіи. Можетъ быть она со временемъ раскается въ усердіи своемъ къ Г - ну Бонапарте, или лучше сказать, въ наклонности къ неправедному стяжанію. Кто принимаетъ благодѣянія, а особливо отъ честолюбиваго Наполеона, — тотъ добровольно возлагаетъ на себя тягостную обязанность лобызать щедрую десницу!

*

Друзья порядка, тишины и блага народовъ съ безпокойнымъ предчувствіемъ смотрятъ на движенія, примѣчаемыя около границъ Турціи и въ пристаняхъ Чернаго моря. До сихъ поръ еще ничего не льзя сказать рѣшительно; по крайней мѣрѣ позволено догадываться, что легко можетъ послѣдовать разрывъ между двумя великими Державами. Если Турецкая Имперія потерпитъ несчастіе, то пускай жалуется на происки новаго своего сосѣда, и на легковѣріе своихъ Министровъ.

КОНЕЦЪ XXVI ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ ЧАСТИ.

МАРТЪ, No. 5.

Стран.

I. Любовь и Дружба. - - 3

II. Къ Несчастію. - - - 50

III. Критика. Богомолка. Повѣсть Госложи Жанлисъ. Переводъ съ Французскаго. Москва. 1806 года. - - 53

IV. Объявленіе отъ Лудовика XVIII Французамъ. - - 58

V. Вильямъ Питтъ. - - 69

VI. Извѣстія и замѣчанія. - 75

МАРТЪ, No. 6.

I. Счастіе семейственной жизни. 81

II. Прошедшее. - - - 104

III. Къ Элизѣ. - - - 107

IV. О прибавленіи къ Словарю атеистовъ Лаланда. - - 110

V. Объ учебной книгѣ Г-на Мантеля. 113

VI. Біографическое извѣстіе о Г-нѣ Арно, недавно умершемъ въ Парижѣ. - - - 117

Стран.

VII. Критика. Утренняя Заря. Труды Воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона. Книжка III. Москва. 1805. - 120
VIII. Смѣсь. - - - 125
IX. Вильямъ Питтъ. (Окончаніе.) 130
X. О новомъ Королевствѣ Бельгарскомъ, въ отношеніи къ политическому равновѣсію Европы. 135
XI. Выписки изъ Лондонскихъ Вѣдомостей о новыхъ Министрахъ. 144
XII. Объявленіе отъ Римскаго Императора. - - - 151
XIII. Письмо изъ Вѣны. - - 154
XIV. Извѣстія и замѣтанія. - 158

АПРѢЛЬ, No. 7.

I. Письма изъ Франціи къ одному Вельможѣ въ Москву. - 161
II. Дѣва за клависиномъ. - 175
III. О различныхъ способахъ измѣрять время, и о началѣ календаря. 177
IV. Яковъ Кристонъ. - - 202
V. Смѣсь - - - 209
VI. Историческое и политическое разсмотрѣніе торговли Венеціянъ и ихъ могущества на моряхъ, въ четырнадцатомъ и пятьнадцатомъ столѣтіяхъ. - 215

Стран.

VII. Что разныя Государства пріобрѣтаютъ, и чего лишаются по силѣ Пресбургскаго трактата? 230

VIII. Письмо отъ Римскаго Императора къ Эрцгерцогу Карлу. - 232

IX. Извѣстія и замѣчанія. - 234

АПРѢЛЬ, No. 8.

I. Письма изъ Франціи къ одному Вельможѣ въ Москву (продолженіе). - - 241

II. Ночное размышленіе. - 261

III. Тиціенъ. - - - 265

IV. Мысли изъ Попа, Англійскаго Поэта. - - - 272

V. Критика. Сочиненія и Переводы И. Дмитріева. Часть Третія, Москва, въ Типографіи Платона Бекетова. 1805. - 278

VI. Смѣсь. - - - 300

VII. Письмо изъ Таганрога. - 308

VIII. Извѣстія и замѣчанія. - 316